ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ДЕПАРТАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На правах рукописи

Новиков Дмитрий Павлович

РОЛЬ ТРАНСТИХООКЕАНСКОГО ПАРТЕНРСТВА В ПОЛИТИКЕ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель –
кандидат политических наук
Бордачев Тимофей Вячеславович

Москва – 2017

Содержание

Введение 3

Глава 1. США и международный порядок АТР 27

1.1 Особенности международного порядка Азиатско-Тихоокеанского региона и теоретические основы исследования 27

1.2 Структурные особенности постбиполярного порядка в АТР и вызовы американскому лидерству современном этапе 38

Глава 2. Транстихоокеанской партнерство как инструмент утверждения американского лидерства в АТР 65

2.1. Политические предпосылки и институциональная база Транстихоокеанского партнерства 65

2.2. Становление Транстихоокеанского партнерства как элемента политики администрации Обамы в АТР 80

2.3. Ход переговоров и эволюция ТТП как инструмента политики США в АТР 108

Глава 3. Смена курса: причины и последствия выхода США из Транстихоокеанского партнерства 144

3.1. Геостратегическое значение Транстихоокеанского партнерства 144

3.2. Оценка потенциального экономического влияния Транстихоокеанского партнерства 160

3.3. Внутриполитические дебаты вокруг Транстихоокеанского партнерства и отказ от инициативы 185

3.4 Транстихоокеанское партнерство и интересы России 203

Заключение 218

Список литературы 231

Введение

Выход США из Транстихоокеанского партнерства в январе 2017 г. завершил почти десятилетний период американского участия в этом проекте, обозначив резкий сдвиг в тихоокеанской политике Вашингтона. Впервые со времен отказа от вступления в Лигу Наций в 1919 г. в силу целого комплекса причин действия США оказались направлены на подрыв института международного порядка, который они же и выстраивали на протяжении длительного времени. Объяснение этого резкого поворота представляет безусловный научный и практический интерес и является одной из главных целей данной работы.

Политика США в АТР исторически является одним из ключевых факторов, оказывающих системное воздействие на развитие региона и определяющих динамику эволюции сложившейся в бассейне Тихого океана международной системы. Развитие азиатско-тихоокеанского региона едва ли можно представить без фактора американской политики, во многом задавшей тренд его формированию как самостоятельной подсистемы международных отношений. Произошедшее во второй половине XIX в. – начале XXв. становление США в качестве великой тихоокеанской державы стало одним из главных импульсов к формированию структурных связей между регионами Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Америки, Океании, ранее обособленными. Последовавшая в XX в. трансформация отношений между государствами региона от колониальной зависимости к сотрудничеству (также в немалой степени – благодаря США) сделала связки между разными частями Тихоокеанского бассейна еще более устойчивыми[1].

Выдвинутая в 2008 г. инициатива о создании Транстихоокеанского партнерства стала одной из флагманских американских внешнеполитических проектов последнего десятилетия, в известной степени продолжая традицию

[1] *Cohen W.* (ed.) Pacific Passage. The Study of American-East Asian Relations on the Eve of the Twenty-First Century. Columbia University Press. NY. 1996., pp. 375-388.

американской вовлеченности в дела региона. По своему потенциальному влиянию создание ТТП было способно оказаться одним из наиболее важных факторов эволюции международного порядка в АТР и развития глобальной системы международной торговли, реформа которой оказалась в тупике с середины 2000-х гг.

Актуальность исследования ТТП как инструмента политики США в АТР и фактора развития международных отношений в регионе определяется рядом причин.

Во-первых, *исследование ТТП как элемента американской политики в АТР позволит получить более комплексное понимание ее эволюции, успехов и провалов, а также лучше понять характер стоящих перед США в регионе целей и инструментов их достижения на современном этапе.* Пришедшая в 2009 г. к власти демократическая администрация Б. Обамы сделала этот проект одним из ключевых элементов своей тихоокеанской политики, обозначенной ею как «разворот в Азию» («*pivottoAsia*»). В этой связи правомерно говорить о формировании обоюдной связи: с одной стороны наблюдавшаяся при администрации Обамы трансформация тихоокеанской политики США оказывала влияние на ТТП, с другой, динамика переговоров по соглашению являлась корректирующим фактором для реализации стратегии США в АТР.

Во-вторых, *сформированная в рамках ТТП нормативная база помогает понять тренды будущего развития институциональной архитектуры региональной и глобальной торговли.* В рамках предложенной странам АТР реформы правил международной торговли Вашингтон выдвинул передовые стандарты регулирования, которые по его мнению должны составлять нормативную основу торгово-экономической деятельности в регионе и мире в XXIв. Достигнутое соглашение по ТТП, даже не реализованное, следует рассматривать как модель для формирования многосторонних и двусторонних зон свободной торговли (ЗСТ) с американским участием.

В-третьих, *ТТП является показательным кейсом для изучения сильных и слабых мест использования экономических инструментов для реализации целей внешней политики.* Современный этап развития международных отношений характеризуется качественно более высоким по сравнению с предшествующими историческими периодами, уровнем экономической взаимозависимости между государствами, что определяет расширение применения ими различных экономических рычагов (санкции, предоставление помощи, формирование регулирующих норм и т.д.). ТТП также представляет собой комплексный инструмент экономического воздействия, с одной стороны являясь примером нормативно-правовой экспансии, с другой – средством расширения торгово-финансовой экспансии США в страны-участники соглашения.

Однако, история становления и эволюции ТТП позволяет говорить о серьезных рисках, возникающих при использовании экономических инструментов внешней политики (в данном случае – в виде продвижения торговых соглашений), что представляет значительный научный интерес. С одной стороны, соглашение по ТТП, устанавливая новые правила региональной торговли, было призвано укрепить американскую гегемонию в системе международных отношений в АТР, способствуя усилению институциональной и экономической базы американского лидерства – и в целом воспринималось другими акторами как один из главных внешнеполитических активов США в регионе. Достижение соглашения 5 октября 2015 г. рассматривалось и подавалось как триумф американской дипломатии. Однако, неоднозначное влияние этого инструмента на американскую экономику, привело вначале к замедлению реализации проекта, а затем и к формальному отказу от него. Это предоставляет материал для определенного переосмысления эффективности экономических инструментов внешней политики, особенно таких масштабных как ТТП, которые, несмотря на высокую потенциальную эффективность могут давать сбои из-за неравномерного и невыгодного инициатору распределения

относительных экономических выгод при реализации таких проектов (несмотря на возможность реализации стратегических задач).

В этой связи изучение ТТП представляется актуальным и как значимый аспект американской политики в регионе, и как важный опыт, позволяющий лучше понять характер и эффективность нормативной экспансии в качестве набирающего силу инструмента внешней политики государств. Практическая и теоретическая значимость объективной оценки опыта ТТП как примера использования институционального строительства в качестве внешнеполитического инструмента имеет большое значение в свете российских инициатив по институциональному строительству в рамках «Большой Евразии».

Данное исследование концентрируется на региональном значении ТТП как инструмента политики США в АТР и его структурном значении для международной политики на Тихом океане. При этом глобальному измерению ТТП в контексте общей стратегии США в мире и американской политики продвижения мегарегиональных и отраслевых соглашений (ТТП, ТАТИП, глобальное соглашение по электронной торговле) уделяется заведомо меньшее внимание. Тем не менее, данная проблематика также находит отражение в данной работе.

Степень научной разработанности проблемы. Междисциплинарный характер темы и специфика предмета исследования предопределили, с одной стороны, повышенное внимание к теме региональной политики США в АТР, с другой относительный недостаток комплексных научных работ, посвященных проблеме американских инициатив в АТР, в том числе проекту Транстихоокеанского партнерства. Значительная часть работ, посвященных ТТП, является экспертными исследованиями аналитических центров (policypapers), носящих прикладной, а не фундаментальный характер [2].

[2]Напримерсм: *Solis M.* The case for the Trans-Pacific Partnership // Brooking Institute, October 4, 2016 ; *Miller S.* TPP is More than a Trade Agreement // Center for Strategic and International Studies, January 31,

Большое количество экспертных материалов связано с политической значимостью инициативы, а также относительной новизной данной проблемы (инициатива о создании ТТП была выдвинута лишь в 2008 г., а условия самого соглашения опубликованы лишь осенью 2015 г.) и закрытостью переговоров, что определяет довольно ограниченный объем данных для проведения анализа. Экспортно-аналитические материалы широко использовались в работе в двух ипостасях: в качестве литературы и как источник, иллюстрирующий ход экспертно-политических дебатов вокруг ТТП.

Проблема формирования и эволюции американской политики в АТР при администрации Обамы (политика «разворота в Азию») достаточно хорошо исследована как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Среди отечественных ученых следует выделить ряд исследователей, занимавшихся общими проблемами современной политики США в АТР (М.В. Братерский, Ф.Г. Войтоловский, С.А. Караганов, Б.А. Ширяев, Д.В. Суслов, А.В. Болятко)[3]. В рамках данных работ по большей части анализировался общий контекст американской политики «разворота в Азию», при администрации Б. Обамы, ее стратегических и политических результатов и последствий, а также последствия для интересов России. При этом отдельно следует выделить работы, посвященные особенностям формирования и развития системы международных отношений АТР и американской роли в ней (А.Д. Богатуров, А.А. Байков, В.В. Михеев, В.Г. Швыдко)[4]. Данные работы позволили установить особенности устройства

2014 ; *Krist W., Zoellick R., Huges K.* The Transpacific Partnership Negotiations: Getting to an Agreement // Wilson Center, December 13, 2013.

[3]*Войтоловский Ф.Г.* Политика США в АТР // Россия и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Пер. с англ. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 45 с.; *Караганов С.А.* Обещание Евразии // Россия в глобальной политике. 16 октября, 2016.; *Ширяев Б.А.* Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы, СПб. 2012; *Братерский М. В., Суслов Д. В.* Возвращение США на Тихий океан // В кн.: Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Отв. ред.: М. В. Братерский; науч. ред.: М. В. Братерский. М. : ИНИОН РАН, 2014. Гл. 1. С. 8-45.

[4]*Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М. 1997 ; *Байков А.А.*Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Восточной Азии. М.: НОФМО-Аспект Пресс, 2012 ; В.В. Михеев, В.Г. Швыдко (отв. ред). Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности. М. ИМЭМО РАН, 2016, 129 с.Дисбалансы транстихоокеанского пространства. Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; авт. кол. ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014, 320 с. Проблемы и перспективы эволюции системы

регионального международного порядка, сложившегося в рамках Тихоокеанского бассейна и характер американского лидерства, во многом определявшего политическое развитие региона. Наконец, важными для характеристики американской политики в АТР на современном этапе представляются исследования по вопросу китайско-американских отношений (С.М. Труш, А.В. Виноградов)[5]

Проблема роли ТТП как элемента американской политики в АТР также нашла отражение в отечественной литературе, хотя ввиду специфики и указанных выше факторов исследована в меньшей степени. В отечественной литературе широко представлены работы по проблеме интеграционных процессов в АТР (значимой частью которых являлся и ТТП) и американской роли в них (А.Н. Панов, А.П. Портанский, С.В. Севастьянов, Н.В. Стапран, А.А. Сидоров, А. Феодоровский)[6], однако в них ТТП и его предшественница – Транстихоокеанское стратегическое и экономическое партнерство (ТСЭП) рассматриваются лишь как частные и зачастую не самые важные форматы многосторонней интеграции. Работы российских авторов, предметом которых является именно ТТП можно условно разделить на две группы: сфокусированные в большей степени на роли и месте американской инициативы по созданию ТТП в контексте его влияния на интеграционные процессы в АТР (А.П. Портанский, Н.В. Стапран, А.А. Сидоров, В.К.

международной безопасности на транстихоокеанском пространстве. Отв. ред.: В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2014, 76 с.

[5]*Труш С.М.* Отношения США – Китай: события, мотивации, глобальный контекст // США. Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 2. С. 25 – 42 ; *Труш С.М.* Администрация Обамы и Китай: мотивации и события // США. Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 8. С. 45 – 60; *Труш С.М.* Выборные циклы в США и КНР: следствия для двусторонних отношений «США – Канада: политика – экономика – культура» 2013, № 3 *Виноградов А.В.* Китайско-американские отношения в конце президентского срока Б. Обамы. Запад – Восток – Россия, 2016, № Запад - Во, сс. 45-48;

[6]*Панов А.Н.* США и экономические интеграционные процессы в АТР // США. Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 5. С. 15 – 25; *Севастьянов С.* Новые проекты азиатско-тихоокеанской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 1. С. 48 – 54 ; Сидоров А.А. АТЭС В Поисках Новой Парадигмы Развития. Вестник Московского Университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. №2. 2009 ; *Сидоров А.А.* У истоков ТТП // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. №4; *Стапран Н.В.*Транстихоокеанское партнерство: основные обязательства участников и последствия для международной торговли // Российский Внешнеэкономический Вестник. 2016. Т. 2016. № 2. С. 21-31 ; *Федоровский А.* Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 40 – 50;

Ремчукова, В.В. Перская, Г.М. Костюмина, В.И. Баронов и др.)[7], и в качестве элемента американской политики в АТР в контексте предпринятого администрацией Обамы «разворота в Азию» (Б.А. Ширяев)[8].

Большую разработанность данная проблема получила в иностранной литературе. Среди последних исследований общей политики США в АТР следует отметить ряд работ посвященных непосредственно политике «разворота США в Азию (Дж. Бэдэр, Р. Саттэр, Дж. Штайнберг, Э. О'Ханлон)[9], а также истории американской политики в регионе в целом (Р. Саттэр)[10]. Следует выделить и ряд трудов, посвященных такой важной проблеме региональной и мировой политики как американо-китайские отношения (Г. Киссинджер, Дж. Штайнберг, Э. О'Ханлон, Э. Чен, С. Чан, Д. Шамбо, Т. Кристенсон)[11].

Исследования, посвященные американо-китайской проблематике как правило носят комплексный характер и охватывают в том числе как проблему изменения баланса сил между двумя странами, так и вопросы,

---

[7]*Сидоров А.А.* АТЭС В Поисках Новой Парадигмы Развития. Вестник Московского Университета. Сер. 25. Международные Отношения И Мировая Политика. №2. 2009 ; *Кадочников П.А., Стапран Н.В.*Транстихоокеанское партнерство: основные обязательства участников и последствия для международной торговли // Российский Внешнеэкономический Вестник. 2016. Т. 2016. № 2. С. 21-31 ; *Костюнина Г.М.,Баронов В.И.*Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная Жизнь. 2016. № 2. С. 90-112 ; *Ремчукова В.К.*Транстихоокеанское партнерство - первые результаты, история создания, перспективы // Российский Внешнеэкономический Вестник. 2015. Т. 2015. № 11. С. 100-105; *Перская В.В.*Транстихоокеанское партнерство: вызов для мировой экономики или эволюция интеграции в условиях перехода к многополярности? // Экономические Стратегии. 2015. Т. 17. № 8 (133). С. 26-39; *Сидоров А.А.* У истоков ТТП // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. №4; *Иванов А.В.* Перспективы создания зон свободной торговли в АТР: Транстихоокеанское партнерство и Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли // Ежегодник ИМИ, 2015, № 4 (14). С. 164-172.

[8] Ширяев Б.А. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы, СПб. 2012

[9]*Badar J.*Obama and China's Rise: An Insider's Account of America's Asia Strategy. Brookings Institution Press. 2013. – 171 p; *Sutter R.* The Obama Administration and US Policy in Asia // Contemporary Southeast Asia. Vol. 31, No. 2 (August 2009), pp. 189-216 ; *Parameswaran P.* Explaining US Strategic Partnerships in the Asia-Pacific Regions: Origins, Developments and Prospects // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, Volume 36, Number 2, August 2014, pp. 262-289; *Steinberg J., O'Hanlon M.* Strategic Reassurance and Resolve. Princeton University Press. 2014.

[10]*Sutter R.*East Asia and the Pacific: Challenges for U.S. Policy. Westview Press Inc. 1992. – 160 p. ;

[11]*КиссинджерГ.*ОКитае. М. *Christensen T.*The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. W. W. Norton & Company. 2016. – 400 p; *Shambaugh D.*Tangled Titans: The United States and China. Rowman& Littlefield Publishers. 2012. – 454 p ; *Steinberg J., O'Hanlon M.* Strategic Reassurance and Resolve. Princeton University Press. 2014. *Chan S.*China, the US and the Power-Transition Theory: A Critique. Routledge. 2007. – 287 p. *Chen E.* U.S.-China Trade Relations and Economic Distrust // The Chinese Economy, 2014. No 47 (3), pp. 57-69.

связанные с двусторонним диалогом по вопросу о реформе региональной архитектуры торгово-экономической деятельности.

При этом нужно отметить большое количество работ иностранных ученых, посвященных эволюции региональных институтов в АТР (Дж. Руланд, Дж. Уилсон, Х. Йошиматцу, К. Джийонг, М. Уэсли)[12], как важной составной части региональной международной политики. Отдельно следует выделить работы, посвященные феномену регионализма, которым характеризуется развитие региональной интеграции и регионального институционального строительства и региональных систем безопасности (Б. Бузан, О. Вейвер, Дж. Най, Р. Хаас, Р. Глибб, В. Мишалак, Р. Келли, П. Катценштейн) [13] . Среди работ, посвященных особенностям развития регионализма в АТР следует отметить работы Д. Нэйра, П. Боуэса, П. Катценштейна[14].

В иностранной литературе также широко представлены работы по ТТП и ее роли для международной системы. Среди данных работ следует также выделить две группы. К первой относится литература, посвященная потенциальным макроэкономическим эффектам разрабатываемого соглашения (К. Барфилд, П. Петри, К.Л. Лим, П. Лоу, М. Пламмер, А.

[12]*Ruland J.* East Asian Regionalism: From Stagnation To Re-Invention? // European Journal of East Asian Studies, Vol. 4, No. 2 (2005), pp. 149-176 ; *Wilson J.* Mega-Regional Trade Deals in the Asia-Pacific: Choosing Between the TPP and RCEP? // Journal of Contemporary Asia, 2015 Vol. 45, No. 2, 345–353 ; *Jeeyong K.*When Economic Interdependence Meets Power Politics: Predicting the Direction of East Asian Regionalism in Asia's Paradox // The Korean Journal of Defense Analysis.Vol. 27, No. 3, September 2015, 293–312 ; *Wesley M.* Trade agreements and strategic rivalry in Asia // Australian Journal of International Affairs, 2015 Vol. 69, No. 5, 479–495.

[13]*Buzan B., Woever O.* Regions and Powers. Structure of International Security. Cambridge University Press. 2003; *Kelly R.* Security Theory in the "New Regionalism"// International Studies Review. Vol. 9, No. 2 (Summer, 2007), pp. 197-229; *Katzenstein P.* A World of Regions: America, Europe, and East Asia // Indiana Journal of Global Legal Studies Vol. 1, No. 1, Symposium: The Globalization of Law, Politics, and Markets: Implications for Domestic Law Reform (Fall, 1993), pp. 65-82; *Katzenstein P.* Area studies, regional studies, and international relations // Journal of East Asian Studies. Vol. 2, No. 1 (February 2002), pp. 127-137 ; *Glibb R., Mirchalak W.* Regionalism in the World Economy // Area. Vol. 28, No. 4 (Dec., 1996), pp. 446-458 ; *Haas R.* The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // International Organization. Vol. 24, No. 4, Regional Integration: Theory and Research (Autumn, 1970), pp. 607-646 ; *Nye J.* International Regionalism; Readings. Little, Brown and Company. 1968.

[14]*Nair D.* Regionalism in the Asia Pacific/East Asia: A Frustrated Regionalism? // Contemporary Southeast Asia, Vol. 31, No. 1 (April 2009), pp. 110-142; *Bowels P.* ASEAN, AFTA and the "New Regionalism" // Pacific Affairs. Vol. 70, No. 2 (Summer, 1997), pp. 219-233; *Katzenstein P.* East Asia Beyond Japan//Beyond Japan: The Dynamics of East Asian Regionalism. Ithaca. 2006.

Дирдорф)[15]. Ко второй группе относятся исследования, посвященные не только экономическому, но также политическому и стратегическому влиянию ТТП на международную систему АТР (Дж. Уилсон, М. Уэсли, А. Стэмолис, Ю. Мин, Дж. Рэвенхилл, К Барфилд)[16].

Объект исследования – политика США в азиатско-тихоокеанском регионе на современном этапе.

Предмет исследования – Транстихоокеанское партнерство как инструмент политики США в АТР и средство противодействия структурным вызовам американскому лидерству в АТР.

Цель исследования заключается в выявлении предпосылок формирования инициативы ТТП и определении основных факторов, определяющих ее роль в укреплении американского лидерства в АТР.

Для достижения поставленной цели определены и решаются следующие **исследовательские задачи**:

- проанализировать и обобщить теоретическую основу роли институтов как внешнеполитического инструмента государств в различных научных подходах и при необходимости расширить ее с учетом современных особенностей;
- операционализировать термин «региональное лидерство» применительно к роли и месту США в АТР;
- провести исторический анализ регионального поведения США в АТР, их становления как великой тихоокеанской державы с целью

[15]*Plummer M., Zhai F.* The Trans-Pacific Partnership and Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment. United Book Press. 2012. 143 p; *Lim C.L., Eims D.K., Low P.* The Trans-Pacific Partnership: A Quest for a Twenty-first Century Trade Agreement. Cambridge University Press. 2012; Petri P., Plummer M. The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates // Peterson Institute of International Economics. Working Paper. January 2016 ; *Deardorff A.* Trade Implications of the Trans-Pacific Partnership for ASEAN and Other Asian Countries // Asian Development Review, vol. 31, no. 2, pp. 1–20; *Barfield C.* The Trans-Pacific Partnership: A Model for 21st Century Trade Agreements // AEI International Economic Outlook No. 2, June 2011.

[16]*Wilson J.* Mega-Regional Trade Deals in the Asia-Pacific: Choosing Between the TPP and RCEP? // Journal of Contemporary Asia, 2015 Vol. 45, No. 2, 345–353; *Min Y.* China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road //Asian Security, vol. 11, no. 3, 2015, pp. 206–224; *Stamoulis A.* Trading Away the Future: An Analysis of the Trans-Pacific Partnership // New Labor Forum. 2014, 22(3), pp. 30–37; *Capling A., Ravenhill J.*Multilateralising regionalism: what role for the Trans-Pacific Partnership Agreement? // The Pacific Review, Vol. 24 No. 5 December 2011: 553–575.; *Devadason E.*The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese perspective // Journal of Contemporary China. No 23:87, pp. 462-479.

определить их структурную роль для региональной международной системы, особенности ее эволюции, а также и исторически сложившиеся императивы поведения США в регионе;

- провести анализ характера американского лидерства в АТР на современном этапе и его воздействия на региональную международную систему;
- провести анализ эволюции международной системы АТР на современном этапе существующих и формирующихся структурных вызовов американскому региональному лидерству;
- проанализировать эволюцию ТТП как инструмента политики США в АТР и его соответствие меняющимся структурным вызовам и задачам в регионе;
- исследовать потенциальное структурное воздействие инициативы ТТП на региональную международную систему с точки зрения соответствия американским национальным интересам;
- проанализировать потенциальное воздействие ТТП на американскую экономику, ее отдельные сектора, рынок труда, определить, насколько условия соглашения соответствуют американским экономическим интересам;
- оценить особенности и структуру внутриполитического сопротивления реализации ТТП в США, определить зависимость внутриполитической реакции от потенциальных экономических эффектов имплементации соглашения на американскую экономику;
- выявить на основании анализа соответствия ТТП стратегическим и экономическим интересам США основные противоречия, воспрепятствовавшие успешной реализации проекта;
- проанализировать влияние (реальное и потенциальное) ТТП на российские интересы, предложить меры по их защите и усилению эффективности политики России в АТР.

Хронологические рамки диссертации включают период с 2008 г. (выдвижение проекта Транстихоокеанского партнерства) по настоящее время, при этом исследование включает анализ предпосылок выдвижения инициативы ТТП, в которых входит анализ деятельности двух предыдущих администраций (У. Клинтон и Дж. Буш-младший) на этом направлении.

Основная гипотеза исследования. Проект Транстихоокеанского партнерства является не просто институтом международного экономического управления в АТР, имеющим чисто экономическое значение, как его нередко позиционируют на официальном уровне, но прежде всего комплексным инструментом реагирования на структурные вызовы американскому лидерству в АТР. Можно выделить три группы вызовов, которые, так или иначе, сформировали повестку американской политики институционального строительства в регионе:

1) Геоэкономические – связанные с перераспределением богатства в регионе в пользу Китая и ряда других стран и трансформацией региональной модели экономического роста. Следствием этого является фактическая эрозия экономической базы международного порядка в АТР, в котором США стремятся доминировать.
2) Стратегические – вызванные относительным ослаблением военного превосходства США, а также сковывающей американские возможности проецирования военных возможностей в регионе структурой американо-китайских торгово-экономических и технологических связей. Данная группа вызовов оказывает негативное воздействие на американские позиции в АТР, при этом вынуждая США активизировать невоенные инструменты внешней политики, в том числе – институциональное строительство.
3) Институциональные – связанные с вакуумом институтов управления в регионе и как следствие – заполнением этого вакуума институциональными форматами, зачастую формирующими

альтернативную американской политическую и экономическую повестку.

Появление и развитие Транстихоокеанского партнерства как комплексного инструмента американской политики в АТР было определено необходимостью реакции на комбинацию указанных выше вызовов (экономических, стратегических и институциональных), а сама структура соглашения – направлена на их ослабление и купирование. В качестве элемента предпринятого администрацией Обамы «разворота в Азию» инициатива ТТП изначально являлась составной частью стратегии вовлечения КНР и других усиливающихся центров силы в американский международный порядок с целью укрепления регионального лидерства США. Такая модель развития ТТП предполагала сохранение баланса между экономическими и стратегическими интересами США и позволяла тем самым дать комплексное решение комбинации структурных вызовов американским позициям в АТР и одновременно удовлетворить экономические интересы широкого круга групп влияния внутри США.

Однако, эволюция региональной международной системы определила и трансформацию проекта ТТП. Из проекта открытого регионализма, каким инициатива позиционировалась в первые годы существования, по мере усиления конфронтации с Пекином она эволюционировала в один из инструментов сдерживания КНР, в котором стратегическая значимость инициативы в глазах американского руководства превысила экономические интересы. Это отразилось на внешне- и внутриполитическом позиционировании проекта, и позиции США на переговорах со странами-участниками проекта: Вашингтон посчитал нужным пойти на более значительные уступки, нежели изначально заявленная позиция. В результате достигнутое осенью 2015 г. соглашение приняло противоречивый характер: с одной стороны оно было направлено на усиление стратегических позиций Вашингтона в АТР, с другой – не соответствовало экономическим запросам широкого круга групп интересов в самих США, нередко напрямую

противореча им. Как экономический инструмент внешней политики ТТП, таким образом, попал в своеобразную ловушку: для отверждения стратегических интересов была предложена слишком высокая экономическая цена, которая в итоге привела к отказу от инициативы и значительным политическим и репутационным потерям. Таким образом, инструмент, призванный укрепить американские позиции в АТР привел к их ослаблению.

Теоретическую основу диссертации составили работы в рамках реалистистской парадигмы (труды Х. Моргентау, К. Уолца, С. Уолта, Р. Швеллера)[17], на основе которых базируется понимание базовых императивов политики государства и его взаимодействия с международной системой АТР. С точки зрения реалистского подхода политические и экономические интересы государства подчиняются центральной задаче укрепления стратегических позиций в системе международных отношений до статуса гегемона, гарантирующего максимальный уровень влияния и безопасности. Именно такое положение заняли США после окончания «холодной войны», как на глобальном, так и не региональном уровне – в АТР.

Сохранение и продление этого статуса в системе международных отношений само по себе рассматривается нами как важнейший императив поведения США на международной арене, а ослабление позиций гегемона полагается как предпосылка к разрушению поддерживаемого ими международного порядка и снижению уровня безопасности, как для самого Вашингтона, так и – в некоторых случаях – для других акторов[18]. Таким образом, достижение, сохранение и упрочнение гегемонии можно рассматривать как определяющую цель американской политики и на глобальном, и на региональном уровне – в АТР.

---

[17]*Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace, Fifth Edition, Revised, N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – 752 p.; *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. – 251 p; Walt S. The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 336 p.; *Schweller R.*Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security – 1994. – Vol. 19 (1). – 72–107;

[18]*Keohane R,*After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press. 2005. 320 pp.

В качестве основного теоретического подхода, объясняющего полоитику США в АТР используется теория неоклассического реализма (Г. Роуз, Дж. Джевис, Р. Швеллер)[19], предоставляющая концептуальную базу как для анализа взаимодействия государства с международной системой (реакция на структурные вызовы), так и различных «корректирующих» переменных, определяющих форму и степень этой реакции (включая внутриполитические обстоятельства, социально-экономические и культурно-идеологические особенности государств и др.).

В основе данного подхода лежит тезис о «реакционной» природе внешней политики, как ответа на вызовы внешней среды, разработанный в рамках теории структурного реализма К. Уолтца. При этом неоклассический реалисткий подход вводит в теорию внешнеполитического поведения государств ряд переменных, связанных с «внутренним содержанием» актора, включая его политическое устройство, механизмы и возможности использования внешнеполитических ресурсов, институциональную память, стратегическую культуру и др. Таким образом, ТТП в данной работе рассматривается как инструмент воздействия США на международную систему с целью купировать или нейтрализовать ослабляющие их позиции структурные вызовы, при этом выбор этого инструмента и его использование носят на себе отпечаток целого ряда субъективных факторов.

Таким образом, неоклассический реализм представляется оптимальной теоретической базой для исследования, в том числе и в силу наблюдавшегося в последние годы и проявившейся в особенной степени в ходе избирательной кампании 2016 г. усиления внутриполитической борьбы в США, которая представляется как важная переменная, оказывающая влияние на внешнеполитическую стратегию Вашингтона. Победа Д. Трампа на президентских выборах и прихода к власти новой республиканской

[19]*Rose G.* Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics – 1998. – Vol. 51 (1). – P. 144-172; *Javis J.*System Effects: Complexity in Political and Social Life. Princeton. 1997 ; *Javis J.* Complexity and the Analysis of Political and Social Life // Political Science Quarterly . 1997. 112(4): 569–93; *Schweller R.*Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security – 1994. – Vol. 19 (1). – 72–107 ;

администрации в 2017 г. сопровождается пересмотром ряда стратегических установок, определявших внешнюю политику США на протяжении последних десятилетий. «Жертвой» этого тренда в известной степени стало и ТТП. При этом в нашей работе отказ от инициативы рассматривается как смена инструментария, но никак не содержания и базовых целей американской политики. Как указывалось выше, некоторые особенности регионального и субрегионального уровней международной системы, которые являются предметом анализа в данной работе рассматриваются с точки зрения теории региональных комплексов безопасности (РКБ) (Б. Бузан, О. Вейвер)[20].

Для анализа внешнеэкономической деятельности (ВЭД), которая понимается нами к составная часть внешней политики государств применяется теория стратегической торговли (Т. Отли, Дж. Харт, П. Асим)[21], объясняющей мотивы и методы государственного вмешательства в ВЭД как для повышения международной конкурентоспособности своих компаний, так и для наращивания своего потенциала в других аспектах.

Методологическая основа проведенного исследования учитывает комплексный характер объекта исследования, включающего историческую, политическую, стратегическую и экономическую составляющую, а потому подразумевает использование не только общенаучных методов (индукция, дедукция), но и специфические. Например, при изучении предпосылок формирования тихоокеанской политики США при Б. Обаме, а также становления США как великой державы в АТР использовались методы научного исторического исследования, такие как хронологический, сравнительный, системный. Применение этих методов позволило рассмотреть исторический контекст и эволюцию американской политики в регионе и понять механизмы и контекст становления американской политики

[20] *Buzan B., Woever O.* Regions and Powers. Structure of International Security. Cambridge University Press. 2003.
[21] *Hart J., Aseem P.* Strategic Trade and Investment Policies: Implications for the Study of International Political Economy // *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. Boston: Bedford/St. Martin's. 2000 ; *Oatley T.*International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy. Longman. 2008.

«разворота в Азию» и инициативы по созданию ТТП как один из ее ключевых компонентов.

Что касается политических аспектов выдвижения и реализации инициативы Транстихоокеанского партнерства, то основу их исследования составили методы научного анализа и синтеза, а также некоторые другие, применяемые в различных направлениях науки о международных отношениях. К этим методам, в частности, можно отнести системный анализ, контент- и ивент-анализ (исследование официальных документов и событий), метод когнитивного картирования (анализ выступлений и комментариев по отдельным вопросам со стороны политического руководства). Они способствуют лучшему осмыслению механизмов формирования и реализации американской «политики разворота в Азию», роли и места инициативы ТТП в ней, а также эволюцию проекта в ходе реализации.

Комплексность рассматриваемого исследовательского вопроса определяет пользование различными вспомогательными методами, взятыми из других наук. К ним можно отнести социологический метод (результаты социологических опросов населения по вопросам, связанным с реализацией внешнеполитического курса), политэкономический метод (анализ взаимосвязей между политическими решениями и экономической ситуацией) и статистические методы (в частности, корреляционный анализ, который помог найти связи между различного рода внутренними процессами и внешнеполитическим курсом).

Источниковая база исследования весьма многообразна и содержит в себе различные типы источников, которые могут быть отнесены к следующим основным группам.

Первую группу составляют официальные документы: тексты международных договоров и соглашений (в том числе и прежде всего – соглашение по ТТП, а также тексты других соглашений), декларации глав государств и правительств, в том числе – декларации лидеров АТЭС, отражающие официальную позицию членов организации по вопросам

долгосрочного развития региональной архитектуры экономического сотрудничества.

Особое внимание следует также уделить итоговым декларациям официальных представителей стран-участников проекта ТТП по итогам переговорных раундов, отражающих динамику переговорного процесса, а также эволюцию инициативы как инструмента внешней политики США в АТР.

В данную группу входят также материалы «утечек» официальных документов, попавшие в руки средств массовой информации по неофициальным каналам, но признанные или не опровергаемые правительствами государств-участников проекта ТТП. Данные материалы позволяют получить более точную картину динамики переговорного процесса и существующих противоречий между присоединившимися к инициативе государствами, а также инструменты и механизмы, применяемые США для отстаивания своих интересов и «продавливания» своей повестки торгового соглашения.

Вторая группа источников – речи и выступления глав государств и правительств и официальных лиц США и других стран региона. Сюда же относятся материалы пресс-конференций, в ходе которых руководители государств и их официальные представители озвучивали свою позицию по вопросам региональной политики, развития региональной архитектуры экономического сотрудничества, отношения к проекту ТТП, его перспективам и потенциалу.

Третья группа источников – стенограммы переговоров (текстовые, видеозаписи в СМИ) на различных дву- и многосторонних мероприятиях, в ходе которых стороны обмениваются мнениями по вопросам развития региональных отношений.

Четвертая группа включает материалы прессы: статьи, интервью с официальными лицами, эссе и другие публицистические материалы. Анализ материалов данной группы источников позволяет с одной стороны более

детально проследить хронологию происходящих событий, с другой – восстановить картину общественно-политической дискуссии вокруг ТТП, американской политики в АТР, отдельных принимаемых решений.

Пятая группа источников включает мемуары политиков, дипломатов и других официальных лиц. Данная группа включает как американских официальных лиц, вовлеченных в выработку и реализацию внешней политики США, так и представителей политических и бизнес-элит других стран, ответственных за отношения с Соединенными Штатами, либо вовлеченных в переговоры по реформе тихоокеанской архитектуры экономического сотрудничества.

Последняя, *шестая группа* представлена статистическими данными. Сюда включены статистические материалы как национальных государственных органов (министерства торговли и экономики, статистические агентства), так и данные международных организаций. К первой категории относится прежде всего данные Статистического Бюро США (UnitedStatesCensus), аппарата торгового представителя США, статистические материалы Федеральной Резервной Систему, а также статистические данные органов государственной власти других стран-участников ТТП. Ко второй группе относится статистика ЮНКТАД, Группы Всемирного Банка, АТЭС и других межправительственных организаций.

Научная новизна диссертационного исследования заключается прежде комплексном анализе потенциального влияния проекта ТТП на международную систему АТР с одной стороны, и на США как лидера-гегемона этой системы с другой. Проведенное исследование позволило выявить противоречие между позитивными потенциальными эффектами ТТП на укрепление американского лидерства в АТР и неоднозначными, в значительной степени негативными последствиями для экономических интересов США. Возникшее противоречие, вылившееся в отрицательную внутриполитическую реакцию в государстве-спонсоре проекта (США) привело вначале к замедлению, а затем и формальному выходу Соединенных

Штатов из ТТП, что привело к его фактическому свертыванию. В результате исследования была сформулирована модель использования институционального строительства в качестве инструмента внешней политики, в рамках которой выдвижение такой инициативы для достижения стратегических целей предполагает создание широкой внутриполитической коалиции посредством удовлетворения экономических интересов ключевых групп влияния. Отсутствие или узость такой коалиции фактически отражает противоречие призванной реализовать стратегические интересы инициативы экономическим интересам государства-инициатора. В случае с ТТП данное противоречие, проявившееся в виде усиления внутриполитической борьбы вокруг соглашения в 2015-2016 гг., привело к формальному выходу США из проекта.

К другим элементам научной новизны относятся:

1) проведен комплексный анализ потенциальной эффективности ТТП как инструмента американской политики в АТР. В данный анализ ТТП входит не только потенциальное макроэкономическое влияние проекта на динамику развития региональных торгово-экономических связей и экономический рост в странах АТР (что является предметом большинства таких работ), но и потенциальное влияние ТТП на геостратегическую расстановку сил на Тихом океане и способность и возможности США реализовывать политическое лидерство в рамках международной системы АТР. Проведение такого анализа позволяет дать более всестороннюю оценку роли и места ТТП в региональной политике при администрации Обамы и определить цели, на достижение которых была реально направлена данная инициатива.

2) осуществлен комплексный междисциплинарный анализ других механизмов реализации американской политики «разворота в Азию» и их сочетания с ТТП. Это позволило получить представление о роли и месте институционального строительства в общем комплексе американской региональной стратегии;

3) проведен анализ нормативно-правовой базы ТТП, позволяющий определить вероятные тренды дальнейшей политики США в области либерализации торгово-экономической деятельности и развития архитектуры международных экономических связей – по-видимому любые новые инициативы по преобразованию правил региональной торговли будут основаны на стандартах достигнутого соглашения по ТТП;

4) проведен анализ потенциального влияния ТТП, а также конкурирующих с ним форматов, на российские интересы в АТР, а также нынешнюю российскую региональную политику и предложениы меры по ее усилению и повышению эффективности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Как инструмент американской политики в АТР Транстихоокеанское партнерство являлось не просто торгово-экономическим соглашением, но средством комплексного воздействия США на международную систему АТР, включавшим как институциональные (формирование правил международного поведения) и экономические (влияние на социально-экономическое развитие государств региона и торговые связи между ними), так и стратегические (изменение баланса сил) и политические (укрепление американского лидерства) эффекты.

2. В качестве составной части «разворота в Азию» создание ТТП было тесно связано с другими инициативами и элементами региональной политики США: политикой «стратегического ребалансирования», мероприятиями по укреплению военно-политических связок Вашингтона с его союзниками, продвижением демократический ценностей. Заключение соглашения по ТТП, наряду с другими элементами американской политики, было призвано преодолеть, либо купировать комплекс структурных вызовов американскому лидерству в АТР, к которым следует отнести: экономическое и стратегическое усиление КНР, регионализацию экономических связей между государствами Азии и ослабление «американоцентричноо» характера

азиатско-тихоокеанской экономики и существующий институциональный вакуум в АТР.

3. В качестве инструмента региональной политики ТТП прошло через определенную эволюцию. Как комплексный инструмент американской политики ТТП должно было усилить институциональный каркас американского регионального лидерства, укрепить и экономические, и стратегические позиции США в АТР, а также поддержать экономический рост в самих США – что позволяло администрации Обамы позиционировать проект в том числе как инструмент решения внутриэкономических проблем в США и «перезапуска» их экономики. Однако в процессе реализации инициативы можно было наблюдать ее трансформацию, вызванную изменениями международной среды (нарастание американо-китайских противоречий, появление конкурирующих институциональных проектов), а также внутриполитическими факторами (неспособность администрации Обамы «продавить» ратификацию соглашения через конгресс, нарастание предвыборной борьбы в 2015-2016 гг.). В результате этой трансформации, инициатива с одной стороны приняла более антикитайский характер, что повысило стратегическое и политическое значение ТТП, с другой – оказалась более дорогостоящей и не такой выгодной для американской экономики, как представляла администрация Обамы, начиная переговоры по созданию объединения.

4. Внутриполитическая борьба вокруг ТТП являлась отражением противоречивости данного соглашения как инструмента политики США в АТР. С одной стороны ТТП позволило бы укрепить стратегические позиции Вашингтона и усилить институциональную базу американского регионального лидерства – на что делали упор сторонники соглашения, с другой – могло оказать противоречивый эффект на рынок труда США и не являлось значимым фактором ускорения экономического роста. Высокая потенциальная экономическая цена и негативные социальные эффекты стали

факторами пересмотра эффективности ТТП как инструмента американской внешней политики.

5. Отказ администрации Трампа от участия в проекте ТТП следует рассматривать не как отказ от целей и задач, которые преследовала данная инициатива, но как трансформацию американской политики с целью снять те негативные экономические и внутриполитические эффекты, которые ТТП несло в качестве инструмента региональной политики США. Заявленный республиканской администрацией подход предполагает сдвиг в сторону заключения двусторонних соглашений о зонах свободной торговли (вместо многостороннего мега-соглашения, которым является ТТП), что с одной стороны может позволить сделать институционально-нормативную экспансию США в АТР более экономически целесообразной (за счет заключения более выгодных двусторонних соглашений), с другой – сформировать более широкую правовую базу для возможного возврата к идее создания тихоокеанской зоны свободной торговли во главе с США в будущем.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в анализе на примере ТТП возможностей использования институтов экономического сотрудничества для достижения стратегических и политических целей, прежде всего – удержания и укрепления региональной гегемонии. При этом отказ США от участия в ТТП является крайне интересным кейсом с точки зрения оценки эффективности институционально-нормативной экспансии как инструмента внешней политики. В исследовании рассматривается случай, при котором повышение экономической цены институционального строительства приводит к отказу от политики, что наносит большой политический и репутационный ущерб стране-лидеру проекта. Нормативно-институциональная экспансия тем самым может не только укреплять политическое лидерство актора-инициатора, но и ослаблять его: либо оказывая негативные экономические

эффекты (высокая экономическая цена), либо заставляя нести политико-репутационные издержки в случае отказа от этой политики.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования могут быть применены при разработке внешнеполитической и интеграционной стратегии России в АТР. С практической точки зрения анализ ТТП как инструмента внешней политики способен дать новую информацию о текущем и потенциальном развитии международной политики в АТР, а также соответствии национальным интересам России. Всесторонний анализ ТТП может помочь сформировать рекомендации по улучшению российской политики на азиатско-тихоокеанском направлении, что особенно актуально в условиях осуществляемого Россией «разворота на Восток», включающего, в первую очередь, комплекс мер по развитию Сибири и Дальнего Востока, включению их в международные производственные цепочки АТР.

Не менее важна практическая значимость исследования с точки зрения повышения понимания слабых и сильных сторон институционального строительства и схожих экономических инструментов в качестве средств внешней политики. Отказ от ТТП продемонстрировал известные ограничения на применения таких инструментов для достижения стратегических целей. Для России это предоставляет важный опыт для повышения эффективности собственных институциональных проектов, прежде всего евразийской интеграции, а также других многосторонних институциональных форматов (ШОС, ЭПШП, формирование партнерства в рамках «Большой Евразии»).

Полученные в рамках исследования данные также были использованы в рамках чтения лекций и проведения семинаров по дисциплинами «Теория международных отношений» и «Введение в международные отношения» на образовательных программах бакалавриатов «Международные отношения», «Востоковедение», совместной программы бакалавриата Высшей школы экономики и Лондонского университета «Международные отношения», а

также курсов в рамках майнора «Международные отношения». Выводы диссертационного исследования могут использоваться при разработке и проведении других лекционных и семинарских занятий по таким темам, как внешняя политика США, международные отношения в АТР, теория международных отношений.

Структура диссертации. Работа выполнена в объеме, соответствующем требованиям ВАК, и состоит из введения, трёх глав, десяти параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованных источников и литературы, приложений.

Глава 1. США в системе международных отношений АТР

1.1 Особенности международного порядка Азиатско-Тихоокеанского региона и теоретические основы исследования

В основе данной работы лежит представление об АТР как о формирующейся системе международных отношений, которая по определению К. Уолтца представляет собой сложную совокупность политически и экономически взаимосвязанных элементов, анализируемых как целое явление[22]. С этой точки зрения политика США – важнейшего элемента этой системы – рассматривается нами с одной стороны как один из наиболее важных факторов эволюции сложившейся системы, с другой – как реакция на структурные изменения во внешней среде.

Баланс этих двух аспектов определяется нами с точки зрения теории неоклассического реализма, сформулированной Г. Роузом[23]. В основе данного подхода лежит тезис о «реакционной» природе внешней политики, как ответа на вызовы внешней среды, разработанный в рамках теории структурного реализма К. Уолтца. При этом неоклассический подход вводит в теорию внешнеполитического поведения государств ряд переменных, связанных с «внутренним содержанием» актора, включая его политическое устройство, механизмы и возможности использования внешнеполитических ресурсов, институциональную память, стратегическую культуру и др. Таким образом, ТТП в данной работе рассматривается как инструмент воздействия США на международную систему с целью купировать или нейтрализовать ослабляющие их позиции структурные вызовы, при этом выбор этого инструмента и его использование носят на себе отпечаток целого ряда субъективных факторов.

В данной работе анализ этого воздействия и его мотивов рассматривается нами с точки зрения проблемы достижения и удержания Соединенными Штатами регионального лидерства как основного императива

[22] *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979, pp. 39-40.
[23] *Rose G.* Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. Vol. 51, No. 1 (Oct., 1998), pp. 144-172.

их политики в АТР. Рассматриваемый термин включает в себя с одной стороны необходимость прояснения нашего понимания термина лидерства, с другой – определить понятие региона и региональной международной системы.

Понятие лидерства по своему содержанию близко понятию гегемонии, являющемуся одним из центральных и наиболее разработанных терминов в современной научной литературе по международным отношениям [24]. В настоящей работе государство-гегемон понимается как держава, обладающая системной способностью к созданию, удержанию и изменению иерархий в международной системе распределения сил. Статус гегемона фактически гарантирует максимально возможный уровень реализации базовых внешнеполитических интересов, рассматриваемых в категориях потребности в безопасности и международно-политической борьбы за власть, что в конечном счете выливается в накопление государствами разных аспектов силы [25]. Тем самым сохранение и продление этого статуса в системе международных отношений само по себе рассматривается нами как важнейший императив поведения государства на международной арене, а ослабление гегемона полагается как предпосылка к разрушению поддерживаемого им международного порядка и снижению уровня безопасности, как для него, так и – в некоторых случаях – для других акторов. Таким образом, достижение, сохранение и упрочнение гегемонии можно рассматривать как определяющую цель американской политики и на глобальном, и на региональном уровне – в АТР.

Следует отметить, однако, что понятия гегемонии и лидерства все же не являются в полной мере тождественными. Так, на региональном уровне, наряду с гегемонией следует выделить такие формы центральной роли государства в региональной международной системе как доминирование

[24]See: *Morgenthau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978, 752 pp.; *Keohane R.*After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press. 2005. 320 pp.; *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. W.W. Norton & Company. 2014, 592 pp.
[25]*Morgentau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. NY. 2005, pp. 3-16.

(при котором международная иерархия является менее жесткой и выраженной), а также статус региональной державы, не подразумевающий системного господства в регионе, но позволяющий оказывать избирательное влияние на его развитие, не считаясь (или считаясь в малой степени) с другими глобальными и региональными центрами силы[26]. Данная градация используется в настоящей работе для характеристики американского лидерства на разных исторических этапах его становления и развития, включая и современную эволюцию статуса США в регионе – относительное ослабление на фоне усиление КНР и других центров силы, что по мнению некоторых исследователей, ведет или уже привело к утере Вашингтоном региональной гегемонии при сохранении, тем не менее, регионального лидерства США[27]. Гегемония рассматривается в данной работе как высший уровень регионального лидерства, к которому при наличии соответствующих ресурсов стремится любое государство, в том числе и США в своей тихоокеанской политике.

При этом, статус США как сверхдержавы и сильнейшего на сегодняшний момент государства не только на региональном, но и на глобальном уровне, зачастую не столько усиливает их позиции в АТР, сколько формирует для упрочнения их регионального лидерства ряд дополнительных проблем. С одной стороны, Вашингтон в силу своего положения в международной системе ориентируется на глобальный уровень и главной целью поддержания регионального лидерства США на Тихом океане является укрепление американских позиций именно в мировой международной системе, в то время как лидерство в регионе рассматривается как составная часть этой стратегии. С другой – региональные и малые государства тяготеют к вовлечению сверхдержавы в поддержание региональной системы международных отношений, что как раз не всегда

[26]*Prus M.* Hegemony, Domination, Detachment: Differences in Regional Powerhood // International Studies Review. Vol. 12, No. 4 (December 2010), pp. 479-504.
[27]See: *Sutter R.* China's Rise: Implication for US Leadership in Asia // East-West Center Washington. PolicyStudies 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/PS021.pdf?file=1&type=node&id=32113 Дата обращения (20.12.16).

соответствует интересам глобального игрока, может искажать его региональную политику и даже втягивать в нежелательные для него конфликты или союзы[28]. Этот дуализм между глобальным и региональным аспектами является системной проблемой тихоокеанской политики США, ярко проявившись в ходе политики «разворота в Азию» и в особенности – как раз в инициативе Транстихоокеанского пратнерства.

Сверхдержавный статус США создает для их политики в АТР и другое противоречие. Так, по замечанию крупного российского ученого-международника А.Д. Богатурова нынешний статус США как ключевого игрока мировой политики и их совокупный потенциал диктует определенный тип лидерского поведения, «типичного» для державы такого ранга и возможностей[29]. Его основными характеристиками являются: 1) тяготение кпринятию односторонних решений при минимальном их согласовании с партнерами и союзниками; 2) инициативный, «опережающий», преимущественно наступательный курсв области военно-политической стратегии и дипломатии; 3) стремление расширитьучастие и повысить свое влияние в мирополитическихи региональных процессах, убедить или заставитьмеждународное сообщество «считаться с собой»; 4) склонность к мессианству(политическому, культурному, экономическому и т.д.)[30].

Описанные характерные черты американской внешней политики не только оказывают влияние на региональную стратегию США на тихоокеанском направлении, но во многом являются и самоцелью: говоря о сохранении лидерства в Вашингтоне по сути стремятся к сохранению именно такого лидерского поведения и ликвидации любых препятствий, мешающих этому. При этом данный тип «лидерского» поведения США на современном этапе фактически совпадает с рассмотренным выше понятием гегемонии. Однако в условиях потери США статуса регионального гегемона сохранение описанного типа лидерского поведения может стать деструктивным и для

[28]See:*Buzan B., Woever O.* Regions and Powers. Structure of International Security. Cambridge University Press. 2003, 694 pp.
[29]*Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М. 1997. С. 17.
[30]Там же.

международной системы региона, и для самих США. Инициативу по заключению крупного мегарегионального экономического соглашения в АТР с одной стороны следует рассматривать как попытку преодоления этого противоречия, с другой – как фактический отказ от смены поведенческой парадигмы.

В свою очередь региональная международная система рассматривается нами с точки зрения теории региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Вейвера[31]. Центральной идеей этой теории является мысль о том, что наибольшую угрозу безопасности и соответственно важность и значение для той или иной страны представляют угрозы, возникающие в непосредственной от них близости, поэтому на основе наличия общих угроз и проблем безопасности происходит формирование своеобразных кластеров, которые представляют по сути слаженные региональные подсистемы международных отношений, складывающиеся как правило вокруг государства-гегемона или группы таких государств.

С точки зрения данного подхода США играют двоякую роль. С одной стороны, в рамках АТР, который можно рассматривать как раскинувшийся по периметру всего Тихого океана мегарегиональный комплекс безопасности США сами являются его участником. С другой – по отношению к РКБ, сложившимся в Азии, США выступают как внешняя сила, вовлекаемая в отношения между участниками РКБ с целью балансировки. Инициатива ТТП в этом контексте рассматривается с одной стороны как средство укрепления мегарегионального комплекса безопасности в рамках всего АТР, с другой – как инструмент внешней балансировки в отдельных регионах: Восточной и Юго-Восточной Азии.

Среди факторов, оказывающих влияние на политику США в АТР, следует отметить ряд особенностей сложившейся в бассейне Тихого океана региональной международной системы. В силу них завоевание и удержание

[31]See:*Buzan B., Woever O.* Regions and Powers. Structure of International Security. Cambridge University Press. 2003, 694 pp.

регионального лидерства в АТР исторически было сопряжено с рядом трудностей. Эти особенности определяют набор задач, которые США необходимо решить для достижения своей головной цели – утверждения своего лидерства-гегемонии в АТР.

Во-первых, сформировавшаяся в АТР подсистема международных отношений из-за своейбеспрецедентной широты оказалась чрезвычайно пестрой по политическим и культурно-цивилизационным признакам, уровню социально-экономического развития и характеру вызовов и угроз безопасности для разных групп государств. «Внутри» охватывающего весь Тихоокеанский бассейн и прилегающих к нему стран АТР пространства сохраняется историческая память о былой «разъединенности» мегарегиона, и в качестве отдельных самостоятельных фрагментов существуют исторически сложившиеся географические регионы Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Америки, Океании, а также частично входящие в АТР Центральная и Южная Америки.

Каждый из этих регионов к настоящему моменту имеет собственный институциональный формат, который сосуществует с общей для АТР площадкой АТЭС. Данное обстоятельство отражает как рост внутрирегиональных хозяйственных связей, так и растущий уровень политико-институциональной организации на субрегиональном уровне[32]. Это определяет такой феномен развития международных отношений в АТР как регионализм, в самом общем смысле понимаемый как «формирование межгосударственных ассоциаций и групп, образующихся по региональному принципу». [33] В АТР эта форма международной кооперации принимает форму самоорганизации региональных групп в обособленные международные подсистемы с собственным набором правил

[32]*Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. № 21. 1995, pp. 331–358.
[33]*Nye J.* International Regionalism; Readings. Little, Brown and Company. 1968, P. 7.

международного поведения и растущим уровнем внутрирегиональных связей.[34]

Такая фрагментированность усиливала и усиливает центробежный потенциал системы международных отношений АТР, способствующий ее «разрыву» на еще более мелкие и обособленные подсистемы вокруг своих центров силы, что ослабляет лидерские позиции регионального гегемона[35]. Это порождает для США первую задачу региональной политики, необходимую для достижения головной цели – удержание единой политической и экономической ткани в пространстве АТР от фрагментации и возможного распада региональной международной системы на более обособленные – в тех пределах, которые предоставляют условия глобализации – подсистемы политико-экономических взаимозависимостей.

Во-вторых, свои особенности имеет характер установившихся в международной системе АТР структурных связей. В отличие от традиционной для европейских международных порядков жестко иерархичной организации политических связей, сложившаяся в АТР система международных отношений после распада колониальных империй носит более демократичный характер, что формирует свои специфические черты сложившейся в регионе международно-политической иерархии [36]. Это выражается в менее выраженном системном лидерстве стран-полюсов и сравнительно более весомой роли второстепенных держав [37]. Данные наблюдения позволили А.Д. Богатурову рассматривать международный порядок на Тихом океане как отдельный, отличный по своим структурным особенностям от классического «лидерского», к которым он отнес все

[34] See: *Katzenstein P*. Area studies, regional studies, and international relations // Journal of East Asian Studies. Vol. 2, No. 1 (February 2002), pp. 127-137 ; *Katzenstein P*. A World of Regions: America, Europe, and East Asia// Indiana Journal of Global Legal Studies Vol. 1, No. 1, Symposium: The Globalization of Law, Politics, and Markets: Implications for Domestic Law Reform (Fall, 1993), pp. 65-82; Nair D. Regionalism in the Asia Pacific/East Asia: A Frustrated Regionalism? // Contemporary Southeast Asia, Vol. 31, No. 1 (April 2009), pp. 110-142.

[35] *Zimmerman W*. Hierarchical Regional Systems and the Politics of System Boundaries // International Organization. 26(1)) 1978,pp. 18–36.

[36] *В.В. Михеев, В.Г. Швыдко (отв. ред).* Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности. М. ИМЭМО РАН, 2016, С.129.

[37] *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М. 1997. С. 18-19.

системы МО, сложившиеся в Европе после Вестфальского мира, – «пространственный»[38].

Данный тип международного порядка характеризуется большим уклоном в сторону горизонтальной организации политических связей, в рамках которых ведущим инструментом продвижения интересов является дипломатический торг (в отличие от Европы, где исторически превалируют вертикальные связи, в рамках которых великие державы попросту навязывали (и навязывают) односторонние решения с помощью военной силы или используют ассиметричные взаимозависимости). Так, США даже в период «однополярного момента» (90-е – первая половина 2000-х гг.) испытывали большие трудности (по сравнению, например, с евроатлантикой или Латинской Америкой) при консолидации АТР вокруг американской повестки, формировании ситуационных коалиций и продвижении своих инициатив в многосторонних форматах, даже несмотря на видимое отсутствие альтернативных полюсов[39]. Ярким примером этому служит практически явная неспособность Вашингтона консолидировать даже своих ближайших союзников в Азии вокруг санкций против России (в отличие от успешной «мобилизации» европейских союзников). Преодоление этого «пространственного» типа организации международной системы АТР, ее трансформация из условного «плато» в «гору», вершину которой удерживали бы США, является второй задачей американской политики в регионе, и одновременно – своего рода задачей-максимум.

Наконец, в-третьих, важной отличительной чертой АТР как международной системы является проявившийся в последние десятилетия беспрецедентный динамизм проходящих в ней изменений, выделяющийся даже на фоне наблюдаемого ныне общего ускорения мирополитических процессов. Азиатские страны сохраняют за собой статус крупнейшего вкладчика в глобальный экономический рост, становясь при этом все более

[38]Тамже
[39]See: *Thacker-KumarL. CampbellR.*USForeignPolicy in Asia Since 9/11: Temporary Aliances or Permanent Changes? International Social Science Review. Vol. 81, No. 3/4 (2006), pp. 99-110.

важным источником передового технологического развития. Крупной технологической державой в последние годы фактически уже стал Китай, наряду с т.н. «азиатскими тиграми» составляя мощный региональный источник инноваций и технологий, конкурирующий с США и Западной Европой и позволяющий Пекину по крайней мере на неофициальном уровне говорить о достижении паритета с США в плане комплексной мощи[40]. Эти скоротечные изменения, проходящие в экономической плоскости, оказывают глубокое влияние и на другие сферы международных отношений, приводя к стремительной трансформации баланса сил в регионе и мире. Адаптация своего лидерства к этим процессам является третьей задачей региональной политики США.

Таким образом, проблема удержания американского лидерства на Тихом океане требует учитывать указанные региональные особенности, которые задают для США три задачи, неотделимые от проблемы сохранения их господствующих позиций в международной системе АТР. Во-первых, реакция на слишком быстрые структурные изменения в этой системе и адаптация характера своего лидерства к этим изменениям, во-вторых, сохранение самой этой системы как единого целого, т.е. предотвращение ее фрагментации, в-третьих – трансформация регионального порядка из «пространственного» в «лидерский», т.е. выстраивание устойчивой и по возможности тем или иным путем институционализированной политической иерархии в регионе.

Эти задачи решались США по разному на разных исторических этапах. При этом следует отметить определенную преемственность американской политики в АТР, которую можно проследить по меньшей мере с начала XX в. В период правления администраций У. Маккинли (1896-1901) и Т. Рузвельта (1901-1909) были сформулированы основные цели американской политики в АТР – «открытие» китайский рынков, военное превосходство в

[40] *ПортяковВ.А.*Большиегонки // Россиявглобальнойполитике. № 3. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshie-gonki-18150Дата обращения (20.12.16).

регионе, обеспечивавшее контроль над морскими коммуникациями и качественное превосходство над любой региональной державой [41]. В последующие периоды – в ходе противостояния Японии в 1930-1940-е гг. и Советскому Союзу в период «холодной войны» США последовательно реализовывали указанные цели внешней политики на Тихом океане.

Нынешний американский «разворот» в Азию, таким образом, не является первым и в настоящий момент лишь замыкает череду политико-дипломатических «наступлений» США на тихоокеанском направлении. Каждый раз, наряду с упрочнением своего лидерства, Вашингтон стремился добиться установления такого международного порядка, который гарантировал бы долгосрочное сохранение достигнутых позиций. Таким образом, в ходе своего становления и развития в качестве великой тихоокеанской державы, США прошли через все формы и уровни регионального лидерства, причем в ряде случаев их смена носила цикличный характер – американские позиции и их влияние на развитие международных процессов в регионе то ослабевали, то усиливались.

Выдвинутая США инициатива Транстихоокеанского партнёрства с самого начала позиционировалась как проект, удовлетворяющий особенностям региона и отвечающий его вызовам. Так, объявляя о заключении соглашения по ТТП, Б. Обама указывал, что реализация проекта позволит укрепить американское лидерство и обновить институциональную среду региона, готовя обновленную институциональную платформу для всего АТР[42]. При этом, с 2008 г., когда идея создания ТТП впервые была озвучена до достижения соглашения о партнерстве между 12 участниками переговоров в 2016 г. инициатива прошла стремительный путь от достаточно рядового проекта, теряющегося среди других региональных форматов до флагманской инициативы американского «разворота в Азию». Такая

[41] *Новиков Д.П.* Джингоизм как феномен внешнеполитической идеологии США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. С. 111-114.

[42] The Trans-Pacific Partnership // White House [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/issues/economy/tradeДата обращения (20.12.16).

эволюция указывает на смещение в течение правления Б. Обамы фокуса американской политики «разворота в Азию» именно в сторону «институциональной перезагрузки» региональной архитектуры как одного из основных инструментов укрепления американского лидерства.

Рост значения ТТП в арсенале американской политики в отношении АТР не случаен. Современные теории международных отношений предполагают, что институциональное строительство обладает высоким потенциалом к усилению лидерства страны-поставщика институтов. Так, выстраивание институциональной среды как предполагает известный исследователь-международник Р. Гилпин, как правило осуществляется государством-гегемоном не только в целях предоставления норм и правил, необходимых для функционирования международной системы, но прежде всего в целях фиксации своего собственного лидерства, за счет навязывания определенных устойчивых правил поведения [43] . При этом, институционализация лидерства особенно выгодна слабеющим гегемонам, так как предоставляет возможности для несилового контроля над поведением других акторов в условиях сокращающихся ресурсов.

Роль институтов в современных международных условиях повышается и как новое измерение геополитической конкуренции. В последние годы наблюдается рост «несиловых» войн и противостояний – прежде всего в связи с увеличившимися в последние 50 лет издержками применения силовых инструментов, не всегда гарантирующих достижение поставленных целей, причем не только ввиду фактора ядерного сдерживания, но и в силу удорожания конвенциональных войн (что ярко продемонстрировали дорогие и «провальные» американские военные кампании в Ираке и Афганистане) и переноса во внешней политике США (а также и других государств) качественно большего упора на невоенные средства политического давления: торговые и финансовые санкции, использование зависимостей, порождаемых

[43]See: *Gilpin R., Gilpin J.* Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press. 2001.

предоставлением помощи, другие инструменты прямого и косвенного воздействия на экономики государств и динамику их развития [44]. Так, современный исследователь феномена взаимозависимости М. Леонард указывает на феномен «превращения институтов в оружие» (“weaponizationofinstitutions”), что наряду с экономическими войнами и конкуренцией в сфере строительства инфраструктуры является, по его мнению, одним из измерений «невидимых», но ставших уже нормой войн между государствами, основанных на ассиметричных взаимозависимостях[45]. Таким образом, появление мощного институционального измерения американской политики «разворота» в Азию неслучайно.

Растущий уровень политизации экономических отношений, появление феномена экономических войн как новой «нормальности» международных отношений с нашей точки зрения позволяет говорить о «секьюритизации» институтов экономического сотрудничества, превращения норм и стандартов в фактор геополитической борьбы[46] и соответственно появления у них двух дополнительных функций. С одной стороны – становления их как инструмента «экономической обороны», укрепления политических позиций и соответственно национальной безопасности государства – генератора и лидера институциональной архитектуры. С другой – как наступательного «экономического оружия», направленного на ослабление конкурентов и консолидацию партнеров.

1.2 Структурные особенности постбиполярного порядка в АТР и вызовы американскому лидерству современном этапе

Несмотря на победоносное завершение «холодной войны», новый международный порядок, сформировавшийся в АТР, оказался весьма хрупок. С самого начала он содержал в себе ряд структурных проблем, главной из

[44]See: *Blackwill R., Harris J.* War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft. Belknap Press. 2016, 384 pp.
[45]*Leonard M.* Connectivity Wars. London. 2016, pp. 13-13, 98-102.
[46]*Bishop A.* Standard Power: The New Geopolitical Battle // National Interest. October 7, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nationalinterest.org/feature/standard-power-the-new-geopolitical-battle-14017(20.12.2016).

которых стало противоречие между «старой» архитектурой безопасности и «новым» экономическим порядком в регионе. Нарастание этого противоречия, в том числе вследствие появления новых структурных вызовов, прежде всего – усиления КНР – в значительной степени определяло политики администрации Б. Обамы. В том числе – и в аспекте создания и продвижения ТТП.

Некоторая несбалансированность регионального порядка АТР после окончания «холодной войны» стала результатом аккумуляции и «наложения» некоторых черт и особенностей предшествовавших этапов развития международной системы АТР. С одной стороны, региональная международная система не могла нести в себе влияние структурного наследия «холодной войны», результатом которого стал перенос заведомо устаревшей, заточенной на конфронтацию архитектуры безопасности двадцатого века в век двадцать первый. С другой, в 90-е гг. внешняя политика США во многом вернулась к императивам первой половины XX в., которые были на почти на полвека вытеснены вызовами биполярной конфронтации. Региональный контекст того времени в ряде аспектов напоминал 20-е гг.

Во-первых, в отсутствие стратегического и идеологического противостояния двух систем, в регионе исчезли жесткие линии разделения между ними. В условиях нарастающей взаимозависимости центр тяжести международной политики сместился от военно-стратегического противостояния к экономике. Более того, тренд на «экономизацию» международных отношений на исходе XX в. лишь усилился, по сравнению с периодом первой волны глобализации в конце XIX – начале XX в. Следствием этого стал качественный рост экономической взаимозависимости между акторами. Так, объем глобальной торговли почти утроился с 1990 по 2014 гг., а объем международной торговли в АТР за то же время вырос

вчетверо[47]. При этом США в 90-е гг. продолжали сохранять центральное место в системе региональной торговли, оставаясь крупным бенефициаром регионального роста. Это сформировало предпосылки для обратного дрейфа американской внешней политики от акцента на военно-стратегических интересах к экономическим.

Во-вторых, постбиполярный период, характеризовался процессом либерализации международного экономического порядка. Если в 20-е гг. США удалось добиться лишь ограниченной (хотя и прогрессивной на тот момент) либерализации рынка Китая, закрепив в Вашингтонских соглашениях принцип «открытых дверей и равных возможностей», в 90-е гг. произошло масштабное «открытие» практически всех стран региона. Геоэкономическая динамика в АТР характеризовалась стремительным экстенсивным расширением нового экономического порядка как на международном (либерализация торгово-инвестиционных связей), так и на национальном (демонтаж плановых экономических моделей) уровнях[48]. Страны Азии, такие как Китай, Вьетнам, Камбоджа, ранее бывшие либо колониальными придатками европейских держав, либо, затем, закрытыми плановыми экономиками, активно интегрировались в систему мировых и региональных экономических связей[49].

В-третьих, окончание «холодной войны» сформировало в АТР крайне благоприятный для США стратегический контекст, приведя к резкому смещению баланса сил в пользу Вашингтона вследствие ослабления других геополитических игроков (в 20-е это были истощенные войной европейские колониальные державы, в 90-е – ослабленная после окончания «холодной войны» Россия). В результате, уже к концу 80-х в регионе не было

[47] WTO Statistics Data. World Trade Organization. [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://stat.wto.org/Home/WSDBHome.aspx?Language= Дата обращения: (20.12.16).
[48] *Moore T.*In Pursuit of Open Markets: U.S. Economic Strategy in the Asia-Pacific // Asian Affairs Vol. 28, No. 3 (Fall, 2001), pp. 170-179.
[49] *Coclanis P., Doshi T.*Globalization in Southeast Asia // The Annals of the American Academy of Political and Social Science.Vol. 570, Dimensions of Globalization (Jul., 2000), pp. 49-64.

существенных структурных вызовов ни американскому лидерству и безопасности, исходящих от государственных акторов[50].

Институциональное закрепление либерального экономического порядка собственно в АТР было осуществлено в рамках образованного еще в 1989 г. форума АТЭС – зыбкой, но широкой структуры, объединившей к началу 90-х гг. все страны Тихоокеанского бассейна. В отличие от Вашингтонского порядка второй четверти XXв., в 90-е курс на либерализацию политических и экономических рынков был закреплен не в конкретных правовых формулах (по итогам Вашингтонской конференции), а политико-декларативно (юридическое же оформление правил торговой и инвестиционной деятельности выносилось на глобальный уровень – ГАТТ/ВТО). Региональная институциональная структура была выстроена с целью имплементации глобальных инициатив США и не подразумевала на тот момент «обратной связи», приняв форму региональной опоры американской неолиберальной повестки[51].

На широкий и «мягкий» экономический порядок, принявший подлинно мегарегиональный характер (в рамках АТР) наложилось структурное наследие времен «холодной войны». США вынесли из советско-американской конфронтации колоссальные стратегические возможности. Вашингтон располагал наибольшим и в целом избыточным оборонным потенциалом не только в АТР, но и во всем мире. При этом, предпринятый администрацией Клинтона бюджетный маневр, направленный на снижение военных расходов для сокращения дефицита и переориентации расходной части на образование и здравоохранение не повлекли сколь-либо значительной реструктуризации военной мощи страны. Напротив, после сокращения оборонных расходов почти до 400 млрд. долларов США в 1995-

[50]*Herring G.*From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations since 1776. Oxfrod.: Oxford University Press. 2011. pp. 580-594.
[51]*Bergsten F.*APEC and World Trade: A Force for Worldwide Liberalization // Foreign Affairs Vol. 73, No. 3 (May - Jun., 1994), pp. 20-26.

1996 гг., они вновь стремительно пошли вверх, превысив в кризисные 2008-2009 гг. 700 млрд[52].

Также на новый международный ландшафт была перенесена старая система оборонительных альянсов, ядром которой выступали накопленные за период «холодной войны» колоссальные военные ресурсы США. Эта военно-политическая инфраструктура требовала применения и рассматривалась политическим и военным истеблишментом США в качестве основы постбиполярной системы региональной безопасности, что формировало и облик стратегического разворота, предпринятого администрацией Обамы[53].

Новая «постбиполярная» оборонная стратегия США в Восточной Азии (1992 г.)[54], выдвинутая заместителем министра обороны П. Вулфовицем выделяла шесть базовых приоритетных целей американской политики безопасности в регионе:

- укрепление двусторонних альянсов, при одновременном развитии многосторонних форматов (основанных на оборонных соглашениях времен «холодной войны»)

- сохранениеприсутствия американских войск в регионе, равно как политико-правовой инфраструктуры их базирования, опять же созданной в период «холодной войны»

- обеспечение поддержки политики безопасности состороны американского общества и конгресса

- развитие контактов между военными элитами и структурами безопасности государств региона

- препятствование распространению оружия массового уничтожения

[52]*Walker D.* Trends in US Military Spending // Council on Foreign Policy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cfr.org/defense-budget/trends-us-military-spending/p28855Дата обращения: (20.12.16).
[53]*Parameswaran P.* Explaining US Strategic Partnerships in the Asia-Pacific Regions: Origins, Developments and Prospects // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, Volume 36, Number 2, August 2014, pp. 262-289.
[54] National Military Strategy, 1992. Office of the Secretary of Defense. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=2014-06-25-123420-723 (20.12.16).

- разделение и распределение ответственности по поддержанию региональной безопасности с американскими союзниками в регионе[55].

Такого же подхода в отношении региональной безопасности – сохранение американского присутствия, «жесткая» фиксация оборонных альянсов и «разделение труда» между союзниками – придерживалась и следующая администрация. В вышедшей в 1996 г. книге «Между надеждой и историей» президент США У. Клинтон подчеркивал: «Наша стратегия безопасности в Азии имеет четыре приоритета: сохранение нашего военного присутствия в регионе, укрепление сотрудничества в области безопасности между странами Азии, поддержание лидерства для противодействия новым угрозам, и поддержка новых демократий» [56]. Указывалось, что основой азиатско-тихоокеанской системы безопасности в рамках проводимой США политики должны стать именно «традиционные» альянсы, встроиться в который предлагалось другим странам региона.

Чтобы предотвратить деградацию военно-политических связок в отсутствие советской угрозы США предприняли ряд мер по укреплению связей со своими ключевыми союзниками. В 1996 г. была подписана американо-японская декларация об оборонном сотрудничестве, а также дополнение к двусторонним договорам 1951 г. и 1960 г., впервые распространявшее действие договора на районы Дальнего Востока, т.е. за пределы собственно территории Японии [57]. Численность войск на американских военных и военно-морских базах в регионе, несмотря на окончание конфронтации с соцлагерем, снизилась крайне незначительно по сравнению с периодом «холодной войны». Так, в Японии на настоящий момент расположено около 50 000 военнослужащих, в Республике Корея – ок. 30 000. При этом роль консолидирующего военного вызова для дальневосточных союзников США с середины 90-х все больше стала играть

[55]*Tyler P.*U.S. Strategy Plan Calls for Insuring No Rivals Develop A One-Superpower World // New York Times. March 8, 1992.
[56]Clinton W. Between Hope and History. NY,Random House.1996. pp. 151-152.
[57]Курпянко М.И. , Л.Г. Арешидзе. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М: Международные отношения.2010. С. 53.

Северная Корея, чему способствовала политика администраций и У. Клинтона, и Дж. Буша-младшего[58]. Такой вызов, конечно, был несоизмерим с вызовами предшествующих периодов истории американской политики в регионе.

Последнее обстоятельство способствовало относительному снижению значимости АТР в американской внешней политике 90-х, несмотря на то, что с начала 1990-х гг. в американских стратегических документах того времени указывалось на неизбежное повышение стратегической важности региона в будущем. В условиях крайне благоприятной стратегической обстановки, отсутствия серьезных вызовов безопасности, к началу 90-х гг. все главные цели США в АТР, восходящие к началу XX в., были достигнуты. Исторической иронией стало то, что «открытие дверей» китайского рынка – одна из важнейших детерминант американской стратегии с 1899 г. – была реализована посредством сотрудничества США с режимом, в свое время разрушившим это достижение и представлявшего один из главных региональных вызовов американским интересам почти полвека до этого.

Таким образом, до некоторой степени повторился цикл, который внешняя политика США совершила в первой половине XXв.: в отсутствие серьезных вызовов американским позициям, внимание Вашингтона к региону после окончания «холодной войны» снизилось. Характерной особенностью постбиполярного периода развития международной системы АТР было «наложение» ряда структурных факторов из предыдущих этапов. Это нашло отражение в противоречивой структуре регионального порядка. В 90-е гг. в АТР сформировалась «гибкая», слабоформализованная и слабоинституционализированная, но широкая система международных экономических отношений, при достаточно «жесткой» и закрытой архитектуре безопасности, дискриминационной по отношению ко многим странам региона, не входящим в группу привилегированных американских союзников. При этом отсутствие авторитетного и легитимного

[58]Тамже. С. 54-55.

многостороннего форума по безопасности заведомая ограниченность компетенций форума АТЭС в формировании экономической повестки, затрудняли выработку и адаптацию общерегиональных «правил игры» к новым экономическим и политическим реалиям. Такая структура содержала в себе огромный потенциал к росту политических противоречий и расшатыванию регионального порядка в случае существенного изменения баланса сил, который не заставил себя ждать[59].

В результате, возник «разрыв» между нарастающим значением АТР, чья роль в глобальной международной системе становилась соизмеримой с ролью евроатлантики в XIX-XX вв., и его местом в американской внешней политике. Источником этих изменений стала «текучесть» региональной экономики, существенно изменившей свою конфигурацию с начала 90-х гг. Удельный вес Восточной Азии в мировом ВВП, рассчитанном по ППС, вырос с 18,8% в 1990 г. до 28,71%[60] в 2014 г. На фоне этого доля США в мировом ВВП сократилась с 22,28% до 16,14% за аналогичный период[61]. Символом завершения «однополярного момента», по меньшей мере в экономической плоскости, стали беспрецедентно высокие темпы развития китайской экономики, в 2010 г. достигшие рекордных 14% прироста ВВП[62]. Эта разница в росте, особенно чувствувовшаяся в первые годы правления администрации Обамы, в немалой степени и определяла переориентацию США на АТР.

Исходя из экономической природы структурных изменений в международной системе АТР на современном этапе, их следует рассматривать в контексте происходящих процессов в мировой и региональной экономике. За период с середины 90-х по середину 2000-х,

[59]IkenberryJ. MastandunoM. International Relations Theory and the Asia-Pacific. //NY. Columbia University Press. 2003., pp. 243-270.
[60]WorldBankData. TheWorldBank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/дата обращения: (20.12.16).
[61] GDP as Share of the World GDP by Country // Quandl Statistics Collections. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.quandl.com/collections/economics/gdp-as-share-of-world-gdp-at-ppp-by-countryДата обращения: (20.12.16).
[62] World Bank Data. The World Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/Дата обращения: (20.12.16).

отмеченных явно несоответствующим потребностям современной финансовой системы уровнем развития институтов регулирования [63], в мировой экономике были накоплены структурные дисбалансы, выразившиеся в формировании четко выраженных полюсов потребления и сбережения. Эти дисбалансы в полной мере отразились и на облике АТР, экономические процессы внутри которого до определенной степени являлись источником искажений в структуре глобальной экономики и международной системы. В приведенной ниже таблице приводятся данные по сальдо платежного баланса крупнейших экономик АТР, позволяющих получить представление о природе произошедших за период с середины 90-х до конца 2000-х гг. макроэкономических сдвигов.

Таблица 1. Среднее сальдо по счету текущих операций платежного баланса с 1996 по 2012 г. в АТР (% от мирового ВВП)

Страна	1996-2000	2001-2004	2005-2008	2009-2012
КНР	0,07	0,11	0,52	0,35
Япония	0,33	0,35	0,34	0,21
Страны Азии с развивающейся экономикой[64]	0,13	0,25	0,27	0,28
США	-0,77	-1,37	-1,41	-0,67

Источник: Международный валютный фонд

Как видно, в течение 15 лет, предшествовавших глобальному финансовому кризису 2007-2009 гг., в АТР сложились группы стран с сильно выраженными активными и пассивными платежными балансами, причем разрыв между ними рос в течение всего этого времени. Показательно, что рост полюса сбережений происходил преимущественно за счет КНР и других развивающихся экономик Азии. Мировой финансово-экономический кризис

[63]Григорьев М.Л. (ред.). Мировая экономика в начале XXIвекаю. М:Директ-Медиа, 2014. С. 26-31.
[64]Гонконг, Индонезия, РеспубликаКорея, Малайзия, Сингапур, Тайвань, Таиланд, Филиппины

привел к эрозии этой модели, существенно уменьшив дисбаланс между двумя группами стран, однако, не разрушив ее полностью.

Таким образом, тенденции к политической поляризации, наблюдаемой в АТР в настоящий момент, предшествовала экономическая поляризация, с четко выраженными полюсами потребления (Северная Америка) и сбережения (Восточная Азия). Такая несбалансированная конфигурация региональной экономики оказала существенное влияние на дальнейшее развитие международной системы АТР.

Оказанные эффекты оказались разнонаправленными. К позитивным последствиям следует отнести то, что эта модель, несмотря на несблансированность, поддерживала высокие темпы развития в регионе, стимулируя рост в развивающихся странах в немалой степени за счет роста потребления в США. Так, средний рост на «полюсах» в 2000-е, до 2008 г., когда в американской экономике в полной мере развернулись негативные последствия ипотечного кризиса, составлял ок. 3% ВВП в США и свыше 10% - в КНР (при общем среднем росте развивающихся стран АТР порядка 7-8%)[65]. В последующие годы, после начала мирового кризиса, американская экономика в наибольшей степени пострадала от исчерпания этой модели, что выразилось в длившейся в ней в течение двух лет (2008-2009 гг.) рецессии. Китай и ряд других, тесно связанных с ним экономик Юго-Восточной Азии наоборот, увеличили темпы роста, поддерживаемые за счет наращивания внутренних инвестиций. Именно с середины 90-х до, фактически, 2013-2014 гг., когда в китайской экономике наметились признаки качественного замедления, т.е. в период формирования и вероятного начала распада описанных дисбалансов произошел фундаментальный сдвиг в распределении экономических потенциалов в регионе. Проявился эффект «текучести» экономических ресурсов, что сформировало предпосылки для накопления

[65] World Bank Data. The World Bank.[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/ Дата обращения: (20.12.16).

развития других дисбалансов в международной системе АТР: политических, военно-политических, институциональных[66].

Однако в кратко- и среднесрочной перспективе указанная модель развития напротив, укрепила систему международных отношений АТР. Следствиемсложившейся в период 90-2000-х конфигурации региональной экономики стало уплотнение взаимозависимости между двумя полюсами, сформировавших своего рода систему сообщающихся сосудов. Наиболее характерной и важной является структура американо-китайских экономических связей. Так, торговля между двумя государствами в 2008 г. составила более 400 млрд. долл. США, при дефиците американской торговли почти в 268 млрд [67]. Другим важным проявлением сформировавшейся экономической модели стали инвестиции КНР в американские долговые обязательства, в том числе – наращивание в инвестиционном портфеле объема суверенного долга США. К 2008 г. власти КНР стали крупнейшими держателями американского госдолга в объеме ок. 1,5 трлн. долл. США.[68]

Характер взаимозависимости в рамках сложившейся «полюсной» модели носил взаимовыгодный характер, позволяя обеим странам решать насущные задачи внутреннего развития, а США – еще и активно проводить в жизнь дорогостоящую политику глобальной войны против терроризма, отчасти – даже способствуя отвлечению Вашингтона в другие регионы. В американо-китайских экономических отношениях тем самым сформировалась обоюдно выгодная связка, которая купировала описанные выше структурные противоречия постбиполярного порядка в АТР, заложенные в несбалансированной региональной архитектуре. Сложившаяся система взаимозависимостей, несмотря на начало перестройки национальных экономических моделей в США и КНР и как следствие – региональной экономической системы, по-видимому, будет продолжать оказывать влияние

[66]См. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко (отв. ред.) Дисбалансы транстихоокеанского пространства. М.: Магистр, 2014, 320 с.
[67] US Foreign Trade Statistics by Partner Country. United States Census Bureau.[Электронныйресурс]. Режимдоступа: www.census.govДатаобращения: (20.12.16).
[68]FederalGovernmentDebt. United States Federal Reserve. [Электронныйресурс]. Режимдоступа: www.fed.govДатаобращения: (20.12.16).

на развитие международных отношений в АТР. Причем как позитивное – стабилизируя отношения, прежде всего между Вашингтоном и Пекином, так и негативное – в тех случаях, когда ассиметричный характер взаимозависимости будет толкать государства к их использованию против оппонентов.

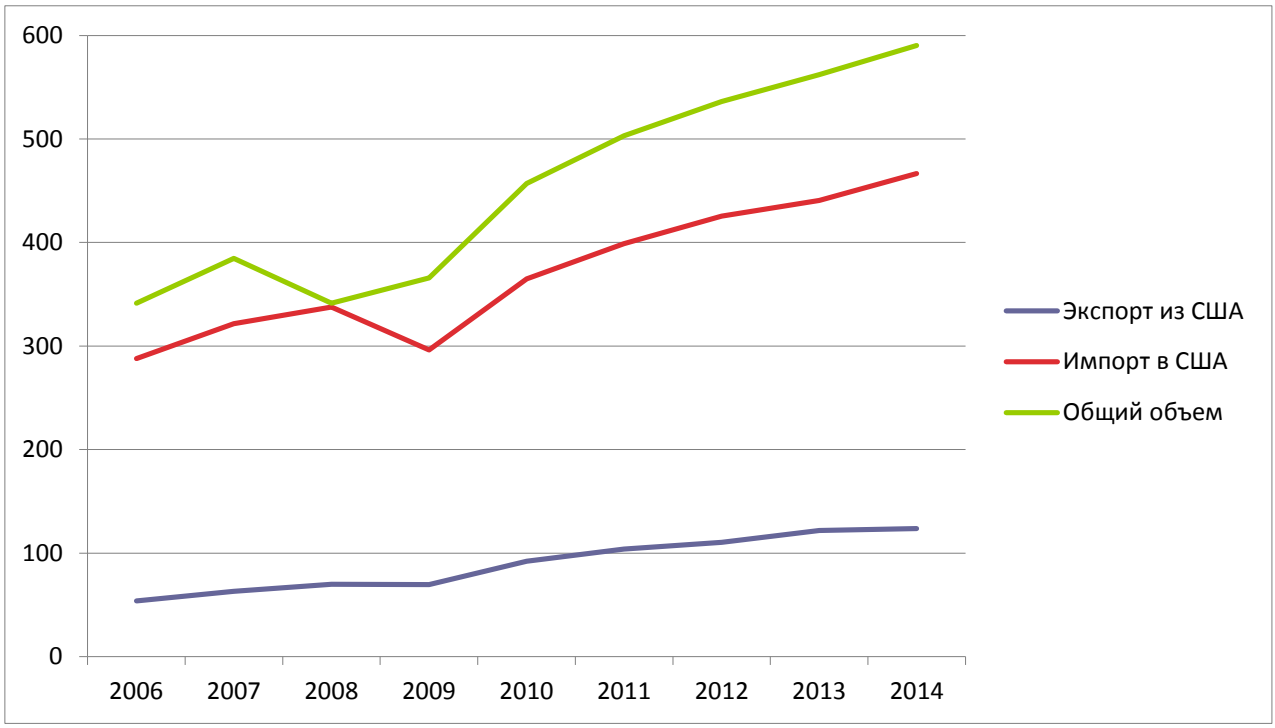
Мировой финансово-экономический кризис продемонстрировал несовершенство этой модели, которая во многом и являлась одной из его фундаментальных причин. Фактически, за период 2009-2012 гг., как показано в таблице 2, произошел некоторый откат в сторону нормализации платежных балансов обоих полюсов, связанный отчасти со спадом в американской экономике и общим спадом в глобальной торговле, отчасти – с переориентацией макроэкономической политики в КНР и США. В обеих странах после завершения политических циклов (прихода новой администрации в США в 2009 г. и смены поколений в руководстве КНР в 2012 г.) начался процесс структурных реформ, направленных на смену модели экономического роста.

Примечательно, однако, что эти процессы пока не оказали фундаментального воздействия на структуру американо-китайских экономических связей. Так, в период с 2009 по 2014 г. КНР наращивал объем инвестиций в суверенный долг США, который к началу достиг 1,4 трлн. долл. (в 2014-2015 гг., однако, снизившись до 1,2 трлн. или 8% от суммарного объема долговых обязательств правительства США[69]. После короткого спада в 2008-2009 гг. объем двусторонней торговли не только восстановился, но начал расти рекордными темпами (см. график 1). Характерно, что основным источником этого роста было увеличение импорта китайских товаров, едва ли объясняемое увеличением его стоимости в связи с ослаблением доллара США. Соответственно рос и дефицит американской торговли с КНР. Этот тренд в целом шел вразрез с общей корректировкой

[69]Federal Government Debt // US Federal Reserve. Электронный ресурс. Режим доступа: www.fed.govДата обращения: (20.06.2016)

пассивного платежного баланса США в послекризисный период и отражал чрезвычайно устойчивую структуру отраслевых и предпринимательских связей, сформировавшихся между двумя странами за последние два десятилетия.

График 1. Динамика американо-китайской торговли (2006-2015 гг.) (млрд. долл. США)



Источник: USCensusBureau

Вместе с тем, новые подходы к экономическому развитию в обеих странах направлены на преодоление исчерпавшей себя модели роста, что отражает снижение интереса к концепциям глубокой взаимозависимости наподобие «кимерики». Особенную важность имеет стремление Китая перейти к более самодостаточной, ориентированной на внутреннее потребление модели роста. В то же время, США стремятся к преодолению негативных последствий деиндустриализации и снижению уязвимости своей финансовой системы. Оба этих тренда способны существенным образом изменить характер двусторонних связей, способность которых к

купированию политических противоречий в регионе и двусторонних отношениях может в этом случае снизиться[70].

При этом при всей важности в эволюции региональной международной системы АТР, китайский фактор является главным, но не единственным. «Подъем» КНР является частью более широкого исторического процесса – глубокой социально-экономической трансформации Азии, превращающейся из региона традиционных аграрных обществ в экономически динамичную и политически активную часть международной системы. Его контуры наметились еще в 60-70-е гг. XX в., в связи с феноменом «японского экономического чуда», и бурным экономическим ростом т.н. «восточноазиатских тигров». Возвышение азиатских союзников США, ставших новыми локомотивами региональной экономики, стало предметом серьезных политических и экспертных дебатов в Америке в последние годы «холодной войны», порождая в частности опасения относительно грядущего превращения Японии в крупнейшую и наиболее технически развитую экономику мира[71]. В этих условиях некоторые американские эксперты предсказывали неизбежное столкновение Токио и Вашингтона за региональное лидерство, указывая что именно конкуренция с США на самом чувствительном для них – сфере экономического и технологического лидерства – делает конфликт между странами неизбежным[72].

Конец экономического бума в Японии в конце 1980-х гг., вызвавший широкие дебаты о дальнейших перспективах других азиатских экономик, пределов возможностей их роста и конкурентоспособности[73], не остановил процесс превращения Восточной Азии в один из главных полюсов мировой экономики. Стагнация вначале японской экономики, а затем и замедление четверки «азиатских тигров» после опустошительного азиатского кризиса 1997-1998 г. способствовали переключению внимания инвесторов к другим

[70]См: Портяков В.А. Возвышение Китая: что дальше? // Россия в глобальной политике,2014, № 3.
[71]*BergstenF.*WhattoDoaboutthe U.S.-Japan Economic Conflict // Foreign Affairs. Vol. 60, No. 5 (Summer, 1982), pp. 1059-1075.
[72]*Packard G.* The Coming U.S.-Japan Crisis // Foreign Affairs. Vol. 66, No. 2 (Winter, 1987), pp. 348-367.
[73]*Bawels P., Woods L.*Japan after the Economic Miracle: In Search of New Directions. Springer. 2000, 212 pp.

региональным игрокам. К 90-м гг. ключевые азиатские точки роста эпохи «холодной войны» трансформировались в развитые экономики со средними темпами развития, передав «факел» интенсивного роста другим развивающимся державам, прежде всего КНР, что и определило его текущую роль в региональной и мировой экономике.

Бурный рост Китая после начала реформ, инициированных Дэн Сяопином,придал качественную динамику процессу развития и других азиатских экономик, благодаря своему масштабу трансформировав социально-экономическое развитие в Азии от роста отдельных точек к общерегиональному росту. В отличие от Японии, Южной Кореи, развивающихся экономик Юго-Восточной Азии, пострадавших от азиатского кризиса, Китай сохранил опережающие темпы экономического развития. В кризисные 1997-1998 рост китайского ВВП составил 7,9% (рост американской экономики – 4,4%) [74] . Средние темпы роста китайской экономики в период за последние 15 лет после 1998 г. составил около 10,3% ВВП. (по сравнению с относительно невысокими темпами в развитых странах). При этом поступательный рост Китая в течение последних 20 лет стимулировал экономический рост в соседних государствах, включая и развитые.

К 2014 г. экономика КНР стала крупнейшей из расчета ВВП по паритету покупательной способности. В обозримой перспективе китайская экономика по-видимому будет способна обогнать американскую и по номинальному ВВП. Несмотря на то, что в последние годы темпы развития китайской экономики постепенно снижались – с рекордных 14% в 2007 г. до 7,5% в 2013-2014 г.[75] – Китай остается одним из крупнейших вкладчиков в мировой экономический рост. Долгосрочные прогнозы умеренно благоприятны для Китая, а также для других экономик региона. Средние темпы роста КНР в 2018-2030 гг. в соответствии с долгосрочным прогнозом

[74]World Bank Statistic Data. WorldBank [Электронныйресурс] Режимдоступа: http://data.worldbank.org/indicatorДатаобращения :(20.12.16).
[75]Ibid

ОЭСР составят 5,5%[76]. В течение этих лет темпы экономического роста КНР будут постепенно снижаться, все более приходя в соответствие с относительно небыстрыми темпами развитых стран (хотя, учитывая огромное население Китая, по показателю ВВП на душу населения Китай еще долго будет отставать от США и ЕС). Экономический рост других азиатских гигантов – Индии и Индонезии будет на уровне 6,5% и 5,1% ВВП соответственно. Эти темпы далеки от невероятных двузначных цифр, которые Китай, а также некоторые соседние страны Юго-восточной Азии демонстрировали в последние годы, однако выше среднемировых.

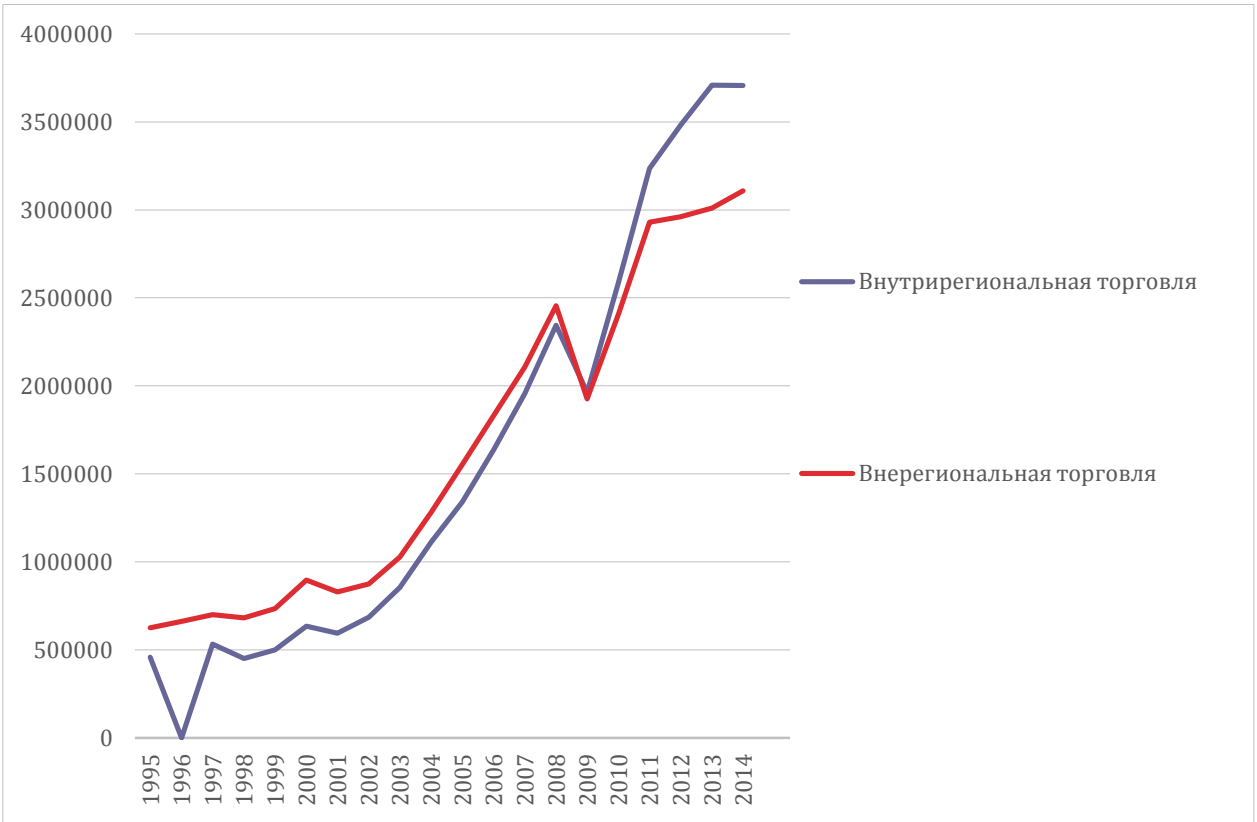
Негативные прогнозы относительно неизбежной «жесткой посадки» китайской экономики, таким образом, пока не подтверждаются ни практикой, ни базовыми экономическими прогнозами ведущих международных организаций. «Мягкая» же, растянутая во времени «посадка» связывается с качественным изменением структуры китайской экономики и переходу к экономическому развитию в условиях «новой нормальности» - более медленными темпами, но с повышением качества роста[77]. Сохранение упора на экспортно-ориентированные производства, неизбежное в течение ближайшего времени, будет сопровождаться переориентацией на внутреннее потребление и формирование более сбалансированной, хотя и менее стремительной модели экономического развития. Эта экономическая политика будет носить, судя по всему, долгосрочный характер, сохраняясь по крайней мере на протяжении правления нынешнего поколения руководителей КНР. Таким образом, Китай будет оставаться ключевым долгосрочным фактором изменения перераспределения сил в экономической плоскости.

Экономический подъем КНР и всей остальной Азии повлек за собой ряд глубоких структурных последствий для международной системы АТР.

[76]OECD Economic Data. Organization for Economic Cooperation and Development [Электронныйресурс]. Режимдоступа: http://www.oecd.org/Датаобращения: (20.12.16).
[77]Hu A. Embracing China’s New Normal // Foreign Affairs. 2015, №3 [Электронный ресурс]. Режим доступа:. https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-04-20/embracing-chinas-new-normalДата обращения: (20.12.16).

Прежде всего, фундаментально изменилась роль региона в мировой экономике. Образование в центре Азии нового полюса потребления, являющегося одновременно крупнейшим экспортером способствовала развороту господствующей на протяжении последних двух десятилетий парадигмы «Азия для мира», характеризуемой ориентированной на внерегиональные рынки модели большинства экономик, на новую парадигму - «Азия для Азии» [78]. Последний тренд заключает в себе растущую регионализацию торговли, инвестиций и производственных цепочек:

График 2. Соотношение внутрирегиональной и внерегиональной торговли азиатских стран (млн. долл. США)



Источник: UNCTAD

Хронологически зримый разворот с ориентации на внеазиатские рынки на внутрирегиональную торговлю произошел в период мирового финансово-экономического кризиса в 2007-2009 гг., достигнув к 2014 г. существенного разрыва. Однако, как видно из графика, постепенное, но стабильное

[78] *Бордачев Т.В., Синь Ч., Лихачева А.Б.* Чего хочет Азия // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Chego-khochet-Aziya-17310Дата обращения: (20.12.16).

увеличение доли внутриазиатской торговли наблюдалось в течение всех 2000-х гг., главным образом как раз за счет роста китайской экономики.

В Юго-Восточной Азии тенденция к регионализации торгово-экономических связей была связана с географической близостью соседних стран с уже существующей, исторически сложившейся инфраструктурой торговых связей, а также успешно развивающимся интеграционным проектом. За десятилетие 1990-1999 гг. экспорт товаров внутри сообществаАСЕАН вырос с 20,1% до 22,1%, импорт – 16,2% до 22,9%[79], несмотря на огромный провал азиатской региональной торговли в кризисном 1998 г. В 2011 г. доля экспорта стран-членов внутри АСЕАН достигла 26,4%, импорта – 23,6%.[80] Постепенный рост внутриблокового торгового оборота частично являлся следствием успешных интеграционных процессов, но во многом – их двигателем. При этом соседний Китай стал важнейшим внешним торговым партнером для объединения АСЕАН - объем китайско-асеановской торговли в 2013 г. ок. 14% внешней торговли блока)[81].

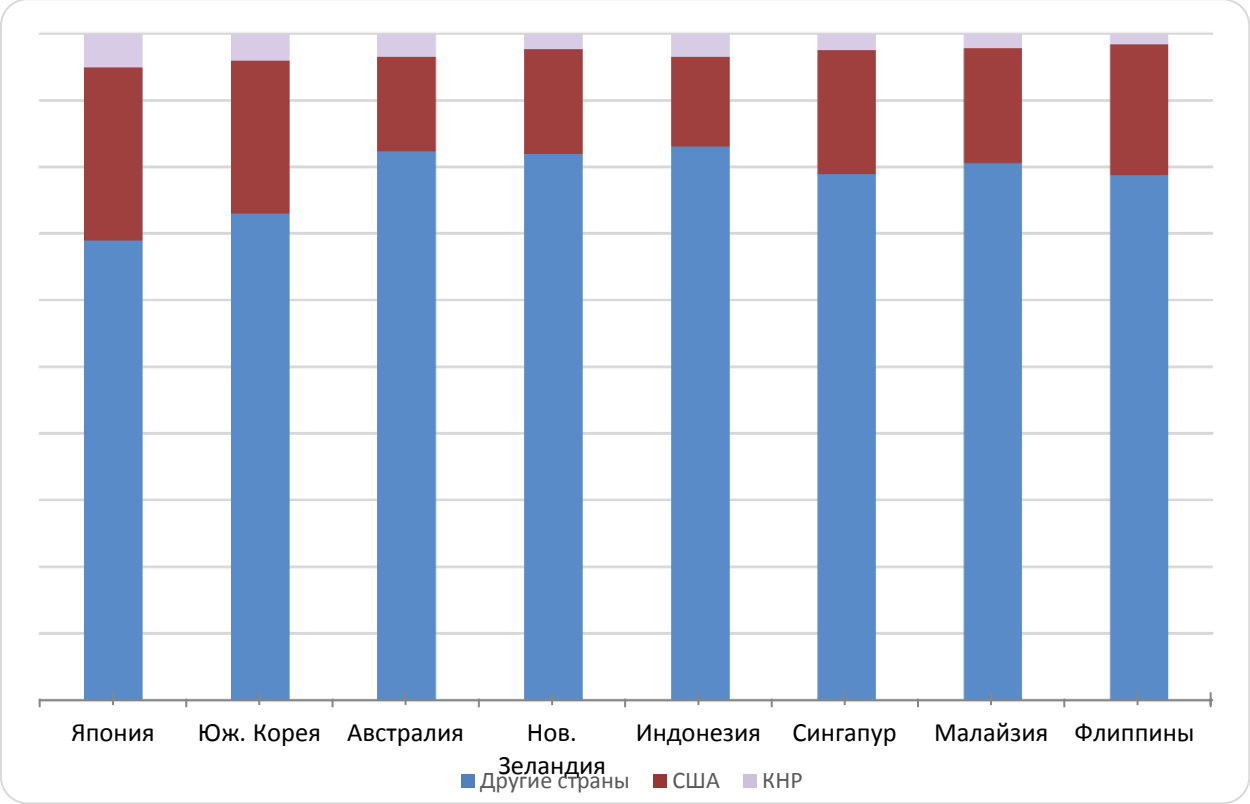
В Восточной Азии увеличение регионализации международной торговли в 2000-е было связано с увеличением торгового оборота между двумя развитыми экономиками – Японией и Южной Кореей – и стремительно развивающимся Китаем, являющимся как поставщиком промышленных товаров, так и увеличивающимся потребительским рынком. В 2013 торговля с Китаем составляла 18,1% экспорта и 21,3% импорта Японии, 24,5% экспорта и 15,5% импорта Южной Кореи. Отражением этих процессов являлось стремление трех стран создать трехстороннюю зону свободной торговли. Планы по ее созданию, однако, так и не были реализованы. При этом, на фоне бурного экономического роста развивающихся стран и все большей переориентации на региональные рынки развитых экономик, в АТР наблюдался очевидный недостаток

[79]WTO Trade Statistics. World Trade Organization [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/tradebyregion_e.htmДата обращения: (20.12.16).
[80]Ibid.
[81]Ibid.

институционально-правовых механизмов регулирования международного экономического сотрудничества.

Рост Китая и усиление тренда «Азия для Азии» оказало сильное влияние на роль США в конфигурации региональных торгово-инвестиционных связей. В начале 90-х, как видно из представленных данных, она еще сохраняла американоцентричный характер:

График 3. Доли США и КНР в торговом обороте крупнейших экономикАТР (1992 г.)[82]

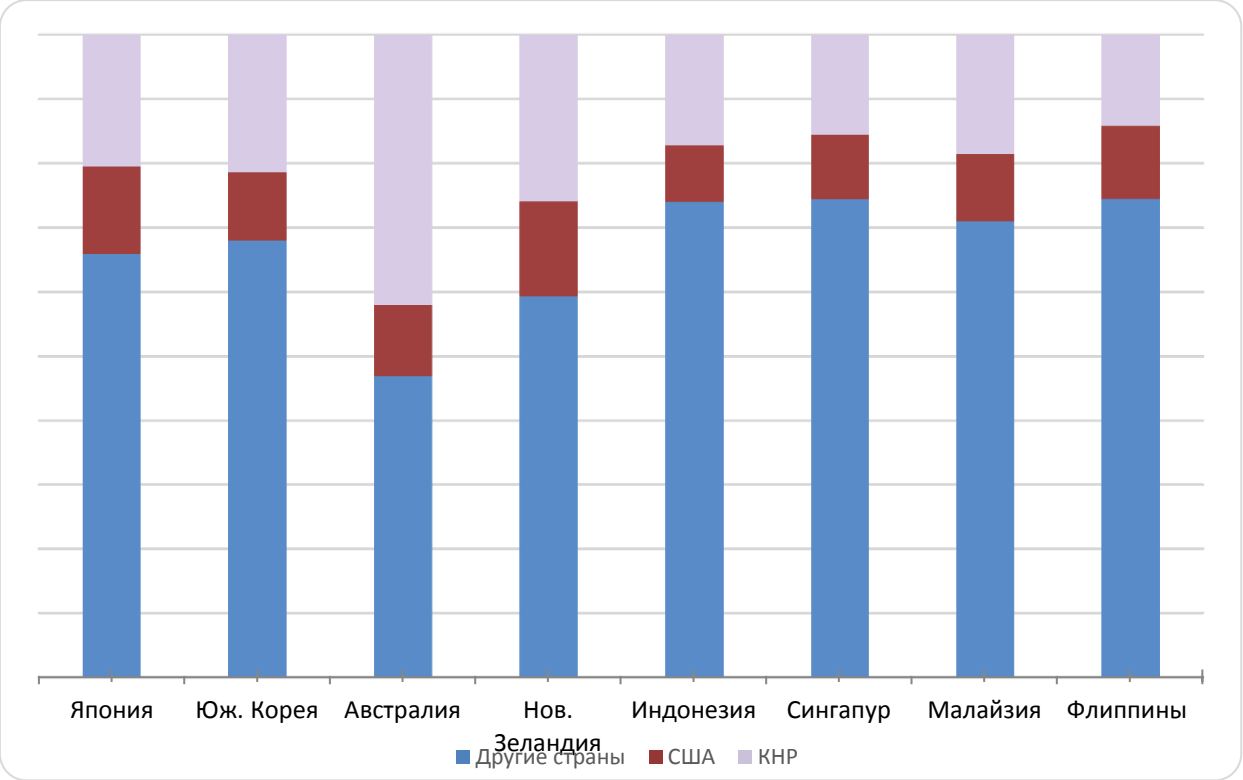


Источник: UNCTAD

К концу «холодной войны» США занимали в структуре внешней торговли большинства крупнейших экономик региона около 20-25% от общего оборота. Это коррелировалось с конфигурацией военно-политических связей: для всех союзников США оставались крупнейшим торговым партнером. Однако, рост Китая и регионализация торговых связей привели к ослаблению экономических смычек между Вашингтоном и американскими союзниками в АТР.

[82] Для Филиппин указаны данные за 1996 г.

График 4. Доли США и КНР в торговом обороте крупнейших экономик АТР (2015 г.)



Источник: UNCTAD

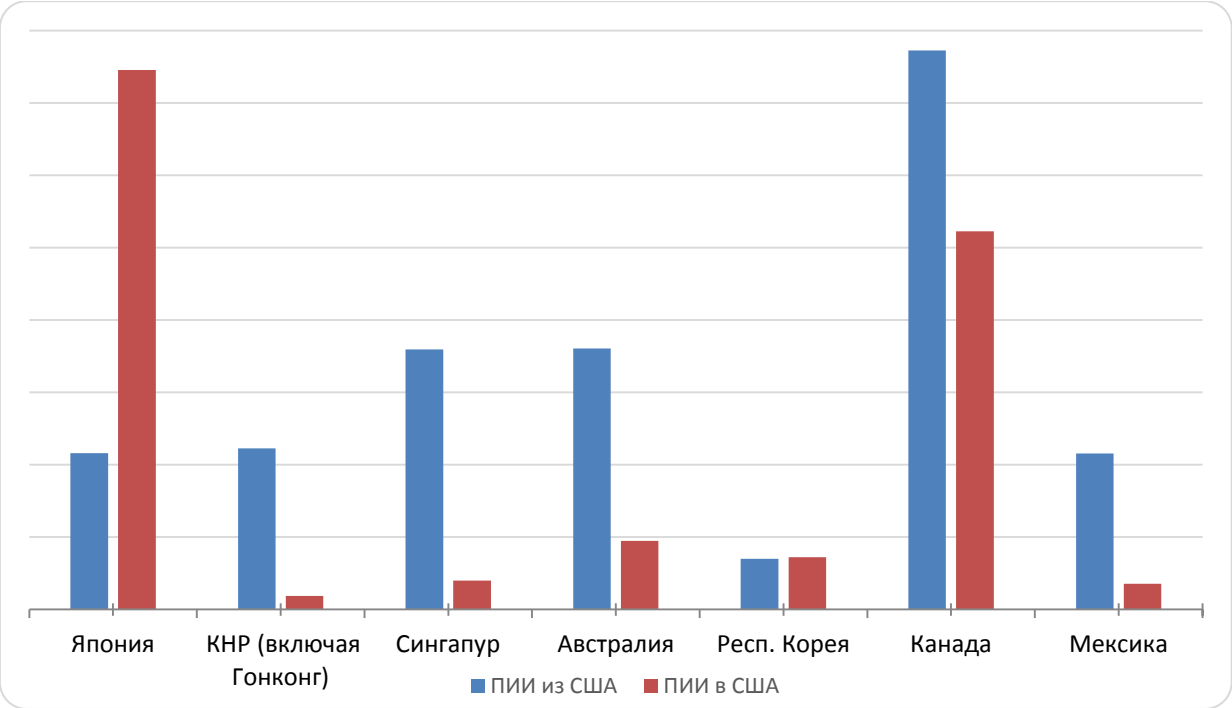
Приведенные данные демонстрируют, что за период 1992-2014 гг. роль США системе региональной торговли значительно ослабла по сравнению с периодом начала 90-х, когда Америка оставалась крупнейшим экономическим партнером для всех своих союзников. На смену американоцентричности в структуре региональных торговых связей фактически приходит китаецентричная модель. Следует отметить, что помимо собственно физической торговли, КНР качественно увеличила свой вес и в международной торговле услугами. Так, 2014 г. доля экспорта услуг в китайской экономике достигла 2,4 % ВВП, а импорта – 3,7 % (по сравнению с 1 % экспорта и 1,4 % импорта в 1990 г.).

Несколько иная ситуация складывается в региональной структуре инвестиций. Валовый объем американских прямых инвестиций в регион в 2014 г. достиг 738,79 млрд. долл. США, удвоившись за 10 лет, по сравнению с 2004 г. В то же время приток ПИИ в американскую экономику из АТР в

2014 г. составил 512 млрд. долл. США, таким образом, в настоящий момент продолжают оставаться крупнейшим инвестиционным донором в АТР[83].

В отличие от структуры торговых связей, структура накопленных ПИИ испытала гораздо меньшие изменения от изменения, сохранив устойчивые партнерские связки между США и их традиционными союзниками.

График 5. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций между США и их крупнейшими инвестиционными партнерами в АТР (2015)



Источник: http://statista.com

Несмотря на усиление экономического веса КНР, других стран Азии, это не привело к замещению США Китаем в качестве новой оси региональной экономики, но усложнило ееструктуру, сделав более многополюсной, с многоуровневым укладом двусторонних и многосторонних взаимозависимостей. Два центра экономической динамики азиатско-тихоокеанского региона остаются финансово и макроэкономическисильно взаимосвязанными, при одновременном тренде на регионализацию и даже локализацию торговых, производственных и логистических цепочек.

[83]US Foreign Investments // Investment Flows Statistics by Country [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://www.statistica.comДата обращения: (20.12.16).

Изменение системы внутрирегиональных связей подстегнуло и другой процесс выраженный в попытке азиатских стран восполнить присутствовавший в постбиполярном порядке в АТР с 90-х недостаток институциональной базы. Последний процесс выражался в появлении огромного количества новых форматов, удовлетворявших институциональный голод в разных сферах, которые росли вокруг более узких региональных групп, нежели АТЭС. Это в корне противоречило заданному США направлению институционального строительства в регионе, которое однако с начала 2000-х, фактически оказалось в тупике[84].

С конца 80-х, при лидерстве США, создание институциональной оболочки для либерализации торгово-инвестиционной деятельности шло по двум трекам – как часть глобального процесса (ВТО) и в форума АТЭС, основанного на принципах ВТО+ и направленного на имплементацию глобальной архитектуры экономического регулирования на региональный уровень. Наблюдаемый во второй половине 2000-х паралич «Дохийского раунда» ВТО и ослабление роли других институтов глобального экономического управления, ограничили возможности Америки как генератора норм и институтов глобального экономического порядка. Описывая результаты фактического провала очередного, «женевского» этапа «Дохийского раунда», одно из ведущих американских изданий «WashingtonPost» мрачно отмечало, что «такой результат бросает длинную тень на способность ВТО противостоять распаду глобальной торговли на конкурирующие региональные и отраслевые блоки»[85].

На фоне стагнации развития глобальной архитектуры торговли, в тупике оказался и привязанный к ней региональный трек. В течение 90-х правила игры, определявшие экономический порядок в регионе развивались вокруг сформулированных на саммите 1994 г. в г. Богор т.н. «Богорских

[84]*Сидоров А.А.* АТЭС в поисках новой парадигмы развития. Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. №2. 2009. С. 22-25.
[85]Doha'sDemise // TheWashingtonPost, July 30, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/07/29/AR2008072902110.htmlДата обращения: (20.12.16).

целей», в которых отразилась господствовавшая в американском истеблишменте повестка развития региональной экономики, во многом совпадающая со сформулированными пятью годами ранее принципами «Вашингтонского консенсуса». Принятая в Богоре программа долгосрочного развития региона предлагала концентрироваться преимущественно на трех основных аспектах:

- укреплении открытой многосторонней торговой системы
- углублении либерализации торговых и инвестиционных связей, а также внутриэкономической либерализации стран региона
- интенсификации сотрудничества в области международного развития[86] .

Последний пункт отражал острый запрос развивающихся стран Азии, Океании и Латинской Америки на поддержку тех социальных и экономических процессов, которые происходили во многих из них с 70-х гг. Предложенная США повестка предлагала необходимые им высокие темпы роста за счет встраивания в уже сложившуюся систему региональных и мировых торгово-экономических связей, доступа на западные рынки и открытия своих.

В то же время, форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), ставший институциональным воплощением американоцентричного экономического порядка в регионе, к началу 2000-х также столкнулся с известными пределами своего развития. Сформировавшееся общерегиональное институциональное обрамление оказалось достаточно слабым. Из четырех базовых функций международных организаций: содействия, мониторинга, надзора и регулирования[87], АТЭС обладал первыми двумя, но так и не сумел принять на себя надзорных и регулирующих функций, важных для упорядочивания и структурирования международных экономических отношений. Это во многом предопределило

[86]APECLeaders' Declaration 1994. APECЭлектронныйресурс. [Электронный ресурс]: http://www.apec.orgДата обращения: (20.12.16).
[87]Киреев А.П. Международная макроэкономика. М:Международныеотношения., 2014. С 89.

то, что декларированные на саммите АТЭС в 1994 г. обязательства экономик-членов организации созданию в АТР полностью открытой рыночной среды к 2020 г. фактически были отодвинуты в сторону после кризиса 1997-1998 гг[88]. Строившийся вокруг них в 90-е гг. институциональный формат АТЭС оказался в тупике.

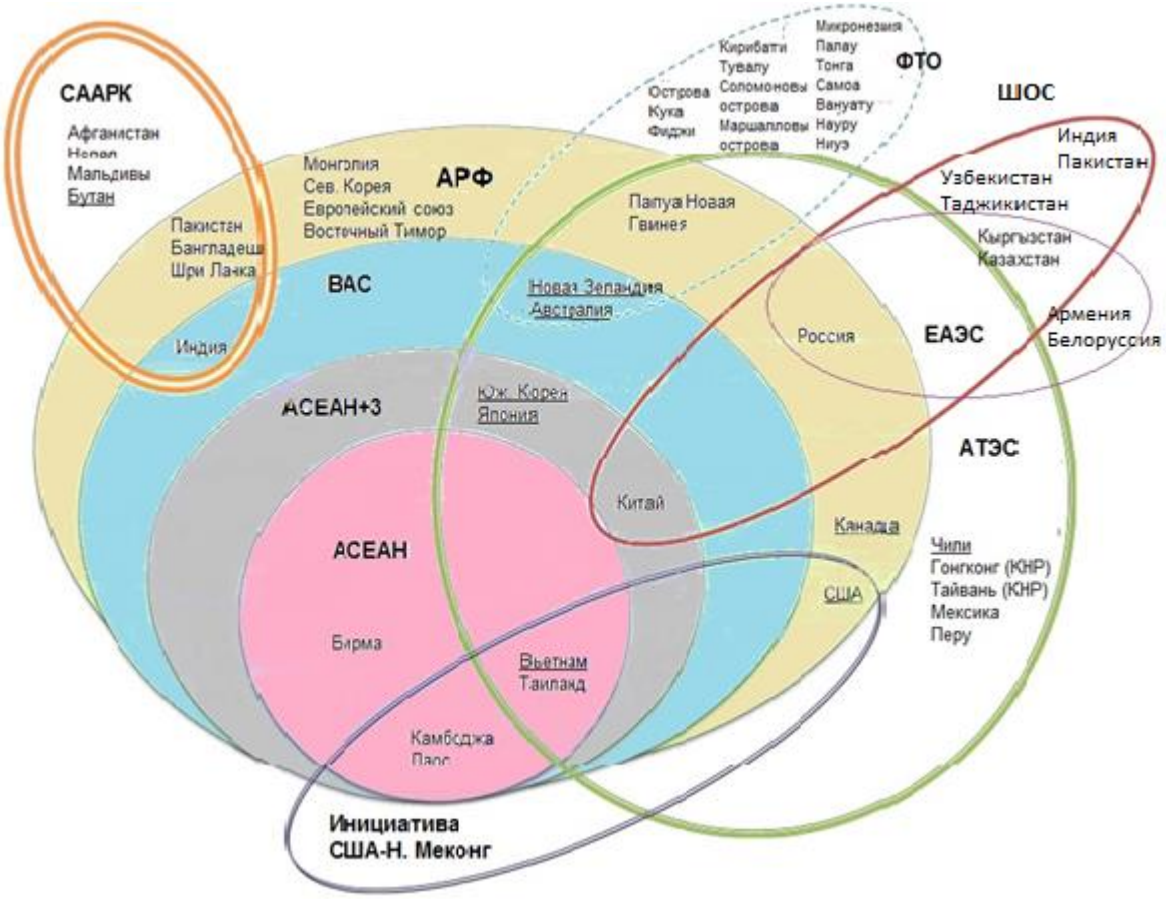
В результате, характер и динамика развития институтов многостороннего экономического сотрудничества в АТР приняли для США нежелательный оборот. Реагируя на азиатский финансово-экономический кризис 1997-1998 гг. и его последствия, страны Восточной Азии начали поиск новых форматов взаимодействия. В этих условиях институциональный вакуум в сфере международной экономической деятельности с конца 90-х – начала 2000-х заполнялся в АТР форматами, ядром которых выступала АСЕАН: АСЕАН+3 (Китай, Япония, Республика Корея) и АСЕАН+6 (КНР, Япония, РК, Австралия, Новая Зеландия и Индия), много позже – АСЕАН+8 (те же + Россия и США, обе достаточно запоздало подключившиеся к асеаноцентричному институциональному строительству лишь в конце 2000-х). Институциональные форматы асеановских проектов, таким образом, либо не включают США вовсе, либо допускают американское участие отнюдь не на первых ролях (как, например, АСЕАН+8)[89].

Результатом бурного институционального строительства 2000-х в АТР образовался феномен т.н. «миски лапши»: конгломерата взаимосвязанных и взаимоперетекающих друг в друга многосторонних форматов, ядром многих из которых стало сообщество АСЕАН. Помимо асеаноцентричных форматов, развивающихся наиболее динамично,

[88]Sung-HoonP., LeeJ. APECatCrossroads: Challenges and Opportunities // Asian Perspective. 2009. Vol. 33. N 2 .pp. 97–124.

[89] См. Канаев Е.А. ТТП и РВЭП в системе экономического регионализма АТР / В сборнике: Ж.В. Петрунина, Е.А. Канаев, Д.В. Киба. Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС. Комсомольск-на-Амуре., 2013.

Рисунок 1. Организации многостороннего сотрудничества в АТР (на 2011 г.)



Одной из основ развития асеаноцентричных форматов являлось заключение соглашений о ЗСТ с ключевыми партнерами АСЕАН, что с одной стороны соответствовало тренду на регионализацию азиатской торговли, с другой – подстегивало эти процессы. В ноябре 2012 г. на базе АСЕАН+6 официально стартовали переговоры по созданию Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), являющегося по сути проектом полноценного торгового блока составляющего прямую конкуренцию американским инициативам международного экономического сотрудничества в регионе. Сохранение относительно высоких темпов развития КНР укрепляет фактическую центральную роль Пекина в асеаноцентричных проектах, хотя формально генератором институтов остается сообщество АСЕАН. Озвученная китайским руководством на

саммите АТЭС 2014 г. в Пекине инициатива создания на базе организации общерегиональной зоны свободной торговли[90] (предложение, которое ранее, в 2006 г. продвигала администрация Дж. Буша) отражает тренд на более решительное стремление КНР «перебить» американскую торгово-экономическую повестку в АТР и перехватить у Вашингтона лидерство в сфере институционального строительства не только в рамках азиатского регионализма, но и в масштабах всего макрорегиона.

К началу 2010-х в АТР появилось наслоение перехлёстывающихся институциональных форматов, участником большей части из которых США не являлись. «Широкая» и слабоинституционализированная структура постбиполярного регионального порядка, которая в условиях экономического доминирования США должна была облегчить Вашингтону консолидацию региона и распространение неолиберальных правил внутри- и внешнеэкономической политики, в условиях перетекания экономического потенциала из Северной Америки в Азию оказалась скорее фактором ослабления американского лидерства.

Таким образом, к концу 2000-х американские позиции в АТР оказались серьезно ослаблены вследствие формирования в регионе целого комплекса структурных вызовов, имеющих разную природу: экономическую, геостратегическую и институциональную. Эти вызовы, наложившись на существовавшие в структуре международного порядка слабые места: прежде всего, противоречие между архитектурами безопасности и экономического сотрудничества и «недоинституционализированность» последнего, не просто пошатнули американское лидерство в АТР, но во многом составили угрозу устойчивости самой региональной международной системы. В результате американоцентричный порядок в регионе оказался подорван как изнутри, так и снаружи – прежде всего, вследствие тех эффектов, которые мировой кризис оказал на всю глобальную систему международных отношений. Сформировался огромный дисбаланс между структурой экономических

[90]China promotes ‘Asia-Pacific dream’ to counter U.S. ‘pivot’ // Washington Post, November 11, 2014.

связей и международных институтов экономического регулирования, дрейфующих в сторону Азии и американоцентричной архитектурой безопасности.

В этих условиях, энергично осуществленный администрацией Обамы «разворот в Азию»неизбежно должен был сконцентрироваться на преодолении этих дисбалансов, что было возможно по двум сценариям. Первый – через проведение или допущение Вашингтоном фундаментальной реформы архитектуры безопасности, сопровождаемой включением США в перестройку экономического порядка (в соответствии с трендом на перенос экономического центра тяжести в Азию). Такой путь однако оказался заведомо невозможным, прежде всего в силу внутриполитических причин. Второй путь – произвести попытку «перезагрузки» американоцентричного экономического порядка в АТР, вернув институциональное строительство и макроэкономические процессы в регионе на желаемый трек. Именно вокруг этой цели, как одной из ключевых, постепенно и выстроилась политика США в АТР.

Глава 2. Транстихоокеанской партнерство как инструмент утверждения американского лидерства в АТР

2.1. Политические предпосылки и институциональная база Транстихоокеанского партнерства

Качественные изменения американской тихоокеанской политики, произошедшие при администрации Б. Обамы, следует рассматривать как реакцию на описанные выше глубокие структурные перемены в системе международных отношений, как на глобальном, так и на региональном уровнях. Предпринятый Вашингтоном с приходом демократической администрации «разворот» в Азию можно рассматривать как очередной цикл активизации внешней политики США в регионе (которых, как было показано в прошлой главе, было несколько). При этом, обамовский «разворот» на Тихий океан по мере своего развития все более приобретал характер широкого политико-экономического контрнаступления, в котором роль институционального строительства приобрела качественно большее значение по сравнению с региональными подходами предшественников. Выдвинутые администрацией Обамы масштабные инициативы по реформе региональной институциональной архитектуры, прежде всего – Транстихоокеанское партнерство (ТТП), имели комплексный характер и выполняли с одной стороны роль инструмента закрепления уже занятых рубежей, с другой – средства давления на новые центры силы, ослабления их международных позиций и соответственно укрепления американского регионального и глобального лидерства.

Сделанный администрацией Обамы упор на преобразование режима международной торговли в качестве реакции на подтачивающие американского регионального лидерства структурные сдвиги в АТР является не случайным. Ставка на формирование масштабного торгового блока определяется как природой наблюдаемых перемен в международной системе (что было описано в предыдущей главе), так и наследием региональной политики предшественников Б. Обамы. Набор их провалов и достижений

сформировал политических и институциональный задел, на котором сменившая Дж. Буша-младшего демократическая администрация выстроила политику продвижения своих инициатив в области либерализации региональной торговли[91].

Первой и одной из главных проблем тихоокеанской политики США 90-х и 2000-х гг., снизившей их возможности противостоять структурным вызовам стремительно меняющегося региона, являлась (и во многом остается) дилемма между глобальной и региональной ролями Соединенных Штатов. Центральное место Вашингтона в мировой политике определяет его фокус прежде всего на глобальном уровне международной системы в целях поддержания и реализации глобального лидерства страны. Формируя политическую и экономическую повестку для АТР, США зачастую концентрировались на ее глобальных аспектах в ущерб региональным приоритетам. В результате, несмотря на то, что в американских стратегических документах 1990-х и 2000-х указывалось на неизбежное повышение стратегической важности АТР в будущем[92], равно как и на растущий экономический потенциал входящих в него стран, региональная повестка США после окончания «холодной войны» страдала от недостаточной проработки и не всегда согласовывалась с приоритетами азиатских государств.

Подход американских администраций к развитию режима международной торговой и финансовой деятельности в АТР является в этом отношении одним из наиболее показательных. В 1990-е и на протяжении большей части 2000-х эволюция международного экономического порядка в АТР воспринималась как часть аналогичных процессов на глобальном

[91] *Bader J., Pollack J.* Return to the Asia Rebalance and the U.S.-China Relationship. BrookingsInstitute: 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.brookings.edu/research/return-to-the-asia-rebalance-and-the-u-s-china-relationship/Дата обращения: (20.12.16).

[92] National Security Strategy, 1993 // National Security Strategy Archive. [Электронныйресурс]. Режимдоступа: http://nssarchive.us/national-security-strategy-1993/Датаобращения: (20.12.16); National Security Strategy for A New Century, 1997 // National Security Strategy Archive. [Электронныйресурс]. Режимдоступа: http://nssarchive.us/national-security-strategy-1997/Датаобращения: (20.12.16); National Security Strategy of the United States of America 2002 // Department of State. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdfДата обращения: (20.12.16).

уровне. Например, «Богорские цели», озвученные в качестве повестки долгосрочного регионального развития на саммите АТЭС в 1994 г[93]. (и являвшиеся во многом отражением американского видения этой проблемы), рассматривались в Вашингтоне как инициатива, направленная на поддержку ВТО и дальнейшую реформу глобальных институтов международного сотрудничества и развития[94]. Такой подход в малой степени учитывал региональную специфику и потребности развивающихся стран Азии, предлагая им вписаться в глобальную неолиберальную повестку и адаптироваться к универсальным рецептам экономического развития в рамках «Вашингтонского консенсуса». Негативные последствия этих рецептов страны региона в полной мере ощутили во время Азиатского экономического кризиса 1997-1998 гг.

Политика следующей, республиканской администрации в области развития регионального экономического порядка не претерпела сколь-либо значительных изменений. Так, декларация лидеров стран-членов АТЭС по итогам саммита в Ханое (2006 г.), на котором США стремились продвинуть идею общерегионального ЗСТ начиналась с тезиса о том, что «последствия провала Дохийского раунда будут иметь гибельные последствия для наших экономик и для глобальной многосторонней торговой системы» и что страны-участники АТЭС обязуются «не жалеть усилий для того, чтобы преодолеть противоречия и найти полностью сбалансированное и соответствующее заявленным амбициям решение в рамках переговорного процесса»[95]. Такая апелляция к де-факто провалившемуся годом ранее Дохийскому раунду была призвана во-первых добиться декларативной поддержки американских усилий по развитию глобальной архитектуры торговли на Дохийском процессе, во-вторых – сформировать условия для

[93] 1994 APECLeader'sDeclaration // APECЭлектронныйресурс. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1994/1994_aelm.aspxДата обращения: (20.12.16).
[94]*Hufbauer G.,* Schott J. Fitting Asia-Pacific Agreements into the WTO System // WTO Work Paper. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/con_sep07_e/hufbauer_scott_e.pdfДата обращения: (20.12.16).
[95]APECLeader'sDecalaration 2006. APECЭлектронныйресурс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2006/2006_aelm.aspxДата обращения: (20.12.16).

плана Б, т.е. попытки добиться установления новых правил международной торговли в ключевом для мировой экономики регионе, чтобы впоследствии распространить их на глобальный уровень. Такой «замах» на решение глобальных проблем через региональные структуры опять же снижал и снижает востребованность американских инициатив в Азии.

Показателен в данном случае и подход администрации Буша-младшего, при которой стремящейся сделать проблему глобальной борьбы с терроризмом центральным звеном повестки безопасности практически на всех площадках и форумах, включая форматы АТР – несмотря на чуждость этой проблемы региону в то время [96] . Такая сфокусированность на привнесенных с глобального уровня на региональную почву проблемах не всегда находила понимание у государств региона.

Второй системной проблемой «дообамовской» американской политики в АТР была недооценка подвижности региона, большого потенциала к негативным для американского лидерства изменениям. Характерным является, например, подход к Китаю, являющемуся крупнейшим источником изменений в глобальном и региональном балансе сил. Исторической иронией стало то, что «открытие дверей» китайского рынка – одна из важнейших детерминант американской региональной политики с 1899 г. – была реализована посредством сотрудничества США с режимом, в свое время разрушившим это достижение и представлявшего один из главных вызовов американским интересам на Тихом океане почти за полвека до этого.

Начало рыночных реформ в КНР после приход к власти Дэн Сяопина и стремление страны интегрироваться в глобальную экономику породили в Вашингтоне во многом завышенные надежды на то, что Китай удастся интегрировать в американоцентричный международный порядок в качестве ответственного партнера, играющего по установленным правилам. «… Наше сотрудничество с Китаем, позволяет быть уверенными, что… Китай по праву

[96]Sutter R. The United States and Asia in 2006: Crisis Management, Holding Patterns, and Secondary Initiatives // Asian Survey. Vol. 47, No. 1 (January/February 2007), pp. 10-21.

является источником позитивных изменений как для своего народа, так и для всего мира»[97] - отмечал У. Клинтон в 1996 г. В подготовленной годом ранее государственным департаментом «Стратегии США в Восточной Азии и Тихом океане» указывалось, что, несмотря на наращивание КНР военных расходов и технологическое обновление своих вооруженных сил «китайское руководство рассматривает международный мир и стабильность как неотъемлемые условия для достижения целей экономической модернизации Китая»[98], с сама страна не представляет долгосрочной угрозы, ввиду ее сфокусированности на вопросах развития.

Такое же мнение господствовало и в администрации Дж. Буша-младшего, которая делала упор на глобальную борьбу с терроризмом и поддержку дорогостоящих военных кампаний на Ближнем Востоке, а не на противодействии перспективным угрозам со стороны государственных акторов. Так, ни в одном ключевом концептуальном документе по внешней политике администрации Дж. Буша-младшего АТР не был на первом месте, уступая место международному терроризму и ближневосточной проблематике, хотя ссылки на перспективную важность этого региона появлялись в американских официальных документах с начала 90-х гг. Характерно, что также ни в мемуарах Дж. Буша-младшего[99], ни в мемуарах других ключевых членов его кабинета, ответственных за выработку внешней политики,АТР также не занял сколько-либо значимого места, всецело уступая описанию иракской и афганской кампаний, отношениям с Европой. Рассказывая о времени своего пребывания на посту, экс-министр обороны в администрациях Буша и Обамы Р. Гейтс констатировал, что «азиатские лидеры… ощущали себя забытыми; главную же проблему, как обычно, представлял собой Ближний Восток»[100].

[97]Clinton W. Between Hope and History. NY. 1996. pp.. 151-152.
[98] US Security Strategy for East Asia. 1998. Department of Defense. [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://www.dod.gov/pubs/easr98/easr98.pdfДата обращения: (20.12.16).
[99]See. Bush G. Decision Points. Crown Publishers, New York ,2010.
[100]ГейтсР. Долг. Мемуары министра войны. М.:AlfredA. Knopf 2014. С. 433.

Наконец, третьей системной проблемой американской политики в АТР после окончания «холодной войны» был недостаток внимания к многосторонним форматам сотрудничества. В отличие от евроатлантики, где Вашингтон мог опереться на НАТО и активно способствовал утверждению этого формата в качестве центрального форума одновременно европейской безопасности и трансатлантических отношений, в АТР у США, как было показано выше, так и не сформировалось соизмеримого по весу и охвату многостороннего формата. При этом, сама система оборонных альянсов, сформированных по большей части на двусторонней основе, все равно осталась закрытой и дискриминационной к тем участникам международных отношений в регионе, которые не успели влиться в эту систему в период биполярной конфронтации (см. главу 1). Что, таким образом, не делало архитектуру американских военно-политических связей в регионе более открытой и дружелюбной по отношению к «возвышающимся державам» Азии.

Опасность и крайняя нежелательность появления «лининий разделения» посередине Тихого океана, которые рассекли бы Азиатско-Тихоокеанский регион на две части с США и Китаем в качестве полюсов осознавалась в Вашингтоне с начала 90-х гг[101]. Преодолению этой проблемы могло бы способствовать создание и развитие общерегиональной институциональной архитектуры с широкой повесткой и недискриминационным, равноправным участием всех государств региона. В качестве таковой изначально задумывался форум АТЭС, в соответствии с требованиями времени фокусировавшийся на вопросах социально-экономического развития и сотрудничества и который при реализации тихоокеанского соглашения о ЗСТ должен был составить ядро «нового регионализма»[102].

[101]*Barfield C., Levy P.* Tales of the South Pacific: President Obama and the Trans-Pacific Partnership // American Enterprise Institute for Public Policy Research. International Economic Outlook, # 2. December 2009, pp. 1-2.
[102]*Bowels P.*ASEAN, AFTA and the "New Regionalism" // Pacific Affairs. Vol. 70, No. 2 (Summer, 1997), pp. 219-233.

Однако, форум АТЭС – опять же, в немалой степени в силу недостаточного внимания к нему со стороны США – так и не смог стать эффективной базой для общерегионального сотрудничества. Прежде всего, это обусловливалось тем, чтов азиатских странах возрастало разочарование форматом АТЭС, переживавшим сразу два кризиса – идентичности и доверия[103]. Первый был связан с кризисом изначальной философии проекта в условиях его стагнации и отсутствия у участников единого мнения относительно его целей[104]. Второй – с неспособностью АТЭС выполнить заявленные цели и выполнить роль институциональной основы для оказания своим участникам реальной помощи во время финансово-экономических потрясений. В условиях начавшегося в Таиланде финансового краха, быстро перекинувшегося на другие страны региона, США отказались от участия в организации международной экономической помощи охваченным экономическими неурядицами государствам.

Так, американский президент У. Клинтон весьма цинично назвал сотрясший азиатский регион финансово-экономический кризис 1997-1998 гг. «мелкими неурядицами на пути к процветанию» [105] .Такой подход – практически полное игнорирование проблем азиатских стран в условиях экономических потрясений – оказал деструктивный эффект на репутацию США и их экономической повестки в регионе. Бывший вице-премьер правительства Таиланда, впоследствии генеральный секретарь ВТО С. Паничпакди так прокомментировал американскую политику в регионе: «Азиатский финансовый кризис оказался разрушительным для Таиланда и Юго-Восточной Азии, заставив многих усомниться в том, хорошо ли США и МВФ представляют себе, как глобализация сказывается на экономике азиатских стран»[106]. Другой реакции ожидать не приходилось.

---

[103]*Sung-Hoon P., Lee J.* APEC at Crossroads: Challenges and Opportunities // Asian Perspective. 2009. Vol. 33. No 2. P. 97–124.

[104]*Сидоров А.А.* АТЭС в поисках новой парадигмы развития. Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. № 2.2009. С. 33.

[105]Stieglitz J. Globalization and its Discontents. W.W. Norton & Company, Inc. New York.2002. P. 93.

[106]Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений / Пер. с англ.А.Кириллова. СПб.: Амфора, 2005. С. 87.

США стремились к использованию этого формата как удобной площадки для проведения собственных инициатив и навязывания своей повестки, что делало Вашингтон заинтересованным в сохранении АТЭС в качестве слабоинституционализированного форума, а не полноценной организации с собственным аппаратом, и даже девальвированию этой площадки, когда обсуждаемая там повестка не соответствовала американским интересам [107] . Таким же образом в Европе США последовательно вели дело к ослаблению ОБСЕ, также имевшей потенциал к превращению в институциональное воплощение более открытого и равноправного регионального порядка, по крайней мере в сфере безопасности – в отличие от изначально закрытого для многих игроков блока НАТО. Но в отличие от Европы, где США, ослабляя открытый институциональный формат, усиливали закрытый военно-политический блок с собой во главе, в АТР недостаток развития форматов общерегионального многостороннего сотрудничества усиливал американские двусторонние стратегические и экономические связки[108].

Особенно сильно эта тенденция проявилась при администрации Буша-младшего. Свойственный этой администрации, в которой видную роль в определении подходов к международным делам играла группа неоконсерваторов, упор на двусторонних связях в ущерб многосторонним форматам и стремление к односторонним действиям проявили себя в снижении интереса к участию в многосторонних институтах АТР. В частности, в начале 2000-х резко упало внимание к развитию АТЭС, который в 90-е позиционировался в качестве центральной площадки для «обкатки» и имплементации американских региональных инициатив. Администрация Буша сделала основной акцент на дальнейшее укрепление двусторонних связей с традиционными союзниками: странами АНЗЮС, Японией и Южной Кореей, Филиппинами.

[107] *Сафронов Б.В.* Участие США в работе организации «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) // Europeansocialsciencejournal. № 8 (24). 2012. С. 519-526.
[108] *Green M., Gill B.*Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community. Columbia University Press, 2009.

При этом, политика односторонних действий, фокус на связях с традиционными союзниками едва ли способствовали укреплению и без того несблансированного регионального порядка, основанного на преобладающей военной и политической мощи США[109]. Так, односторонние действия США в период администрации Буша осложняли отношения Вашингтона со странами АСЕАН[110]. Достаточно однозначная поддержка, оказываемая Вашингтоном Токио в период напряженных японо-китайских отношений при премьер-министре Д. Коидзуми (2001-2006 гг.) лишь способствовала цементированию закрытой американоцентричной архитектуры безопасности на Дальнем Востоке и в АТР, усилив опасения Пекина по поводу своей возможной военно-политической изоляции. Прямым следствием укрепления такой «закрытой» модели региональной безопасности и явного пренебрежения администрацией Буша-младшего обсуждения своих односторонних действий в рамках международных институтов стало и стремление КНДР к обретению ядерного статуса в качестве гарантии своей безопасности и суверенитета. Тем самым, региональная система безопасности получила еще одну трещину, а ее несбалансированный американоцентричный характер на Дальнем Востоке еще более усилился.

Качественно укрепившийся и демонстрировавший опережающие темпы экономического роста Китай по-прежнему, как и при У. Клинтоне рассматривался в администрации Буша-младшего скорее как «отложенный вызов», оказывавший глубокое долгосрочное воздействие на развитие международного порядка в регионе и мире, но пока не настолько критический в кратко- и среднесрочной перспективе. Гораздо более алармистски в этом вопросе был настроен принадлежавший в тот период демократам конгресс, в котором тема нарастающей «китайской угрозы»

[109] *Acharia A.* The Bush doctrine and Asian regional order: the perils and pitfalls of preemption // *Asian Perspective.* Vol. 27, No. 4, Special Issue on the Bush Doctrine and Asia (2003), pp. 217-247.
[110] Ibidem.

стала одним из предметов критики республиканской внешней политики[111]. Однако, в администрации Буша-младшего отнюдь не считали политику США в АТР не соответствовавшей вызовам времени. «Возвышение Азии – это важный геополитический тренд, который меняет наш мир сегодня. Но я полагаю, что Соединенные Штаты сегодня, вопреки многочисленным комментариям об обратном, гораздо сильнее в Азии, чем когда бы то ни было»[112], - отмечала бывшая госсекретарем США во второй срок Дж. Буша-младшего К. Райз, подводя итоги тихоокеанской политики республиканской администрации.

Такой подход привел с одной стороны к крайне слабому в лице АТЭС институциональному воплощению общерегионального экономического порядка. С другой – к появлению множества новых региональных институциональных проектов, которые угрожают политической фрагментацией азиатско-тихоокеанского региона (подробнее об этом писалось в предыдущей главе). Воздерживаясь от участия в этих новых форматах, США по сути лишь стимулировали развитие процессов, противоречащих их интересам. Так, с начала 2000-х гг. – отчасти как реакция на кризис 1997-1998 гг. – к быстро развивающемуся вокруг АСЕАН регионализму ЮВА добавился восточноазиатский регионализм, выразившийся в заключении качественно новых двусторонних соглашений о ЗСТ между Китаем, Южной Кореей и Японией и движением в сторону трехстороннего соглашения между этими странами[113].

Таким образом, в условиях крайне благоприятной международно-политической обстановки, отсутствия серьезных вызовов безопасности, США по сути не предлагали каких-либо серьезных инициатив,

---

[111] See: *Vaughn B.*U.S. Strategic and Defense Relationships in the Asia-Pacific Region // Congressional Research Service Report. January 9, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fas.org/sgp/crs/row/RL33821.pdfДата обращения: (20.12.16).

[112]*Rice C.* US Policy Toward Asia. Address at the Heritage Foundation. DepartmentofState. June 18, 2008. [Электронныйресурс] Режим доступа: http://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/06/106034.htmДата обращения: (20.12.16).

[113]*Ruland J.* East Asian Regionalism: From Stagnation To Re-Invention? // European Journal of East Asian Studies, Vol. 4, No. 2 (2005), pp. 149-176 ;

ориентированных на потребности региона. К началу 90-х гг. все главные цели США в АТР, восходящие к началу XX в. – либерализация торгового режима, кардинальное снижение роли внерегиональных игроков (прежде всего – европейских держав), нейтрализация стратегических противников внутри региона – были во многом достигнуты. В результате, американская политика АТР в 90-е гг., а во многом и в 2000-е гг. оказалась инертной и была ориентирована не столько на долгосрочное укрепление регионального порядка, сколько на фиксацию тех политических и экономических выгод, которые предоставила им победа в «холодной войне». В результате два магистральных тренда, описанные в предыдущей главе: растущее значение АТР в глобальной международной системе и растущее давление на американские позиции в регионе оказались в противоречии с тем местом, которое две первые «постбиполярные» администрации США отвели тихоокеанскому направлению внешней политики США.

В то же время предшественники Б. Обамы добились и ряда тактических успехов, на которые администрация Обамы сумела опереться в продвижении нового институционального формата. Так, кабинет Клинтона сумел превратить АТЭС в центральную площадку выработки повестки регионального развития, прежде всего – своих инициатив[114]. Не развивая его как самостоятельный формат с широкими полномочиями, Вашингтон сумел добиться тактических успехов в утверждении АТЭС в качестве одного из распространителей принципов т.н. «Вашингтонского консенсуса». Администрация Клинтона сыграла активную роль в продвижении в качестве флагманской идеи регионального социально-экономического развития т.н. «Богорских целей», вобравших в себя многие принципы т.н. «Вашингтонского консенсуса»[115]. При этом, уже тогда Вашингтон сумел добиться включения в повестку регионального развития плана по формированию зоны свободной торговли (ЗСТ), которая включала бы все

[114]*Городняя Н.Д.*Политика США в Восточной Азии при президентстве У. Клинтона (1993-2001): интеграционный аспект // Universum: общественные науки. № 3 (4). 2014. С. 3.
[115]*Lee J., Park S-H.* APEC At A Crossroads: Challenges And Opportunities // Asian Perspective, Vol. 33, No. 2 (2009), pp. 97-124.

страны-члены форума. В соответствии с дорожной картой «Богорских целей» развитые экономики АТЭС должны были сформировать режим свободной торговли и инвестиций к 2010 г., а развивающиеся – к 2020 г[116]. Тем не менее, основной фокус предлагаемой Вашингтоном повестки развития при администрации Клинтона был перенесен с одной стороны на глобальный уровень (ВТО и другие глобальные институты экономического сотрудничества), с другой – на уровень двусторонних связей (в рамках суверенных экономических стратегий, формирование которых в 90-е гг. находилось под сильным влиянием продвигаемых США неолиберальных доктрин)[117].

В свою очередь вторая половина правления Дж. Буша-младшего была отмечена несколькими крупными инициативами, реагирующими на быстротечное изменение региональной экономики и в известной степени подготовившими американский «разворот» в АТР, осуществленный при Обаме. В ответ на бурное развитие институтов многостороннего сотрудничества в Юго-Восточной Азии и многочисленных форматов по принципу АСЕАН+, с середины 2000-х гг. администрация Дж. Буша-младшего начала прорабатывать возможности предложить региону схему многостороннего сотрудничества, которая была призвана стать альтернативой «асеаноцентричной» модели экономического регионализма, за которой проглядывалась центральная роль КНР в будущей институциональной организации региона[118].

С 2006 г. США активно стремились оживить формат АТЭС, интерес к которому снижался после азиатского кризиса 1997-1998 гг., в особенности в условиях невысокой, зачастую формальной активности США в этой

[116] 1994 APECLeader'sDeclaration. APECЭлектронныйресурс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1994/1994_aelm.aspxДата обращения: (20.12.16).
[117] See: *Stiglitz J.* Globalization and Its Discontents. PenguinBooksLmtd. 2002; Престовиц К. *Страна-изгой.* СПб. 2005.
[118] *Канаев Е. А.*Эволюция интеграционных процессов в АТР // В кн.: Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / Рук.: И. А. Макаров; отв. ред.: И. А. Макаров; под общ. ред.: И. А. Макаров; науч. ред.: Е. А. Макарова. М. : Международные отношения, 2016. С. 57-75.

структуре в первую первый срок президентства Буша-младшего. В частности, республиканская администрация предприняла попытку вернуть себе инициативу в области формирования общерегиональной экономической повестки, выдвинув предложение о заключении соглашения о ЗСТ на базе АТЭС (2006 г.), идея которой, как указывалось выше, была зафиксирована еще в «Богорских целях». Главным «ноу-хау» этого предложения по сравнению с принятым еще в 90-х проектом стал отказ от «многоступенчатого» формата, при котором разные группы государств обязывались сформировать ЗСТ к 2010 или 2020 г. в зависимости от уровня развития их экономик. В новой версии двигаться к общерегиональной ЗСТ предлагалось всем странам региона без разделения на более или менее развитые[119].

Данная инициатива преследовала целью с одной стороны попытку вывести форум, на котором США с начала 90-х традиционно солировали, из стагнации, с другой – предложить новую, общую для АТР консолидирующую повестку, чтобы «перебить» альтернативные, более узкие форматы. Однако, несмотря на в целом позитивное отношение стран региона к движению в сторону унификации режима международной торговли, во второй половине 2000-х гг. эта повестка уже начала повесткой развития, главной целью которой являлось т.н. «наращивание взаимосвязей», т.е. активное включение развивающихся стран в новые инфраструктурные, производственные и инвестиционные цепочки [120]. Хотя движение к заключению общерегиональной зоны свободной торговли было вновь зафиксировано в качестве головной цели АТЭС в итоговой декларации саммита, форум продемонстрировал, что единого понимания о том, каким должен быть облик нового соглашения средин государств-участников нет. Группа государств, выступавших за более глубокую регламентацию правил торговли, включая и США, оказалась не удовлетворена тем, что будущая

[119] 2006 APECLeader'sDeclarationAPEC Электронный ресурс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2006/2006_aelm.aspxДата обращения: (20.12.16).
[120] *Костюнина Г.М.* АТЭС: институциональная структура, направления деятельности и достижения // Российский внешнеэкономический вестник. № 10. 2012. С. 33-46.

зона свободной торговли, вероятно, будет ориентироваться только на снижение тарифных ограничений [121] . Таким образом, сама идея общерегиональной ЗСТ была встречена формально позитивно, однако ее продвижение на уровне АТЭС, где представлена 21 страна, натолкнулось на тяжеловесность и неповоротливость такого диалогового формата. Во многом, те противоречия между развитыми и развивающимися странами, которые выявил Дохийский раунд в полной мере проявились и в АТР[122].

В этих условиях, уже администрация Буша попыталась «зайти с черного входа», выдвинув в качестве альтернативы не включавшим США азиатским асеаноцентричным форматам новый флагманский проект для азиатско-тихоокеанского регионализма. Единственным серьезным шагом в этом направлении в 2000-е было заключение Соглашения о Тихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (ТСЭП) между странами т.н. «тихоокеанской четверки»: Новой Зеландией, Сингапуром, Чили и Брунеем[123]. ТСЭП стало единственным форматом зоны свободной торговли (ЗСТ), участники которого принадлежали как к Азии (Сингапур и Бруней), так и к Океании (Новая Зеландия) и американскому континенту (Чили). Само соглашение рассматривалось участниками как модель адекватного требованиям XXI в. высококачественного договора о свободной торговле, которая могла бы служить базой для дальнейшей либерализации торговли в АТР – как за счет расширения ТСЭП, так и в рамках создания новых форматов международного сотрудничества – именно поэтому участники соглашения вставили в название соглашения мало соответствующее реальным масштабам договора слово «стратегическое».

Подключение США, объявленное администрацией Буша-младшего в последний год своего пребывания у власти, добавило ТСЭП (трансформировавшемуся после присоединения США в Транстихоокеанское

[121]Тамже
[122] See: *Green M., Gill B.*Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community. Columbia University Press. 2009.
[123] Trans-Pacific Strategic and Economic Partnership. Tex of the Agreement. New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.mfat.govt.nz/downloads/trade-agreement/transpacific/main-agreement.pdfДата обращения: (20.12.16).

партнерство – ТТП) достаточно экономического веса, политических и финансовых ресурсов для превращения изначально небольшого объединения четырех далеко не самых крупных экономик АТР во флагманский проект азиатско-тихоокеанского регионализма. Однако, в 2008-2009 гг. в условиях смены администраций в Белом доме, данная инициатива некоторое время оставалась в «подвисшем состоянии», без дальнейшего практического развития: уходящая администрация Буша-младшего не рассчитывала успеть заключить соглашение, а новой команде требовалось некоторое время на то, чтобы разобраться в ситуации в регионе[124]. Тем, не менее, администрация Буша-младшего создала институциональную площадку для преемников, дальнейшее развитие и наполнение конкретным содержанием которой оставалось уже за следующей командой.

Таким образом, во второй половине 2000-х администрация Буша-младшего предприняла ряд мер с целью укрепить «просевшее» американское лидерство как в сфере формирования экономической повестки, так и в плане сохранения центральной роли США в региональной экономической системе. Однако, эти попытки не носили системного характера и в ходе их продвижения наблюдался дефицит как экономических и дипломатических ресурсов, так и внимания со стороны американского руководства, по-прежнему занятого Ближним Востоком, в частности кампанией в Ираке, где как раз на период 2007-2008 гг. пришлось новое ожесточение боевых действий[125].

В целом, тихоокеанская политика предшественников Обамы, несмотря на некоторые тактические успехи, не способствовала долгосрочному укреплению американских позиций в АТР. Указанные в предыдущей главе проблемы: 1) несоответствие «закрытой» региональной архитектуры безопасности и «открытой» институциональной организации экономического порядка; 2) дрейф многих стран в сторону сотрудничества в рамках более

[124]*Bremer J.* Obama is in Asia, but Where is His Foreign Policy? // Foreign Policy. November 11. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://foreignpolicy.com/2010/11/11/obamas-in-asia-but-wheres-his-foreign-policy/Дата обращения: (20.12.16).
[125]*Гейтс Р.* Долг. Мемуары министра войны. М. 2015. С. 433

узких региональных форматов и ослабление заинтересованности в АТЭС и любых других форматах, охватывающих весь АТР; 3) наконец, наблюдавшийся в течение всех 90-х, а позднее (и в особенности) – в 2000-х гг. сдвиг в региональном балансе сил в пользу новых держав, подрывающий основы постбиполярного порядка в АТР, – оказались вне основной повестки Вашингтона вплоть до конца 2000-х гг.

Первые две администрации, правившие Белым домом после окончания «холодной войны», не только не смогли дать адекватный ответ на комплекс этих противоречий, но во многом способствовали их усилению, включая и рост стратегического влияния КНР [126]. Пришедшая в 2009 г. новая демократическая администрация получила непростое внешнеполитическое наследие, причем по масштабам структурных проблем и с учетом растущей важности АТР, вызовы со стороны этого региона были никак не меньше, чем на «провалившемся» Ближнем Востоке.

2.2. Становление Транстихоокеанского партнерства как элемента политики администрации Обамы в АТР

Дальнейшая судьба проекта ТТП во многом зависела от того, какое место этот инструмент займет во внешнеполитической стратегии демократической администрации. К моменту прихода к власти администрации Обамы, на фоне последствий ряда внешнеполитических провалов команды предшественников и разворачивающегося финансово-экономического кризиса, в американских экспертно-политических кругах началась широкая дискуссия о переосмыслении американской глобальной стратегии в контексте которой мыслился и вопрос обновления политики США в АТР и мире. «Международная система, – указывалось в публичном докладе Совета по разведке США в 2008 г., незадолго смены администрации Белого дома – станет почти неузнаваемой к 2025 г. в силу возвышения новых

[126] See: *Wortzel L.M.* The Dragon Extends Its Reach: Chinese Military Power Goes Global. Washington DC. Potomac Books, 2013.

центров силы, глобализирующейся экономики, исторического перераспределения богатства и экономической мощи с Запада на Восток и усиливающегося влияния негосударственных акторов»[127]. В том же докладе содержался и призыв к более проактивной политике США на тихоокеанском направлении для того, чтобы купировать вызовы, рождаемые Китаем, Индией и другими возвышающимися державами[128].

В этой связи, структурные изменения в международной системе АТР, регионе наибольшего соприкосновения США и Китая, стали рассматриваться как фактор ослабления не только региональных, но и глобальных позиций США. Внешнеполитическая команда нового президента и ориентированные на нее эксперты четко осознали необходимость выработки системной региональной стратегии, которая позволила бы укрепить пошатнувшийся региональный порядок и американскую роль в нем. При этом к 2008-2009 гг. было очевидно, что упор на двусторонние связи с традиционными союзниками, на которые делала ставку администрация Буша-младшего уже не соответствует тем структурным вызовам, реагировать на которые вынужден был Вашингтон. «Если через четыре года или восемь лет США смогут похвастаться только тем, что укрепили двусторонние союзы в Восточной Азии — американской репутации конец»,[129] - мрачно отмечал в 2008 г. известный эксперт по АТР К. Кэмибэлл, вскоре занявший в администрации Обамы должность помощника госсекретаря по Восточной Азии и Тихому океану (2009-2013).

В 2009 г., в ходе экспертной «обкатки» подхода новой администрации к АТР [130] проблема недостаточного участия США в многосторонних

[127] Global Trends 2025.Office of Director of National Intelligence, 2008.[Электронный ресурс]. Режим доступа; http://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/2025_Global_Trends_Final_Report.pdfДата обращения: (20.06.2016)

[128]Ibid.

[129]*Ширяев Б.А.*Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы.СПб. 2012. С. 24.

[130] See: *Manning R. Feigenbaum E.* The United States in the New Asia // Council for Foreign Relations. CouncilSpecialReport. [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/united-states-new-asia/p20446Дата обращения: (20.12.16); *CossaR.* (ed.). The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration // Center for Strategic and International Studies. February 2009. [Электронныйресурс]. Режимдоступа:

форматах и развитии региональной институциональной среды стала одной из важнейших, на которую указывали представители научных и аналитических кругов. В составленном под руководством президента тихоокеанского форума Центра стратегических и международных исследований Р. Косса докладе «США и азиатско-тихоокеанский регион: стратегия безопасности для администрации Обамы»[131] (2009 г.) бурное строительство региональной институциональной среды рассматривалось как один из ключевых вызовов американскому лидерству.

При этом авторы, по сути, указывали на складывающийся разрыв между региональным экономическим порядком, где институциональное участие США все более снижалось, и по-прежнему американоцентричным региональным порядком безопасности как на один из главных факторов подрыва региональной стабильности. В докладе заявлялось, что для преодоления этого разрыва «Соединенные Штаты должны инвестировать дипломатический капитал в противодействие сложившемуся восприятию американской невовлеченности в многосторонние институты Азии». В этой связи авторы аналитического документа рекомендовали следующей администрации предпринять усилия, чтобы «многосторонние инициативы, включая формат США-АСЕАН и предложенная ЗСТ на базе АТЭС были обновлены и расширены»[132].

В докладе другой влиятельной «фабрики мысли», Совета по внешней политике «Соединенные Штаты в новой Азии» [133] - не менее объемном документе, претендующем на выработку комплексной стратегии США в АТР – вопрос о «перезагрузке» американского участия в многосторонних форматах экономического сотрудничества занял еще большее место в рамках

---

http://csis.org/files/media/csis/pubs/issuesinsights_v09n01.pdfДатаобращения: (20.12.16); *Hachigian N., Sutphen M.* The Next American Century: How the US Can Thrive as Other Powers Rise. NY. Simon and Schuster. 2008.

[131]*Cossa R.* (ed.). The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration // Center for Strategic and International Studies. February 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://csis.org/files/media/csis/pubs/issuesinsights_v09n01.pdfДата обращения: (20.12.16).

[132]Ibid

[133]*Manning R. Feigenbaum E.*The United States in the New Asia // Council for Foreign Relations. CouncilSpecialReport. [Электронный ресурс]. Режим доступа:: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/united-states-new-asia/p20446Дата обращения: (20.12.16).

предлагаемой авторами новой региональной повестки. «Азиатские страны серьезно относятся к выстраиванию региональной архитектуры и рассматривают многосторонние институты и соглашения как критически важные для развития их региона», - с озабоченностью указывали авторы доклада. - «Соединенные Штаты должны предложить странам Азии сформировать более эффективную архитектуру – которая в будущем будет способствовать защите их интересов в регионе»[134].

Эксперты Совета по внешней политике напрямую указывали, что «некоторые многосторонние институты, которые не включают Соединенные Штаты, стали источником экономических и финансовых трендов, которые способствуют ослаблению конкурентоспособности американских фирм и действуют во вред американским целям. Некоторые преференцированные торговые и финансовые соглашения, равно как и региональные правила регулирования и стандарты, угрожают интересам США»[135]. Неучастие США в выработке правил регулирования и стандартов, сместившейся с глобального уровня, на региональный и субрегиональный, зачастую минуя АТЭС, рассматривалось как один из наиболее серьезных вызовов, способных подорвать американское лидерство в регионе и выгодный для США международный экономический порядок.

Показательно, что к увеличению вовлеченности США в формирование региональной институциональной среды в 2008-2009 гг. призывали «фабрики мысли», ориентированные как на республиканский, так и на демократический истеблишмент (хотя рекомендации различались в деталях и предлагаемом инструментарии)[136]. С учетом того, что за последние годы

[134]Ibid
[135] Ibid
[136]Например, см: *Blumenthal D.* The Erosion of US Power in Asia // American Enterprise Institute for Public Research. [Электронныйресурс]. Режимдоступа: http://www.aei.org/publication/the-erosion-of-u-s-power-in-asia/Датаобращения(20.12.16) ; *Schmitt G.*A Road Map for Asian-Pacific Security // American Enterprise Institute for Public Research. [Электронныйресурс]. Режимдоступа:http://www.aei.org/wp-content/uploads/2011/10/A%20Road%20Map%20for%20Asia%20Pacificpdf.pdfДатаобращения(20.12.16).; Hu R. Building Asia-Pacific Regional Architecture: The Challenge of Hybrid Regionalism // Brooking Institute. July 29, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.brookings.edu/research/building-asia-pacific-regional-architecture-the-challenge-of-hybrid-regionalism/Дата обращения(20.12.16).

внимание к развитию институциональной архитектуры АТР только усилилось, это позволяло говорить о том, что нынешняя активная политика в регионе и общая приоритетность тихоокеанского направления внешней политики США в качестве ключевого, будут продолжены вне зависимости от партийных принадлежностей последующих администраций. Главным образом – в силу того, что эволюция АТЭС и региональной институциональной архитектуры является объективным процессом, формирующим объективную же необходимость для стран-участников объединения двигаться в сторону региональной интеграции[137].

На фоне этих призывов к более активной вовлеченности в дела АТР и в частности – строительству региональной архитектуры международного сотрудничества, администрация Обамы начала энергичное наращивание своего дипломатического присутствия в АТР[138]. Так, первая встреча Б. Обамы с председателем КНР Ху Цзиньтао состоялась уже в апреле 2009 г[139]. спустя считанные недели после инаугурации американского президента, а в ноябре 2009 г. КНР стала одним из первых азиатских государств, которые Б. Обама посетил в ходе своего первого азиатского турне (включавшего Японию, Сингапур, Китай и Республику Корею) – при этом визит в Пекин был наиболее длительным по времени и длился три дня (показательно, что в столице ближайшего союзника – Японии – американский лидер пробыл менее двух дней (всего же первое «азиатское турне» американского лидера длилось 8 дней)[140]. Показательно, что встреча с китайским руководителем произошла раньше, чем со многими лидерами ключевых стран-союзников США в регионе. При этом, первая встреча Б. Обамы с действующим лидером

---

[137]*Федоровский А.* Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 40 – 50.

[138]*Братерский М. В., Суслов Д. В.* Возвращение США на Тихий океан // В кн.: Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Отв. ред.: М. В. Братерский; науч. ред.: М. В. Братерский. М. : ИНИОНРАН, 2014. Гл. 1. С. 8-45.

[139]Statement On Bilateral Meeting With President Hu Of China. April 1. 2009. WhiteHouse [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/statement-bilateral-meeting-with-president-hu-chinaДата обращения: (20.12.16).

[140]Obama departs on eight-day Asia trip. November 12, 2009. CNN. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edition.cnn.com/2009/POLITICS/11/12/obama.asia/index.html?iref=24hoursДата обращения: (20.12.16).

Китая – Си Цзинпином произошла уже в феврале 2012 г., спустя несколько месяцев после избрания последнего в качестве нового лидера КПК.

Положительно на динамике «разворота» США в АТР в первый срок пребывания Обамы у власти сказалось и повышение политического уровня управления американской дипломатии в регионе – курирование тихоокеанским направлением фактически лично взяла на себя занявшая пост госсекретаря Х. Клинтон. Уже в феврале 2009 г. госсекретарь Клинтон отправилась в первый «восточный тур», посетив Японию, Южную Корею, Индонезию и Китай (таким образом, подготовка этих визитов проходила еще в период транзита власти, осенью-зимой 2008-2009 гг., что говорит о необычайной спешке и стремлении новой администрации продемонстрировать странам региона внешнеполитические приоритеты США). Вплоть до своего ухода с поста главы американского внешнеполитического ведомства Клинтон совершила более 10 визитов в страны АТР. Не менее двух раз в год в период первой администрации Обамы поездки в регион совершал и министр обороны[141].

Резкая активизация американской дипломатии в регионе по продвижению инициативы ТТП укладывалась и в новую глобальную стратегию США, в гораздо большей степени привязанной к фактору новых центров силы, прежде всего КНР[142]. В стратегии национальной безопасности новой администрации (2010), помимо традиционных приоритетов: укрепление обороны, обеспечение условий для экономического развития и защиты демократических ценностей, указывалось на необходимость укреплять «возглавляемый США международный порядок, направленный на совместную борьбу с новыми вызовами»[143]. Необходимость способствовать реформе и укреплению американоцентричного глобального порядка, сильно

[141]*Ширяев Б.А.*Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы.СПб. 2012. С. 23.
[142]*Badar J.*Obama and China's Rise: An Insider's Account of America's Asia Strategy. Brookings Institution Press. 2013. P. 171.
[143]National Security Strategy 2010 // White House [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdfДата обращения: (20.12.16).

пошатнувшегося вследствие экономического кризиса и неудачных американских кампаний в Афганистане и Ираке, как центральная задача внешней политики Обамы, во многом определила и региональные приоритеты США. В АТР при этом международный порядок в силу исторических причин во многом строился вокруг экономики, а значит требовал решительных инициатив именно в этой области.

Процесс концептуализации и становления ТТП как инструмента укрепления экономического порядка занял некоторое время. В качестве одного из элементов политики «разворота» в Азию ТТП было вписано уже в ноябре 2009 г., в программной речи Б. Обамы в Токио во время официального визита в Японию[144]. В ходе своей речи американский лидер обозначил основные параметры «разворота» США в Азию. Так, было сразу отмечено, что США будут одновременно «укреплять старые альянсы и строить новые партнерства», двигаясь тем самым по обоим этим трекам параллельно, т.е. стремиться вовлекать усиливающиеся державы Азии в американоцентричную систему отношений. В частности, было озвучено желание Вашингтона создавать новые форматы сотрудничества с Китаем, а в качестве базового подхода провозглашалась стратегия вовлечения КНР в глобальный и региональный международный порядок.

Важным компонентом американского «разворота» в Азию были названы и инициативы по преобразованию регионального режима торговли: заключение ЗСТ с Южной Корее и ТТП[145]. Обе инициативы администрация Обамы унаследовала от предшественника: ТТП, как уже говорилось выше, «вызрело» из проекта ТСЭП еще в 2008 г., а соглашение о ЗСТ с одним из ближайших американских союзников в АТР тогда же было и вовсе заключено (пришедшие к власти демократы однако вновь вернули соглашение на доработку). Однако, развернутого пояснения роль торговых инициатив в программной речи американского президента не получила (ТТП

[144] Remarks by President Obama in Santury Hall // White House. November 14. 2009. [Электронный ресурс].Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hallДата обращения: (20.12.16).
[145]Ibid

в речи упоминалась лишь однажды, скорее в качестве дополняющей инициативы, а не ключевой). Что говорит о том, что в полной мере потенциал и реальная роль этой инициативы в общей стратегии «разворота» США еще не была осознана.

Концептуальное и дипломатическое развитие озвученных президентом тезисов взяла на себя лично госсекретарь США. Проявлявшая с самого начала огромную политическую активность в АТР Х. Клинтон по сути взяла на себя роль основного выразителя официального нарратива нового подхода США к АТР, увязывая разные аспекты американской вовлеченности в региональные дела в единую комплексную стратегию [146] . В качестве своеобразной площадки для изложения основных тезисов американского «разворота» в Азию была избрана столица Гавайев г. Гонолулу. В этом городе прошло три программных выступления Х. Клинтон по ключевым вопросам развития международных отношений в АТР и американской роли в них: в январе и октябре 2010 г. и в ноябре 2011 г., на саммите АТЭС.

Уже первая «гонолульская» речь в январе 2010 г. была посвящена американскому видению будущей институциональной архитектуры АТР, что подчеркивало большое внимание Вашингтона к этому вопросу – во многом незаслуженно игнорируемому предшественниками. Глава внешнеполитического ведомства США обозначила три основных принципа будущего развития региональных международных институтов, которые так или иначе подводили к необходимости кардинального обновления регионального режима торговли.

Во-первых, Х. Клинтон сразу, что называется «с порога» обозначила, что «американские двусторонние альянсы являются краеугольным камнем вовлеченности США», отметив при этом, что «союзы Соединенных Штатов с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами и Таиландом остаются одними из самых успешных двусторонних стратегических партнерств в

[146] *Ширяев Б.А.* Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы. СПб. 2012. С. 28.

современной истории» [147] . Таким образом, строительство региональной архитектуры международного сотрудничества предлагалось по сути встраивать в систему традиционных американоцентричных альянсов (а не наоборот). Тем самым противоречие между «закрытым» порядком безопасности и «открытым» и теряющим американоцетричный характер экономическим порядком предполагалось разрешить за счет «подтягивания» последнего и укрепления американского лидерства в формировании экономической повестки в АТР. В этом отношении команда Обамы следовала в том же фарватере, который в последние годы своего пребывания у власти начала нащупывать республиканская администрация.

Во-вторых, были определены три измерения, на которых Вашингтон предложил строить региональную архитектуру XXI в. Эти измерения включали в себя традиционные безопасность, экономическое сотрудничество и развитие и «защиту демократии и прав человека»[148]. Последний компонент вплетался как в военно-политическую (основанные на ценностях союзы), так и в торгово-экономическую повестку, что особенно раздражало многих азиатских лидеров, делающих ставку на деполитизацию вопросов развития[149]. Тем не менее, продвижение, в той или ной форме, т.н. «третьей корзины» во все региональные форматы многостороннего сотрудничества при демократической администрации лишь усилилось[150]. Характерным было упоминание Х. Клинтон в ходе своей речи создания в АСЕАН международной комиссии по правам человека как одного из наиболее важных достижений организации последних лет и обещания американской поддержки демократических институтов в том числе через партнерство

[147]Clinton's Remarks on Regional Architecture in Asia, January 2010 // Council on Foreign Relations. January 12,2010. [Электронный ресурс].Режим доступа:http://www.cfr.org/asia-and-pacific/clintons-remarks-regional-architecture-asia-january-2010/p21218Дата обращения: (20.12.16).
[148]Ibid.
[149]*Канаев Е.А.* ТТП и РВЭП в системе экономического регионализма АТР/ В сборнике: *Ж.В. Петрунина, Е.А. Канаев, Д.В. Киба.* Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС. Комсомольск-на-Амуре., 2013.
[150]*Ширяев Б.А.*Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы.СПб. 2012. С. 28.

США-АСЕАН [151] . Сильное ценностное измерение присутствовало и в предложенном несколькими месяцами позже первом проекте соглашения о ТТП: как показали последующие «утечки» Вашингтон с самого начала занял жесткую позицию по продвижению радикальных требований в области защиты меньшинств, либерализации трудового законодательства, ограничения государственного контроля над предприятиями[152]. Фактически, «перезагрузка» экономического порядка через обновление режима международной торговли оказалась удобным инструментом для поддержки нормативно-ценностной экспансии США в регионе.

В-третьих, была подвергнута критике смешанная и многослойная система региональных организаций, дающая т.н. эффект «тарелки лапши». Глава американского внешнеполитического ведомства отметила, что региону необходимы «организации, которые генерируют результат, а не новые организации» [153] . Подспудно подразумевалось, что таковыми, ориентированными на результат, являются американские инициативы, вокруг которых и должна складываться региональная архитектура. Многочисленные, наслоенные друг на друга форматы многостороннего сотрудничества, сложившиеся за предыдущие полтора десятилетия, должны были в соответствии с этой логикой либо быть абсорбированы в американоцентричный институциональный порядок, либо их политическая роль должна была быть кардинально занижена. Учитывая, что большая часть многосторонних форматов, как специализированных, так и претендующих на универсальность, так или иначе строились вокруг повестки развития, унификация правил международной экономической деятельности представлялась удобным инструментом для преодоления эффекта «тарелки

[151]Тамже.
[152]Second Release of Secret Trans-Pacific Partnership Agreement documents // WikiLeaks. December 9, 2013. [Электронный ресурс].Режим доступа: https://wikileaks.org/Second-release-of-secret-Trans.htmlДата обращения: (20.12.16).
[153]Clinton's Remarks on Regional Architecture in Asia, January 2010 // Council on Foreign Relations. January 12, 2010. [Электронный ресурс].Режим доступа: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/clintons-remarks-regional-architecture-asia-january-2010/p21218Дата обращения: (20.12.16).

лапши» и консолидации региона вокруг американской повестки и продвигаемых ее институтов.

Установка на формирование мощной институциональной архитектуры экономического сотрудничества во главе с США была усилена в известной речи на саммите АТЭС в ноябре 2011 г., озаглавленной как «Американский тихоокеанский век». «Подобно тому, как США играли центральную роль в создании архитектуры трансатлантического сотрудничества, – заявила госсекретарь США Х. Клинтон, – мы теперь стремимся к тому же в Тихоокеанском регионе. XXI век будет американским тихоокеанским веком, периодом беспрецедентного расширения сотрудничества и партнерства в этом динамичном, сложном и важном регионе»[154]. Под беспрецедентным расширением партнерства Х. Клинтон имела в виду в том числе создание институциональной инфраструктуры, которая опоясывала бы Тихоокеанский бассейн, формируя прочную связку между Северной Америкой и странами Азии. «Следующее десятилетие пройдет под знаком резкого увеличения инвестиций — дипломатических, экономических, стратегических — в Азиатско-Тихоокеанский регион»[155] - заключила госсекретарь.

Суммируя озвученные региональные приоритеты США, можно выделить следующие три принципиальные цели американской стратегии в АТР: 1) укрепление и адаптация отношений с традиционными союзниками к новым вызовам международной среды; 2) выработка нового подхода к «укрепляющимся державам», ориентированного на их включение американоцентричный международный порядок и 3) реакция на развитие многосторонних институтов на Тихом океане[156]. Действия по решению этих проблем, как указывалось выше, расслаивались на три ключевые плоскости: безопасность, экономику и политико-ценностное измерение, т.е.

[154]Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. America's Pacific Century. Remarks. Honolulu, HI, November 10, 2011. // U.S. Department of State [Электронныйресурс]. Режим доступа:http://www.state.gov/secretary/rm/2011/11/176999.html Дата обращения: (20.12.16)
[155]Ibid.
[156]*Ширяев Б.А.*Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы&СПб. 2012. С. 28.-30

продвижение демократических ценностей и институтов, защита прав человека (см. ниже):

Таблица 2. Региональные приоритеты США в АТР

Измерение	Общие задачи	Традиционные союзники	«Укрепляющиеся державы»	Многосторонние институты
Безопасность	Укрепление роли США в региональной архитектуре безопасности, сохранение традиционных двусторонних союзов как опоры американского присутствия в системах безопасности Восточной и Юго-Восточной Азии	Институциональное и материальное упрочнение оборонных альянсов с традиционными союзниками, повышение их защищенности от внешних угроз	Вовлечение в американоцентричную систему безопасности / сдерживание в случае невозможности. Недопущение или купирование конвертации экономического потенциала «растущих» держав в политическое влияние	Недопущение фрагментации архитектуры безопасности на Тихом океане через усиление многосторонних институтов без, либо со слабым американским участием (такие как ВАС).
Экономика	Использование экономической динамики АТР для собственного экономического развития при одновременном ужесточении контроля за проходящими в регионе экономическими процессами	Укрепление экономической взаимозависимости между США и их ключевыми союзниками	Вовлечение Китая, других «растущих» держав в либеральный экономический порядок	Унификация и кодификация правил международной экономической деятельности в регионе, институционализация регионального экономического порядка в на базе американоцентричной архитектуры торговли
Демократия и права человека	Продвижение демократических изменений в регионе, посредством экспорта демократических ценностей и институтов	Содействие демократическому развитию, укрепление институциональных и ценностных связок в рамках традиционных альянсов	Содействие (по возможности) демократическим процессам внутри «новых»	Усиление «третьей корзины» в региональных форматах многостороннего сотрудничества

В общей канве целей американского «разворота» в Азию повышенное внимание Вашингтона к региональной институциональной среде (именно ее развитию Х. Клинтон посчитала нужным посвятить свою первую «гонолульскую» речь) не случайно. Преобразование региональной архитектуры экономического сотрудничества быстро заняло ключевую роль в стратегии американского «разворота в Азию», что выражалось не только в

активизации институционального строительства, но и наращивании присутствия в азиацентричных многосторонних форматах, которые администрация Буша-младшего де-факто игнорировала[157].

Статус ТТП как одного из главных инструментов американской политики на глобальном и региональном уровнях был закреплен в стратегии национальной безопасности США, опубликованной в феврале 2015 г. В этом документе, уточнившем доктринальные основы внешней политики администрации Обамы на последние два года ее пребывания у власти указывалось, что с помощью ТТП и ТТИП (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство) «устанавливают высочайшие мировые стандарты в сфере трудовых прав и защиты окружающей среду, одновременно ликвидируя барьеры для американского экспорта и ставя США в центр зоны свободной торговли, включающей две трети мировой экономики»[158]. При этом в стратегии указывалось, что целью новых мега-региональных соглашений является превращение США в «конкурентоспособную производственную площадку и импортера инвестиций», что должно было не только сделать Вашингтон главным архитектором международных институтов, но и усилить экономический потенциал США[159].

Одной из главных политических предпосылок активизации США в борьбе за доминирование в определении торгово-институциональной повестки в АТР стала обозначенная, опять же, уже администрацией Буша-младшего, но в полной мере осознанная уже командой Б. Обамы проблема институционального вакуума в регионе, активно заполняемого форматами, в которых США не имели существенных рычагов влияния, и кризис доверия к АТЭС и американскому лидерству как таковому (по меньшей степени в

[157]*Sutter R.* The Obama Administration and US Policy in Asia // Contemporary Southeast Asia. Vol. 31, No. 2 (August 2009), pp. 189-216

[158]United States National Security Strategy, 2015 // National Security Strategy Archive. February 2015. P. 17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/Дата обращения: (20.12.16)

[159]*Ibid.*

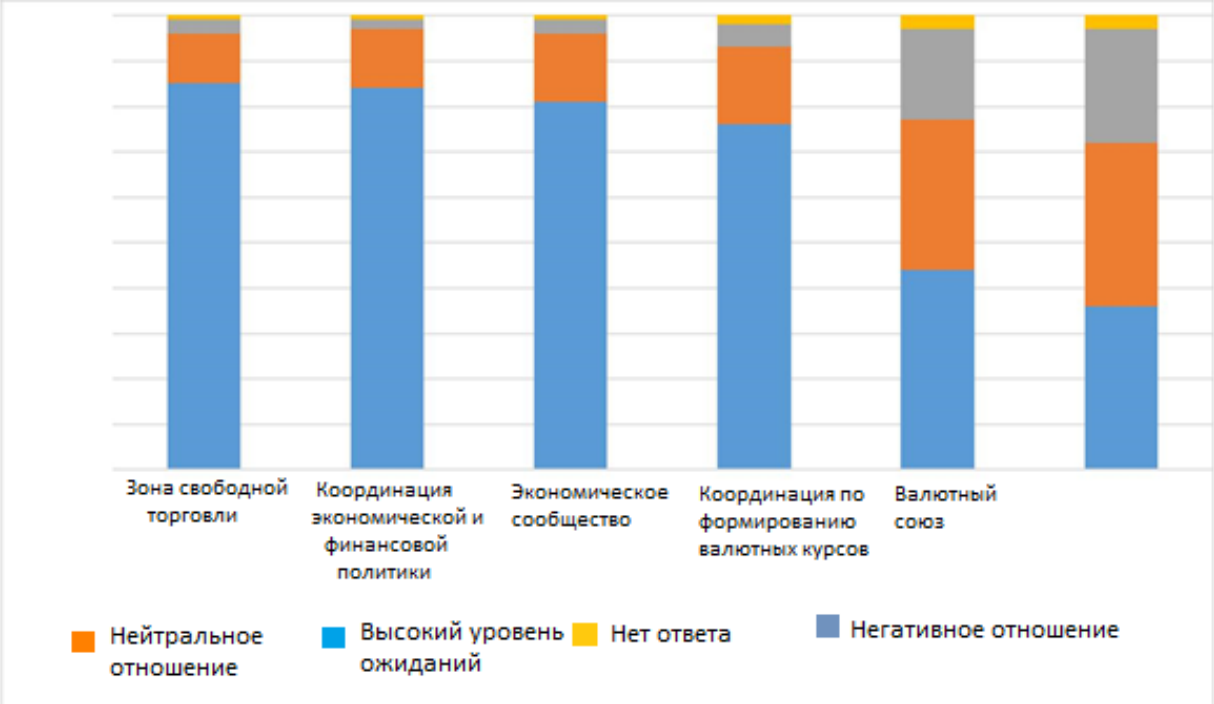
области экономического развития) в целом. Попытка администрации Обамы нарастить свое присутствие в новых, созданных без участия Вашингтона, региональных форматах лишь убедило американское руководство в бесперспективности использования этих площадок как опорных конструкций американоцентричного экономического порядка в регионе. При этом, вопрос о дальнейшем развитии региональных институтов международного экономического сотрудничества был и остается одним из наиболее актуальных в международной политике АТР.

Предлагая проект ТТП как свою флагманскую экономико-институциональную инициативу в АТР, США во многом опирались на объективный запрос в заполнении институционального вакуума в сфере международной торговли, как сферы, в наибольшей степени нуждавшейся в регулирующих «правилах игры». Как уже указывалось выше, создание таких правил в условиях стагнации АТЭС сместилось на уровень двусторонних соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ). Это, однако, не могло удовлетворить транснациональный бизнес, нуждающийся в унифицированных, а значит более удобных правилах торговой и инвестиционной деятельности.

О высоких ожиданиях более унифицированного и современного экономического порядка в регионе свидетельствуют социологические исследования. Проведенный по заказу Азиатского банка развития в 2010 г. анализ ожиданий бизнес- и экспертных элит относительно совершенствования институциональной архитектуры АТР [160], показал высокий запрос на создание региональной ЗСТ, а также форматов многостороннего диалога по макроэкономической и финансовой политике и даже создания экономического сообщества (не приемля, однако, монетарного союза или любых форм наднациональных политических институтов).

[160] *Capanelli G.* Institutions for Economic and Financial Integration in Asia: Trends and Prospects // ADBI Working Paper Series. No. 308. 2011.

График 6. Региональные ожидания относительно совершенствования институциональной архитектуры в АТР



Источник: Азиатский банк развития

Как видно, в регионе, несмотря на негативные последствия глобального финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. наблюдались высокие ожидания по развитию институтов экономического сотрудничества, вплоть до создания той или иной формы экономического сообщества на базе АТЭС. Неприятие вызывало только создание валютного и политического союзов [161]. При этом, «недоинституционализированность» регионального экономического порядка стала остро ощущаться еще с конца 90-х, когда многосторонние диалоговые форматы продемонстрировали свою неэффективность в плане обсуждения и выработки мер по противодействию азиатскому кризису 1997-1998 гг., а институтов регулирования не существовало вовсе (за исключением некоторых, ограниченных механизмов в рамках АСЕАН) [162]. В этой связи предложение США по радикальной реформе международного торгового режима в АТР через ТТП позволило

[161] Ibid.
[162] See: *Gilpin R., Gilpin J.* Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press, 2011.

Вашингтону «вернуться» в регион через ту область, в которой наблюдался наибольший спрос на перемены и на лидерство в проведении этих перемен.

Однако мере того, как администрация Обамы формулировала философию своей тихоокеанской политики, становилось ясно, что ТТП рассматривается как более комплексный инструмент, нежели просто попытка «перебить» другие институциональные форматы. Преобразование региональной архитектуры торговли задумывалось и как инструмент реализации целей американской политики и на двух других направлениях «разворота» США в Азию: отношениях Вашингтона с «укрепляющимися державами» и связях с традиционными союзниками.

С одной стороны проект ТТП был призван играть важную роль при решении американских задач в АТР. Как инструмент укрепления связей союзниками торговое объединение должно способствовать обеспечению и американской национальной безопасности. В то же время как инструмент нормативной экспансии, ТТП должен был способствовать и распространению американских ценностей. Таким образом, инициатива создания торгового блока стала постепенно позиционироваться как универсальный ответ на структурные вызовы, способный обеспечить и экономические, и стратегические интересы США в меняющейся международной среде[163]. Это обусловило скорое повышение значения ТТП в американском «развороте в Азию».

С другой – ТТП стал рассматриваться и как важная инициатива, имеющая большое внерегиональное значение в контексте преобразования глобального режима торговли[164]. Для США и ряда других развитых стран эта проблема в течение 2000-х приобретала все более насущное значение.

Во-первых, продвижение инициативы по реформе режима региональной торговли в бассейне Тихого океана, стало рассматриваться как

[163]*Fergusson I., McMinimy M., Williams B.* The Trans-Pacific Partnership (TPP) Negotiations and Issues for Congress // United States Department of State. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://photos.state.gov/libraries/vietnam/8621/pdf-forms/tpp-crsreport032015.pdfДата обращения: (20.12.16)
[164]*Lim C.L., Eims D.K., Low P.* The Trans-Pacific Partnership: A Quest for a Twenty-first Century Trade Agreement. CambridgeUniversityPress. 2012;

оптимальная реакция на затухание основанной на универсальных институтах глобального управления «глобализации 90-х». Одним из последствий этих изменений как раз и стал рост значения региональных институциональных форматов [165] . Для США проблема реформирования глобальных и региональных торговых режимов имела и имеет особое значение, по меньшей мере в силу того, что они солировали в этих процессах со времени создания ГАТТ, впоследствии трансформированной в ВТО.

На практике это выражается в стагнации продвигаемой Вашингтоном дальнейшей реформы международного режима торговли на глобальном уровне, что вынуждает США искать выход из сложившейся ситуации. К середине 2000-х стал очевиден провал Дохийского раунда переговоров по ВТО, похоронивший надежды на дальнейшее преобразование глобальной торговой системы и соответственно определяло переход к более гибким региональным форматам [166] . В условиях стагнации ВТО, дальнейшее преобразование режима международной торговли стало переходить на двусторонний (увеличение количества двусторонних ЗСТ) и региональный уровни. Последний тренд особенно ярко выражался в активизации с середины 2000-х развития региональных инициатив, правил международной экономической деятельности в рамках интеграционных групп развивающихся государств (АСЕАН, Меркосур, ЕАЭС, др.).

Надо сказать, что перенос экономической либерализации на двусторонний уровень вынуждены были в 2000-е совершить и США. С этой точки зрения инициативу ТТП нельзя отделять от другого крупного институционального проекта – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП), которое было призвано способствовать геоэкономическому укреплению трансатлантических связей и консолидации европейских союзников вокруг США. Появление двух крупных, похожих по структуре и целей институциональных проектов

[165] *Портанский А.В.* Мегарегиональный вызов // Россия в глобальной политике. 14 января 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Megaregionalnyi-vyzov-17936 Дата обращения: (20.12.16).

[166] *Glibb R., Mirchalak W.* in the World Economy // Area. Vol. 28, No. 4 (Dec., 1996), pp. 446-458.

демонстрирует переход США в период администрации Обамы от неинституционализированного лидерства, к стремлению выстроить более жесткую структурную основу либерального экономического порядка[167]. На тихоокеанском направлении контуры этого процесса обозначились еще при администрации Буша-младшего. С 2000 по 2012 г. Вашингтон заключил со странами АТР 6 соглашений о ЗСТ (в 90-е единственным региональным соглашением о ЗСТ было НАФТА)[168]. Эта договорная инфраструктура во многом и стала основой для ТТП (с учетом НАФТА, у США к моменту начала переговоров были заключены соглашения о ЗСТ в 6 партнерами по проекту из 11).

При этом стагнация реформы глобального торгового режима как раз и стимулировала процесс регионализма в Азии и мире. В АТР это привело к созданию многочисленных политико-институциональных платформ, прямо или косвенно способствующих фрагментации региона – что, как показано в предыдущей главе, объективно противоречит интересам США. Инициируя проект соглашения о ЗСТ на базе АТЭС, Вашингтон уже тогда демонстрировал желание поставить региональные торгово-экономические связи под один институциональный зонтик. К концу 2000-х ЗСТ на базе АТЭС стало способом найти выход из тупика, в который вошел переговорный процесс в рамках Дохийского раунда реформы ВТО, переключившись с глобального, на региональный уровень развития архитектуры международной торговли, и одновременно – перехватить упущенную в 2000-е инициативу в области институционального строительства в АТР. «В то время как азиатские страны продолжают интегрироваться в глобальное сообщество и азиатские лидеры фокусируются на экономическом росте, Соединенные Штаты должны продолжать способствовать дальнейшему снижению торговых и инвестиционных барьеров, – объяснял мотивы Белого дома Д. Негропонте в апреле 2008 г. –

[167] *Новиков Д.П.,* Чернявская К.И. Роль и место Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства в европейской политике США // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 107-126.
[168] *Dent C.* Bilateral free trade agreements: boon or bane for regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? // *European Journal of East Asian Studies.* Vol. 4, No. 2 (2005), pp. 287-314.

Именно поэтому Президент Буш выдвинул инициативу создания зоны свободной торговли в пространстве всего АТР» [169] . Однако, при администрации Буша-младшего этот подход не нашел реального воплощения, оставшись на уровне инициатив (реформа торгового режима в рамках АТЭС, присоединение к ТСЭП и начала консультаций по ТТП).

Фактический переход от усилий на уровне АТЭС к реализации идеи ЗСТ в более узком формате, на базе ТСЭП изначально отнюдь не противоречил конечной цели по формированию связки тихоокеанское ЗСТ – глобальная реформа ВТО. В течение 2008 г., когда США уже декларировали свое присоединение к ТСЭП и его трансформацию в ТТП, ключевые чиновники администрации, ответственные за тихоокеанское направление, продолжали говорить об АТЭС как ключевой площадке, на базе которой должна в перспективе строиться архитектура региональной, а во многом и глобальной торговли. Так, американская представительница в АТЭС П. Хаслак в ноябре 2008 г. заявляла, что «Соединенные Штаты обозначили свое видение региональной экономической интеграции, которая должна развиваться вокруг АТЭС, что включает в себя перспективу создания ЗСТ в рамках АТР. Мы рассматриваем АТЭС как ключевой инструмент экономического вовлечения нашей страны в азиатско-тихоокеанское пространство»[170].

При этом представительница США добавляла, что «АТЭС оказывал и будет продолжать оказывать сильную и уверенную поддержку переговорам в рамках Дохийского раунда»[171]. Упоминание в 2008 г. провалившегося еще три года назад и так по сути не вернувшегося к жизни Дохийского раунда переговоров показательно с точки зрения сохранившегося в Вашингтоне при республиканцах стремления продолжить реформу глобального торгового режима, несмотря на неудачу. Инициирующая начало переговоров по ТТП

[169] *Negroponte J.* Speech at U.S.-Asia Pacific Council. April 11. 2008. // Department of State. [Электронныйресурс]. Режимдоступа: https://2001-2009.state.gov/s/d/2008/103464.htm
[170] *Haslach P.*Preview of US Priorities for APEC // United States Department of State. [Электронный ресурс].Режим доступа: http://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2008/11/111760.htmДата обращения: (20.12.16).
[171] Ibid.

администрация Б. Обамы уже фактически полностью отошла от политической привязки региональной инициативы к Дохийскому раунду, но по-прежнему позиционировала соглашение между половиной стран АТЭС как первый шаг к ЗСТ между всеми участниками форума. Смещая фокус внимания на ТТП и выдвигая его как флагманскую инициативу экономического разворота США в Азию, администрация Обамы по большому счету отказывалась от этого подхода, не цепляясь уже не только за реформу ВТО, но по сути временно отказываясь и от каких-либо преобразований АТЭС (но имея в виду этот формат как площадку продвижения своих инициатив).

Во-вторых, необходимость обновления регионального режима международной торговли имело объективные экономические предпосылки, которые концу 2000-х осознавались всеми региональными акторами, в том числе и США. К моменту провала Дохийского раунда переговоров о реформе ВТО уже вполне очевидным стало устаревание принятых за десятилетие до этого правил мировой торговли в связи с произошедшими в мировой экономике глубокими технологическими и институциональными изменениями. На момент прихода администрации Обамы к власти потребность в развитии нормативной базы международной торговли стала насущной.

Развитие технологий привело как к формированию новых, так и к принципиальному изменению «старых» рынков, имеющих критически важное значение для дальнейшего глобального экономического развития, но при этом в результате слишком быстрого развития испытывающих недостаток правового и институционального регулирования. К таким «недорегулированным» областям следует отнести электронную торговлю (как товарами потребления, так и ценными бумагами и иными финансовыми продуктами), рынок интеллектуальных прав, растущие рынки «виртуальной»

торговли водой и водоемкой продукции[172], рынки высокотехнологичной продукции, организационно-технологическая среда производства которой также существенно усложнилась и требовала обновления институционально-правовой инфраструктуры[173].

В то же время, произошли изменения и в институциональной среде мировой экономики. На фоне «недоинституционализированности» одних областей, в ней появились новые, зачастую слабоунифицированные нормы, напрямую затрагивающие международные торгово-экономические связи и зачастую стимулирующие появление новых отраслей и рынков, но практически никак не отраженные ни в правилах ВТО, ни в значительной части региональных многосторонних и двусторонних соглашений. К таким областям следует отнести развивающиеся стандарты экологического регулирования, в том числе связанные с международными усилиями по борьбе с изменением климата (и стимулирующие инвестиции в зеленые технологии)[174], сферу международного регулирования налогообложения (актуализирующие и усиливающие значение т.н. оффшоров) и др[175]. Эти новые стандарты, приходящие в международную торговлю «из-вне», но определяющие ее динамику, требовали и требуют унификации и интеграции в общие правила международной торгово-экономической деятельности.

Таким образом, осознанной стала необходимость создания более развитых как «вширь» - в плане охвата областей регулирования, - так и «вглубь» - в плане более качественной регламентации правил и норм, – торговых соглашений, выходящих далеко за пределы предлагаемых ВТО институционально-правовых рамок. Несбалансированный характер институтов глобального регулирования международных торгово-

[172] Подробнее: *Лихачева А.Б.* Вода и мир // Россия в глобальной политике. 12.07.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Voda-i-mir-18239Дата обращения: (20.12.16).
[173]*Thackara J.*How to Thrive in the Next Economy: Designing Tomorrow's World Today. NY. Thames & Hudson. 2015; *Rifkin J.* The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. St. Martin's Griffin. 2013.
[174] See: *Clapp J.,Dauvergne P.*Paths to a Green World: The Political Economy of the Global Environment. Boston. MIT Press. 2011.
[175]*Shaxson N.*Treasure Islands: Tax Havens and the Men who Stole the World. Vintage Digital. 2011; *Zarate J.*Treasury's War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare. Public Affairs. 2015. pp . 23-45.

экономических связей на глобальном уровне стал очевиден уже в ходе дискуссии о дальнейшей реформе ВТО в рамках Дохийского раунда. Для США, являющихся главным источником технологических и институциональных изменений мировой экономики, сохранение лидерства в области определения правил регулирования международных экономических отношений остается одним из важнейших столпов глобального лидерства[176]. В этом отношении показательным является, что наряду с продвижением двух макрорегиональных соглашений, США стремятся к заключение глобального отраслевого соглашения по регулированию электронной торговли. Таким образом, ТТП можно рассматривать не как попытку регионализации международного регулирования, сколько как попытку дальнейшего развития глобальных экономических правил через гибкие мега-региональные и отраслевые соглашения[177].

В АТР – самом динамичном с точки зрения экономического роста регионе мира – проблема несбалансированности институциональной среды международных экономических связей имеет еще более важное, даже критическое значение для дальнейшего развития, как в силу упомянутого выше дефицита качественных институтов, так и ввиду той глубины и скоротечности социальных трансформаций, которая наблюдается в регионе на протяжении последних нескольких десятилетий, что подстегивает динамику региональных интеграционных процессов[178]. В этих условиях институционально-политическая фрагментация региона является не только следствием изменений в балансе сил и разочарования в американском лидерстве, но во многом – попытки стран АТР идти вровень с объективными потребностями развития своих национальных экономик. Отсутствие движения вперед по выработки новых ясных правил международной

[176] See: *Nye J.*The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press. 2003; *Miller P.*American Power and Liberal Order: A Conservative Internationalist Grand Strategy. GeorgetownUniversityPress. 2016.

[177] *Перская В.В.*Транстихоокеанское партнерство: вызов для мировой экономики или эволюция интеграции в условиях перехода к многополярности? // Экономические Стратегии. 2015. Т. 17. № 8 (133). С. 26-39

[178] *Панов А.Н.* США и экономические интеграционные процессы в АТР // США. Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 5. С. 15 – 25;

торговли на глобальном уровне и стагнация «широких» форматов (АТЭС, Азиатский банк развития) подталкивали (и продолжают подталкивать) развивающиеся азиатские страны к кооперации в рамках более узких групп. В этих условиях инициатива по обновлению правил тихоокеанской торговли через ТТП отражает стремление удовлетворить объективно существующий спрос на институты, заработав при этом политический капитал и восстановив пошатнувшееся региональное лидерство[179].

В-третьих, активизация усилий США по продвижению региональной ЗСТ в 2008 г. была в немалой степени связана с тяжелой внутриэкономической ситуацией, сложившейся в стране в результате ипотечного кризиса 2007-2008 гг. На протяжении 2008-2009 гг. в США наблюдался экономический спад, к октябрю 2009 г. уровень безработицы в США первысил 10% [180]. Ослабление американской экономики актуализировало проблему поддержки экспортных производств и соответственно наращивания американского экспорта, одним из приоритетов внешней политики. Для внутриполитического рынка ТТП позиционировалось именно как один из рычагов доступа на растущие азиатские рынки и создания новых рабочих мест[181]. При этом, отсутствие соглашение и при самом худшем сценарии – создание РВЭП или другого азиатского соглашения по ЗСТ не просто ослабит торговые позиции США в регионе, но отдаст эти рынки с одной стороны Китаю, с другой – в области высокотехнологичного экспорта – Японии, имеющей ЗСТ и с Китаем, и с АСЕАН. Этот аргумент чиновники администрации использовали и убеждая

[179]*Севастьянов С.* Новые проекты азиатско-тихоокеанской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 1. С. 48 – 54 ;
[180]Labor Force Statistics from the Current Population Survey // United States Department of Labor. BureauofLaborStatistics .[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.bls.gov/timeseries/LNS14000000Дата обращения: (20.12.16)
[181]Trans-pacific partnership // Office of the United States Trade Representative.[Электронный ресурс]. Режимдоступа: https://ustr.gov/tppДатаобращения: (20.12.16)

конгресс в необходимости ратификации соглашения в ходе слушаний в профильных комитетах[182].

Наконец, инициатива по созданию широкого торгового блока в АТР с самого начала имела и стратегическое измерение, как элемент «стратегической ребалансировки» Азии, которая не исключала при этом стратегии вовлечения КНР[183].Хотя команда Буша-младшего справедливо критиковалась за недостаточное внимание к возвышающимся державам и слишком сильный упор на развитие связей с традиционными союзниками, к концу его администрации игнорировать перераспределение сил в пользу новых центров силы было уже затруднительно. Особенно – на фоне позитивной динамики роста китайской экономики (14,2% в 2007 г., 9,6 – в 2008; на фоне скромных 1,8% роста и падения на 0,3% американской экономики в соответствующие периоды)[184].

Продвижение проекта ТТП с его предполагаемым переходом к общерегиональной ЗСТ, продолженное США при Обаме, несмотря на относительно сдержанную реакцию стран региона на эту инициативу, в контексте стратегических соображений преследовало помимо всего прочего цель замедления тех макроэкономических изменений, который возвышали Китай в качестве нового лидера региона. В частности, среди желаемых последствий заключения всеобщего соглашения о ЗСТ в АТР было наращивание экономических связей США со странами ЮВА и традиционными американскими союзниками[185].

При этом, ход проекту был дан не сразу. Как указывалось выше, впервые на высшем уровне о запуске проекта Транстихоокеанского

[182]America as a Pacific Power: Challenges and Opportunities in Asia // US House Committee on Foreign Affairs. Hearingon 04.28.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://foreignaffairs.house.gov/hearing/hearing-america-as-a-pacific-power-challenges-and-opportunities-in-asia/Дата обращения: (20.12.16)

[183]*Труш С.М.* Администрация Обамы и Китай: мотивации и события // США. Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 8. С. 45 – 60;

[184]WorldBankData // TheWorldBank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/Дата обращения: (20.12.16);

[185]*Williams B.R.* (ed) The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications // Congressional Research Service Report. February 3. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdfДата обращения: (20.12.16);

партнерства президент Обама заявил только в ноябре 2009 г[186]. Первый же раунд переговоров по заключению соглашения о ТТП и вовсе начался лишь весной 2010 г., который не включал в себя такие острые вопросы как нетарифное регулирование, электронная торговля, интеллектуальное право и др. [187] Такой временной лаг (по сравнению с необычайно энергичными действиями американской дипломатии на других направлениях, в частности по повышению участия в «чужих» проектах) и продолжительная подготовка были связаны с тем, что течение весны-лета 2009 г. в администрации Обамы еще не было полного консенсуса относительно того, в какой форме следует продвигать реформу регионального режима торговли: помимо «ступенчатого» подхода в виде ТТП высказывались мнения о возврате к АТЭС как наиболее предпочтительному переговорному формату, который продемонстрировал бы открытость Вашингтона и его стремление вовлечь всех игроков региона в свои инициативы[188].

Не было полного понимания и о пуле потенциальных участников проекта. Внешнеполитической команде Обамы хотелось видеть максимально широкий состав участников ТТП, которые проявляли бы сговорчивость и готовность серьезно обсуждать американские торгово-экономические инициативы. В течение 2009 г. Вашингтон зондировал позиции государств региона относительно готовности начать переговоры (уже с демократической администрацией) по заключению многостороннего соглашения в новом составе, чтобы по традиции объявить о новой крупной региональной экономической инициативе на форуме АТЭС. Немногословность токийской речи Обамы относительно модальностей и философии предлагаемой инициативы по созданию ТТП, как уже указывалось выше, является

[186]Remarks by President Obama in Santury Hall // White House. November 14. 2009. [Электронный ресурс].Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hallДата обращения: (20.12.16).

[187]*Ремчукова В.К.*Транстихоокеанское партнерство - первые результаты, история создания, перспективы // Российский Внешнеэкономический Вестник. 2015. Т. 2015. № 11. С. 100-105;

[188] An Interview with APEC Executive Director Michael Tay // The Diplomat. October 27, 2009. Director Michael Tay // The Diplomat. October 27, 2009.

ярчайшим знаком того, что ни концептуально, ни политически тогда этот формат еще не был проработан.

Ускорению работы по продвижению ТТП способствовала активизация участия США в многосторонних институтах Восточной и Юго-Восточной Азии. Еще прежде чем новая администрация активизировала усилия по продвижению собственного институционального проекта, Вашингтон качественно повысил свое участие в уже сформировавшихся форматах, большая часть из которых, так или иначе, занималась вопросами экономического сотрудничества. Так, важнейшим этапом взаимодействия США со странами Юго-Восточной Азии стало подписание 23 июля 2009 г. Протокола о присоединении Вашингтона к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г[189]. В 2012 г. США стали участником Восточно-азиатского саммита (ВАС) – важного формата, до этого неоправданно игнорируемого Вашингтоном.

Включение в работу многосторонних азиатских форматов продемонстрировало новой администрации узкий фарватер возможностей в «чужих» институциональных форматах, причем не только по продвижению собственной повестки, но даже и по ослаблению этих форматов, что называется, «изнутри». Более того, вступление в некоторые региональные форумы оказалось затруднительно. Своего участия в ВАС США сумели добиться лишь в спустя три года после объявления о намерении сделать это (впервые о намерении присоединиться к ВАС Обама объявил еще в 2009 г., во время все той же «токийской речи», причем это намерение было озвучено в один год вместе с Россией[190]. От попыток наладить более тесное сотрудничество с ШОС, к чему администрация Обамы начала проявлять

[189]United States Accedes to the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia // United States Department of State. July 22, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/july/126294.htmДата обращения: (20.12.16);

[190] Remarks by President Obama in Santury Hall // White House. November 14. 2009. [Электронный ресурс].Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hallДата обращения: (20.12.16);

интерес с весны 2011 г., на имплементации своей стратегии в Афганистане[191], в Вашингтоне отказались и вовсе (особенно бесперспективной и почти карикатурной эта идея стала после того, как статус наблюдателя получил Иран, непростая история отношений США с которым хорошо известна). Достаточно скромные результаты принесло и предпринятое администрацией Обамы сближение США с АСЕАН, где в этот период все больший политический вес набирал наращивающий экономическое присутствие в регионе Китай. При этом, однако, несмотря на то, что для большинства стран АСЕАН КНР в 2008-2009 гг. стала крупнейшим торговым партнером, США продолжали сохранять бесспорное лидерство в объеме накопленных прямых иностранных инвестиций (так, объем американских накопленных ПИИ в АСЕАН в 2012 г. составил 95,5 млрд. долл. США, китайских – около 22 млрд.)[192].

К концу 2009 г. – началу 2010 г. необходимость собственного флагманского проекта в АТР, который имел бы как практическую, так и имиджевую составляющую – т.е. демонстрировал бы наличие у США собственных масштабных инициатив, конкурирующих с асеаноцентричными, - стала очевидной даже для скептиков, как из внешнеполитической команды Обамы, так и в близких к ней экспертных кругах [193]. Изначально ориентированное на решение более узких задач ТТП стало осознаваться как полновесный, а не дополнительный инструмент восстановления американских позиций в АТР и мире. Геоэкономическая роль ТТП в рамках глобальной стратегии США особенно повысилась в 2013 г., когда одержавший победу вторых на президентских выборах Б. Обама объявил о новой инициативе создания торгового блока – на этот раз с европейскими

[191]*Fenenko A.*Obama`s Central Asian strategy // Russian Council on Foreign Affairs. 27 August, 2012. [Электронный ресурс].Режим доступа: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=715#top-contentДата обращения: (20.12.16).

[192]Trends in U.S. and Chinese Economic Engagement // United States Government Accountability Office. Report to Congressional Requesters. August 2015. [Electronic Resource]. Режимдоступа: http://www.gao.gov/assets/680/671988.pdfДатаобращения: (20.12.16);

[193]See: Hu R. Building Asia-Pacific Regional Architecture: The Challenge of Hybrid Regionalism // Brooking Institute. July 29, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.brookings.edu/research/building-asia-pacific-regional-architecture-the-challenge-of-hybrid-regionalism/Дата обращения: (20.12.16);

союзниками в рамках Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП) [194] . Вместе эти два соглашения образовывали комплексную стратегию по политико-институциональной и экономической консолидации американских союзников.

Таким образом, к началу 2010-х в Вашингтоне пришли к выводу, что создание крупного торгового блока в самом экономически и социально динамичном регионе мира, могло помочь Вашингтону в решении целого комплекса не только региональных, но и глобальных вызовов, подтачивающих американское лидерство. Это предопределило наращивание политико-дипломатических ресурсов в проект ТТП в последующие несколько лет, завершившиеся согласованием условий нового многостороннего соглашения о торговле. От скорее вспомогательного инструмента, каким развитие азиатско-тихоокеанской архитектуры торговли виделось администрации Обамы после прихода к власти, ТТП превратился в комплексный ответ на тот набор структурных вызовов, который подтачивает американское лидерство в АТР.

Тем самым, и сама тихоокеанская политика США при Б. Обаме приняла более комплексный характер, в рамках которого обновление регионального экономического порядка через продвижение нового крупного институционального проекта начало нести более важную функцию, с одной стороны будучи призванной ослабить некоторые негативные эффекты американских инициатив в области безопасности, с другой – в теории способствуя реконсолидации экономики АТР вокруг США. Тем самым проект ТТП стал одним из базовых региональных инструментов США, направленных на решение всех тех структурных вызовов, которые ослабляли американские позиции в АТР. ТТП было призвано помочь Вашингтону ослабить тот ряд негативных трендов, который разворачивал эволюцию региональной международной системы в нежелательную для него сторону.

[194] *Kanter J., Ewing J.* A Running Start for a U.S.-Europe Trade Pact // The New York Times. February 13, 2013.

С одной стороны, концепция ТТП как первого шага к общерегиональной ЗСТ на базе АТЭС напрямую препятствовала распаду международной системы АТР на несколько автономных подсистем с собственными институциональными форматами и крепкими политико-экономическими связками – фактически речь шла о вытеснении азиатского регионализма более широким азиатско-тихоокеанским[195]. С другой, ТТП (особенно в контексте его трансформации в общерегиональное соглашение) рассматривалось и как один инструментов вовлечения новых центров силы в качестве младших партнеров Вашингтона, поддерживающих американское лидерство, а не являющихся его потенциальными противниками. Наконец, ТТП являлось базой для укрепления торгово-экономических и институциональных связок между США и их традиционными союзниками. Все это в сумме делало ТТП одной из флагманский инициатив администрации Обамы, от реализации которой во многом стала зависеть и итоговая оценка его азиатской политики.

2.3. Ход переговоров и эволюция ТТП как инструмента политики США в АТР

Заняв одно из ключевых мест в проводимой администрацией Обамы политике «разворота» США в Азию, ТТП стало активно развиваться, эволюционируя под воздействием различных факторов. Можно выделить три аспекта эволюции инициативы.

Во-первых, по ходу переговоров объединение расширялось, включая в себя все новых участников. Появлялись и новые потенциальные члены торгового блока, по тем или иным причинам не вступавшие в переговорный процесс, но заявляющие о намерении своего участия в проекте после реализации соглашения. Во-вторых, менялась концепция и философия проекта. От открытого, направленного на постепенное включение всех стран

[195] *Capling A., Ravenhill J.* Multilateralising regionalism: what role for the Trans-Pacific Partnership Agreement? // The Pacific Review, Vol. 24 No. 5 December 2011: 553–575.

региона, проект эволюционировал в сторону более закрытого формата, приобретая некоторые черты «экономического НАТО» (хотя официально Вашингтон никогда не отказывался от позиционирования ТТП как открытой площадки, к которой могут присоединиться все заинтересованные страны). При этом, если изменение состава ТТП (развитие «вширь») зависело от международной ситуации и внутриполитической обстановки в странах-партнерах Вашингтона, качественная эволюция торговой инициативы (развитие «вглубь») в последние годы становилось все более важным сюжетом внутренней политики уже в самих Соединенных Штатах. В-третьих, по мере трансформации ТТП в закрытый формат, ориентированный на сдерживание КНР, можно говорить об эволюции американского подхода к соотношению стратегических и экономических интересов. Рассматривая ТТП как инструмент укрепления своего лидерства и престижа в АТР, в 2014-2015 гг. США пошли на ряд уступок другим партнерам по переговорам, в целях скорейшей реализации проекта, а в некоторых случаях – обеспечивая выгодные для участников ТТП условия входа на американский рынок для усиления их зависимости от отношений с Вашингтоном.

Развитие ТТП «вширь» проходило в 2010-2013 гг. в виде непосредственного присоединения новых участников к переговорам, а после 2013 г. – в форме вовлечения заинтересованных государств в экспертное и общественное обсуждение перспектив их участия – чтобы облегчить экспансию торгового соглашения после его ратификации.

Старт первого раунда переговоров по заключению соглашения о ТТП состоялся в марте 2010 г. в составе 8 участников. К этому моменту уже появилась ясность относительно формата и путей развития проекта. От единовременного вовлечения в переговорный процесс большого числа участников было принято решение отказаться: проведенное администрацией Обамы в течение 2009 г. зондирование почвы выявило, что далеко не все страны региона, даже ближайшие союзники США, такие как Япония, Южная

Корея и Филиппины готовы участвовать в американской инициативе[196]. Переговоры фактически стартовали с тем же составом сторон, который сформировался еще в 2008 г., при администрации Дж. Буша-младшего. К четверке членов ТСЭП (Бруней, Чили, Сингапур и Новая Зеландия) помимо США (заявила о желании присоединиться в феврале 2008 г.), в ноябре 2008 г. на последнем для администрации Буша-младшего саммите АТЭС присоединились Перу, Вьетнам и Австралия. Именно в этом составе начался первый раунд переговоров в г. Мельбурн, Австралия[197].

Формирование окончательного пула участников переговорного процесса заняло длительное время, а итоговый состав стран-членов блока существенно изменил первоначальный масштаб и значение проекта для международной системы региона. К 2009 г. ТТП уже представляло собой достаточно широкую по составу и географическому охвату организацию в составе 8 стран-участников, разнородных по структуре экономик и видению дальнейшего развития проекта. В октябре 2010 г. к проекту присоединилась Малайзия, пропустившая первые три раунда переговоров, но пристально наблюдавшая за развитием ситуации[198].

Непростым оказалось вовлечение в проект ТТП двух стран-членов Группы восьми, являющихся крупнейшими после США экономиками объединения и ближайшими союзниками Вашингтона: Японии и Канады. Инициатива присоединения последней к переговорному процессу в 2010 г. оказалась заблокирована США и Новой Зеландией, главным образом из-за расхождений позиции Оттавы с позициями Вашингтона и Веллингтона по вопросу о регулировании сельскохозяйственного рынка [199] внутри объединения. Тем самым проект ТТП, находясь еще на ранних стадиях переговоров, был использован в качестве эффективного «экономического оружия»: в обмен на право доступа к переговорам по выработке новых

[196] Ibid.
[197]Ibid.
[198]*Rosli F., Yong H.K., Mohamed J. et al.* National Interest Analysis Of Malaysia's Participation In The Trans-Pacific Partnership // Institute Of Strategic And International Studies (ISIS) Malaysia. [ElectronicResource]. Режимдоступа: http://fta.miti.gov.my/miti-fta/resources/ISIS_The_Grand_Finale.pdfДата обращения (20.06.2016)
[199]*Palmer D.*Some secrecy needed in trade talks: Ron Kirk // Reuters. May 13, 2012.

правил игры региональной торговли, Канаде было предложено пойти на принципиальные для нее уступки, на которые она не пошла в рамках соглашения НАФТА [200] . В конечном счете, Канада и Мексика присоединились к переговорам по ТТП в июне 2012 г. - когда изначально планируемые сроки подписания соглашения (осень 2011 г.) уже были далеко позади[201]. При этом, Оттава пошла на значительные уступки в области либерализации тарифных и нетарифных мер регулирования сельскохозяйственного сектора, что может нанести ущерб аргопромышленному комплексу Канады? В частности – производителям молока[202].

Наиболее сложным оказалось подключение к переговорам Японии, присоединившейся к проекту лишь в мае 2013 г. Трудность вступления страны восходящего солнца к переговорам по созданию торгового блока определялась прежде всего внутриполитическими причинами. Объявление о старте переговоров по ТТП осенью 2009 г. совпало с приходом к власти в Японии Демократической партии, настроенной на смягчение противоречий с Китаем и ослабление американского влияния на внешнюю и оборонную политику страны[203]. Так, при правительстве премьер-министра Ю. Хатоямы был поднят вопрос о закрытии американской военной базы на острове Окинава, ставший одним из ключевых предвыборных обещаний демократов[204].

Во внешнеэкономической политике Ю. Хатояма также стремился выстроить более независимый относительно американских инициатив курс. В своей программной статье «Новый путь для Японии», опубликованной во влиятельной газете «Нью Йорк Таймс» вскоре после победы демократов на

[200]ВключаетСША, КанадуиМексику
[201]Canada Formally Joins Trans-Pacific Partnership // Government of Canada. October 9, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.international.gc.ca/media_commerce/comm/news-communiques/2012/10/09a.aspx?view=d&lang=eng Дата обращения: (20.06.2016)
[202]*Rude J., An H.* Trans-Pacific Partnership: Implications for the Canadian Industrial Dairy Sector // Canadian Public Policy. Vol. 39, No. 3 (September 2013), pp. 393-410
[203]*Ryo S., Gannon J. (eds).*Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan. Brookings Institution Press. Washington. 2015, pp. 159-178.
[204] Ibid.

парламентских выборах, новый премьер-министр отметил, что «поражение в войне в Ираке и финансовый кризис показали, что эра глобализации во главе с США подходит к концу»[205], призвав к созданию Восточно-азиатского сообщества как базы для нового регионального сотрудничества. Последняя инициатива стала одним из ключевых внешнеполитических проектов Хатоямы, направленных на возврат Японии центральной роли в области институционального строительства в Азии. При этом острой критике был подвергнут и навязываемая США неолиберальная экономическая повестка как инструмент борьбы с финансово-экономическим кризисом[206]. Разумеется, при таком подходе истеблишмента правящей партии Японии рассчитывать на присоединение Токио к инициативам США не приходилось. Хотя преемники Хатоямы из числа его сопартийцев перешли к более консервативной внешней политике (в частности, фактически отказались и от вывода американских войск из Окинавы, и от продвижения Восточно-Азиатского сообщества), участие Токио в ТТП при демократах все еще на повестке дня не стояло.

При этом, присоединение главного и крупнейшего (и по экономическому, и по военному потенциалу) американского союзника изначально рассматривалось в Вашингтоне как чрезвычайно желательное. Именно во время визита в Токио Б. Обама впервые упомянул проект ТТП как одну из центральных инициатив американского «разворота в Азию»[207]. Неудивительно, что консультации по присоединению Японии ТТП начались сразу после возвращения к власти Либерально-демократической партии в декабре 2012 г. Уже в мае следующего года правительство С. Абэ объявило о вступлении в переговорный процесс[208].

[205] *Hatoyama Y.* A New Path for Japan // The New York Times. August 26. 2009.
[206] Ibid
[207] Remarks by President Obama in Santury Hall // White House. November 14. 2009. [Электронный ресурс].Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hallДата обращения: (20.06.2016)
[208] *Meltzer J.* Japan to Join Trans-Pacific Partnership – Finally // Brookings Institute. March 18, 2013. [ElectronicResource]. Режим доступа: https://www.brookings.edu/blog/up-front/2013/03/18/japan-to-join-the-trans-pacific-partnership-finally/Дата обращения: (20.06.2016)

Значение японского участия в объединении определяется совокупностью экономических и политических причин. В стратегическом измерении вступление Японии в переговорный процесс по ТТП усилило эффективность торгового блока с точки зрения консолидации американских союзников в АТР (вне ТТП из ключевых союзников США в регионе остались лишь Республика Корея, Филиппины и Таиланд). На фоне роста японо-китайских противоречий в 2010-х гг. и в особенности после возврата к власти в Токио либерал-демократов во главе с С. Абэ, ужесточивших политику в отношении своего большого соседа, это позволяло многим китайским экспертам рассматривать ТТП как проект антикитайской направленности[209].

Кроме того, присоединение Токио к американскому по сути проекту означало отказ Японии как от притязаний на центральную роль в собственной институциональной архитектуре в Азии, так и до известной степени – попытки балансировать между различными форматами. От попыток играть центральную роль в азиатском регионализме через институты Азиатского банка развития и продвижение собственной сети ЗСТ Токио по большому счету окончательно отказался уже к концу 2000-х, хотя Япония и продолжала позиционировать себя как ведущую азиатскую экономику, без участия которой любой крупный институциональный проект окажется как минимум неполноценным. На место собственной роли пришла дилемма между асеаноцентричным и тихоокеанским (во главе с США) треками азиатского регионализма, т.е. Япония вынуждена была уже присоединяться к другим проектам, а не пытаться формировать собственную архитектуру [210] . При этом присоединение в 2013 г. к проекту ТТП сопровождалось одновременным заявлением об участии в РВЭП – конкурирующем ТТП формате с преобладающей ролью Китая. Токио тем самым продемонстрировало желание сбалансировать свое участие в

[209] *Naughton B., Kroeber A., Jonquieres G., Webster G.* What Will the TPP Mean for China? // Foreign Policy. October 7, 2015.
[210] *Стрельцов Д.В.* Япония между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. №3. 2012. С 72-95.

тихоокеанском формате, присоединением к азиатскому проекту. Однако, относительная стагнация переговоров по РВЭП снижает возможности Японии по балансированию между институциональными инициативами ведущих держав региона.

Подключение Японии к проекту ТТП существенно повысило и его чисто экономическое значение для США, так как на момент начала переговоров у Вашингтона и так уже были заключены соглашения о свободной торговле с 6 из 11 участников переговоров, с двумя крупнейшими из которых (Канада и Мексика) они имели комплексное соглашение в рамках соглашения НАФТА. Суммарный объем торговли со странами-участниками ТТП в 2012 г. составил 1,5 трлн. долл., при этом на японо-американскую торговлю пришлось всего около 200 млрд. долл[211]. – что принимая во внимание размеры американской и японской экономик позволяет говорить о недореализованности потенциала торговли США со своим ключевым азиатским союзником.

Присоединение Японии к переговорам по ТТП завершило формирование пула участников переговоров. В то же время, еще до формального согласования текста соглашения, о котором было объявлено в ноябре 2015 г., обозначились несколько направлений для возможного дальнейшего расширения объединения. Так, о желании участия в проекте уже формально заявили официальные лица Тайваня[212], Филиппин[213], Таиланда и Индонезии. Американские экспертно-политические круги говорят и о высокой желательности, в долгосрочном плане, вступления в проект Южной Кореи – одного из ближайших (наряду с Японией) союзников США в регионе[214].

[211]USTradewithJapan // UnitedStatesCensusBureau. Режим доступа: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5880.htmlДата обращения: (20.06.2016)
[212]*Bush R., Meltzer J.* Taiwan and the Trans-Pacific Partnership: Preparing the Way // Brookings Institute [Web Portal]. http://www.brookings.edu/research/papers/2013/10/taiwan-transpacific-partnership-bush-meltzerДата обращения: (20.06.2016)
[213]*Parameswaran P.* Confirmed: Philippines Wants to join TPP // The Diplomat, June 25, 2015.
[214]*Fifield A.* South Korea asks to join Pacific trade deal. Washington says not so fast // The Washington Post, April 15, 2015.

Политически логичным было бы присоединение к проекту Филиппин и Таиланда, с которыми у США заключены формальные военно-политические союзы и которые могли в наибольшей степени проиграть от вступления в силу соглашения по ТТП (см. главу 3). Для обеих стран американский рынок является одним из важнейших. При этом, ни Манила, ни Бангкок не имеют с США действующих соглашений о ЗСТ, что автоматически ослабляет их позиции на американском рынке перед их прямыми торговыми конкурентами – Малайзией и Вьетнамом. Для Вашингтона втягивание этих стран в ТТП мотивировалось еще и участием обоих государств в китайской инициативе РВЭП, а также растущая зависимость этих стран от китайской экономики.

Вторым обозначенным направлением возможного расширения ТТП являлась Южная Корея, которая несмотря на статус официального союзника США, пока не спешит присоединяться к инициативе[215]. Уклонение Сеула от присоединения к переговорному процессу, несмотря на активные призывы Вашингтона объясняется рядом причин. Прежде всего – в 2010-2011 гг. параллельно с переговорами по ТТП между Вашингтоном и Сеулом и так шли переговоры по созданию двусторонней ЗСТ – причем обсуждение американо-корейского соглашения о свободной торговле началось еще в 2007 г. – за год до объявления о присоединении США к ТСЭП и начала проекта ТТП. С учетом некоторой заминки со стартом переговоров по ТТП инкорпорация двусторонних переговоров США-Республика Корея в многосторонний формат обсуждения условий ТТП таким образом была затруднительна даже чисто технически – к моменту начала первого переговорного раунда между 12 участниками, американо-корейское соглашение по ЗСТ было уже по большей части согласовано.

Не спешил Сеул присоединяться к ТТП и по стратегическим причинам. В Республике Корея видимо предпочли ограничиться именно двусторонним

[215] *Solis M.* South Korea's Fatefull Decision on the Trans-Pacific Pertnership // Brookings Institute Report. September 18, 2013. Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0918-south-korea-trans-pacific-partnership-solis.pdfДата обращения: (20.06.2016)

форматом ЗСТ с США и занять выжидательную позицию в отношении ТТП, стремясь диверсифицировать свое участие в разных институциональных форматах. В 2013 г. Сеул (также как и Япония) присоединился к переговорам по РВЭП. Тогда же президент Республики Корея Пак Кын Хе объявила о «Евразийской инициативе», направленной на расширение экономического сотрудничества со странами Центральной Евразии [216]. Тем самым Сеул продемонстрировал гораздо большую, чем Токио способность балансировать между разными форматами и интеграционными треками в условиях нарастающей конкуренции продвигаемых великими державами повесток и институциональных форматов.

Крупнейшим по численности населения после США потенциальным участником ТТП могла стать и Индонезия. Для Индонезии, так же как во многом и для других государств Юго-Восточной Азии присоединение к торговому блоку, включающему такие крупные рынки как США, Японию, Канаду открывает возможность для облегчения доступа на рынки этих стран. При этом, Джакарта до последнего момента уклонялась от однозначного подтверждения своего участия в ТТП, ожидая завершения переговоров. 27 октября 2015 г. во время визита в США президента ДжокоВидодо, индонезийский лидер подтвердил готовность начать переговоры по вступлению страны в проект[217].

Наконец, самым сложным из потенциальных направлений расширения ТТП, обозначенных на данный момент, является Тайвань. Тайбэй зондировал почву на предмет своего возможного участия в сделке практически с начала консультаций по ее заключению. При этом, заявляя о возможности своего присоединения к экономическому объединению, Тайвань (который рассматривается Пекином как часть своей территории и не признан большинством государств мира в качестве независимого государства) ссылается на уже существующий прецедент своего участия в АТЭС, который

[216] *Kwon Y.*South Korea's Eurasia Ambitions // The Diplomat. August 20, 2014.
[217] Indonesia will join Trans-Pacific Partnership, Jokowi tells Obama // The Guardian. October 27, 2015. Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2015/oct/27/indonesia-will-join-trans-pacific-partnership-jokowi-tells-obamaДата обращения: (20.06.2016)

формально является объединением экономик, а не стран. Более того, в 2013 г. руководство Тайваня заявило о желании участвовать в обоих институциональных форматах: ТТП и РВЭП, желая уравновесить свое участие в разных интеграционных треках[218].

Однако, по мере стагнации РВЭП и обострения ситуации вокруг китайских территориальных притязаний в Южно-Китайском море Тайбей все больше отходил политики балансирования в сторону закрепления стратегических и экономических связок с США. В ноябре 2015 г. занимавший на тот момент должность президента Китайской республики МаИнцзю в аккурат перед встречей со своим китайским коллегой официально заявил о намерении Тайваня подать заявку на присоединение к ТТП[219] (при этом к тому моменту о согласовании условий соглашения и фактическом завершении переговорного процесса уже было официально объявлено). Сменившая его на посту президента и известная нескрываемо антикитайскими взглядами на внешнюю политику ЦайИнвэнь во время своего первого визита в Вашингтон призвала американское руководство активнее способствовать присоединению Тайваня к ТТП[220].

Таким образом, к моменту подписания соглашения продвигаемый США проект по географическому охвату оказался достаточно близок к декларируемой головной цели – созданию ЗСТ в рамках всего АТЭС. На момент подписания согласованного текста соглашения в феврале 2016 г. проект объединял 12 стран членов, включая первую и третью экономику мира, а также по меньшей мере пять потенциальных участников, официально заявивших о желании присоединиться к торговому блоку. Большая часть объявлений о намерении обсуждать участие в ТТП пришлось как раз на 2015-2016 гг., когда соглашение наконец было заключено, продемонстрировав тем самым способность Вашингтона реализовывать масштабные инициативы в

[218] *Kuo A.T.*President Ma reiterates hope to join TPP and RCEP // The China Post. June 27, 2013.
[219] *Holly R.*Taiwan looks to join giant trade deal // MidWest Center. November 20. 2015. [ElectronicResoruce].Режимдоступа:http://investigatemidwest.org/2015/11/20/taiwan-looks-to-join-giant-trade-deal/ Датаобращения: (20.06.2016)
[220] President Tsai urges U.S. support for Taiwan's TPP bid // Focus Taiwan. May 22. 2016. [ElectronicResource]. Режим доступа: http://focustaiwan.tw/news/aipl/201605220010.aspxДата обращения: (20.06.2016)

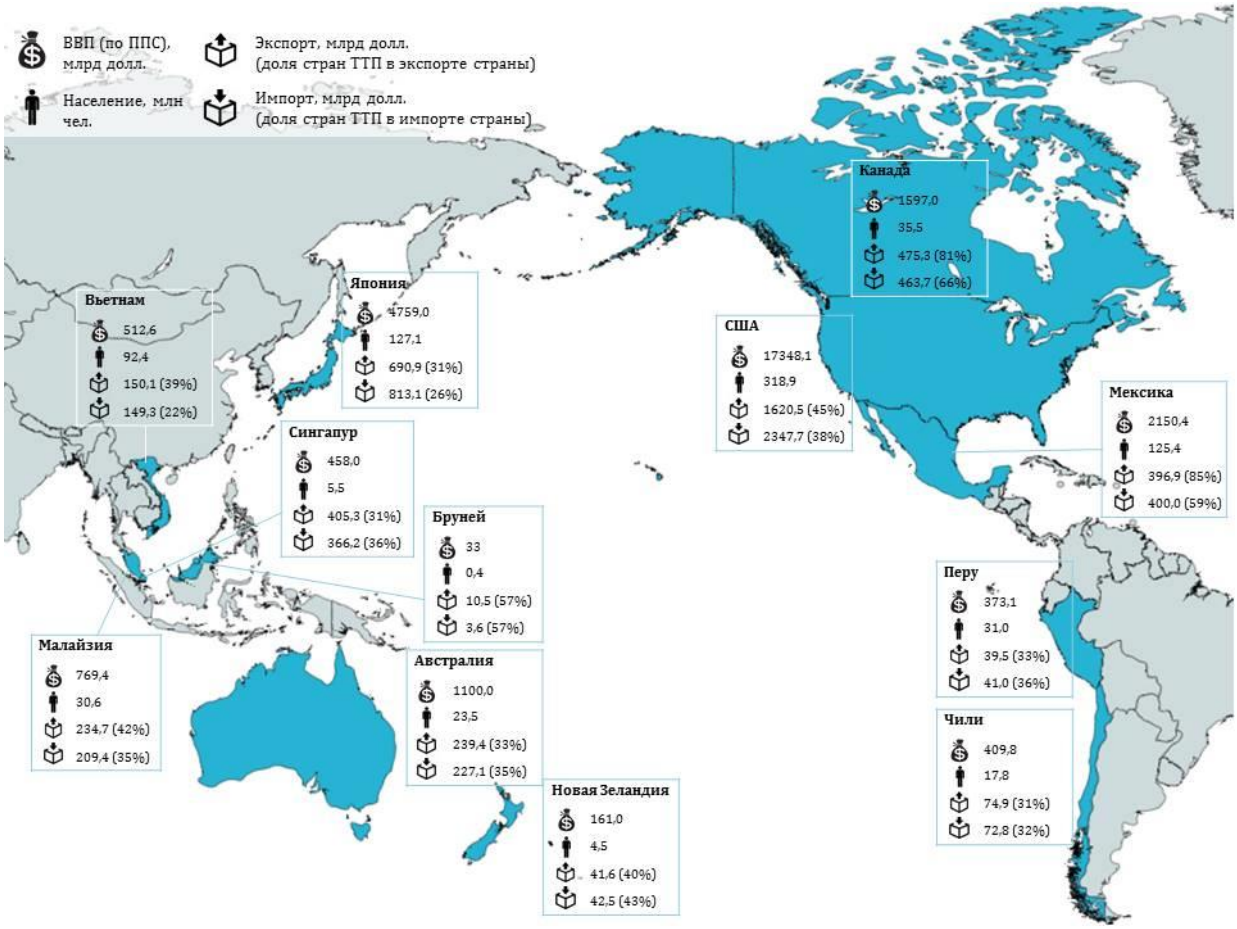
регионе – что было принципиально для не богатой внешнеполитическими успехами администрации Обамы[221]. При этом в случае расширения ТТП на все эти государства, из всех участников форума АТЭС вне нового соглашения оказались бы только Китай, Гонконг (являющийся автономной частью КНР), Россия и Папуа Новая Гвинея.

Вторым важным для исследования аспектом эволюции ТТП стала трансформация переговорных позиций США в ходе работы над соглашением. Подхватывая инициативу предшественников, администрация Обамы рассчитывала достичь сразу две группы целей: стратегические (утверждение своего лидерства, в том числе через относительное ослабление Китая) и экономические (стимуляция американской экономики в условиях начавшейся в 2009 г. рецессии). Переговорная позиция США в работе над соглашением определялась балансом между двумя этими составляющими.

Соблюдение этого баланса было изначально непростой задачей в силу большого объема объективных экономических противоречий между государствами-участниками проекта. ТТП объединило развивающиеся и развитые страны с огромным разрывом в уровне социально-экономического развития – так, разрыв в объеме подушевого ВВП между Вьетнамом и США был почти десятикратным на момент заключения соглашения в 2010 г.

[221] *Rhodes B.* Why President Obama's Trade Deal Matters to U.S. National Security // DipNote. U.S. Department of State Official Blog. May 4, 2016.. Режимдоступа: https://blogs.state.gov/stories/2016/05/04/why-president-obama-s-trade-deal-matters-us-national-securityДатаобращения: (20.06.2016)

Рисунок 2. Страны-участники Транстихоокеанского партнерства и их социально-экономические характеристики



Источник: UNCTAD

Несбалансированный состав участников создаваемого объединения изначально блокировал возможность полновесной интеграции между ними – хотя слухи о возможности формирования на базе соглашения сильных институтов регулирования или даже единой «тихоокеанской» валюты циркулировали вокруг первых раундов переговоров. Развитие ТТП в качестве проекта более или менее глубокой интеграции в действительности могло бы гораздо сильнее привязать участников объединения к США и кардинально ослабить влияние Китая в регионе (в особенности – если бы Пекин в итоге вступил в объединение на американских условиях), однако интеграция с существенно отстающими по уровню социально-экономического развития государствами Юго-Восточной Азии грозила США и другим развитым странам большими макроэкономическими, а в конечном

счете – и политическими рисками. Во многом поэтому участники переговоров по ТТП отказались от формата глубокой интеграции в пользу формата регионализма – т.е. создания большой зоны свободной торговли по модели ВТО+[222].

В рамках такой модели главными противоречиями становились вопросы: 1) об уровне регулирования торговли, включая прежде всего – регулирование внетарифных ограничений, 2) возможности временных (на определенный период после заключения соглашения) или безвременных изъятий из соглашения по значимым для участников проекта наименованиям товаров и услуг и 3) возможностях прямой и непрямой поддержки национальных производителей. Последний вопрос в особенной мере остро стоял для развивающихся стран, для которых государственная поддержка отдельных отраслей была и остается одним из главных факторов конкурентоспособности их продукции на глобальных рынках. В развитых странах вопрос о мерах государственной поддержки с самого первого раунда являлся принципиальным противоречием при переговорах о либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией – к концу 2013 г. требование об извлечении регулирования аграрного сектора стало консолидированной позицией всех партнеров США по переговорам (Вашингтон настаивал на включении этой главы в соглашение)[223].

Различия в уровне социально-экономического развития и внутренней структуре национальных экономик диктовали разные походы к некоторым спорным вопросам в области мер регулирования международной торговли, которые выявились еще на этапе переговоров в рамках Дохийского раунда. Так, в качестве камней преткновения выступали вопросы, связанные с правилами антидемпинга, субсидий критически важных отраслей промышленности (сельское хозяйство, энергетика):

---

[222]*Портанский А.П.* Многосторонняя торговая система и(1947-2014 гг. и участие в ней России. М. 2015. С. 140-141.

[223]TPP State of Play After Salt Lake City 19-24 November 2013 Round of Negotiations // Wikileaks [Electronic Rsource]. Режим доступа: https://wikileaks.org/IMG/pdf/tpp-salt-lake-extracts-.pdfДата обращения: (20.06.2016)

Таблица 3. Позиции стран-членов ТТП в спорах ВТО по некоторым торговым вопросам[224]

	Заинтересованные стороны в ходе спора	Сторонники введения меры	Противники введения меры
Субсидии и требования местного компонента, в частности в сфере возобновляемой энергетики	Канада, Япония, Австралия, Мексика, США	Канада, Мексика, Австралия	Япония, США
Антидемпинг, в частности применение практики обнуления	Япония, США, Мексика, Вьетнам, Чили, Новая Зеландия	США, Новая Зеландия	Япония, Мексика, Вьетнам, Чили, Сингапур
Дополнительные ограничения на торговлю товарами мясной отрасли (в частности, маркировка и правила происхождения товара)	Канада, США, Мексика, Австралия, Япония, Новая Зеландия, Перу	США, Япония	Канада, Мексика, Австралия, Новая Зеландия, Перу
Дополнительные ограничения на торговлю товарами рыбного промысла (в частности, маркировка)	Мексика, США, Австралия, Канада, Япония, Новая Зеландия	США, Австралия, Новая Зеландия	Мексика, Япония

Эти противоречия отражали не только структурные различия между государствами-участниками ТТП, но и объективную экономическую конкуренцию между ними, которая в наибольшей степени проявлялась между странами со схожим уровнем экономического развития. В случаях, когда противоречия касались чувствительных отраслей, вокруг которых формировались организованные группы влияния, даже относительно

[224]*Пономарева О.В.* ТТП и ВРЭП: ключевые аспекты переговоров // Вестник АТЭС. №1. 2015. С. 18-21

«неважные» с точки зрения масштаба проекта торговые споры имели потенциал стать серьезным камнем преткновения для дальнейших переговоров. Ниже представлены данные по конкуренции между странами в рамках отдельных секторов в рамках ТТП:

Таблица 4. Конкурирующие страны ТТП (экспортеры и импортеры) по некоторым секторам[225]

Отрасль/Товар	Основные производители / экспортеры	Основные потребители / импортеры
Молочная продукция	Новая Зеландия, Австралия, США	США, Япония, Мексика, Сингапур
Сахар	Мексика, Канада, США, Япония, Вьетнам	США, Канада, Япония, Австралия
Рис	США, Вьетнам	Малайзия, Япония, Мексика, США, Сингапур
Говядина	США, Австралия, Мексика, Канада	Япония, США, Мексика, Чили, Канада
Обувь	Вьетнам	США, Япония
Одежда	Вьетнам	США, Япония
Автомобили	США, Япония	США, Канада, Австралия, Япония

Так, как видно из представленной таблицы, в рамках формируемой зоны свободной торговли напрямую сталкивались интересы стран-участников по таким товарам как молочная продукция (Новая Зеландия, Австралия и США), говядина (США, Австралия, Мексика, Канада), сахар (Мексика, Канада, Япония, США, Вьетнам). Производители указанных выше товаров имели организованные группы влияния в своих странах, что сделало переговоры по данным категориям товаров особенно трудными.

Таким образом, в рамках переговоров по соглашению о ТТП можно говорить о двух видах противоречий: структурных, касающихся принципиальных вопросов о правилах внешнеэкономической деятельности, которые могли оказать критическое воздействие на развитие отдельных

[225] *Кадочников П.А.* Современные тенденции регионально экономической интеграции // Вестник АТЭС. №1. 2015. С. 13-17.

государств-участников проекта в целом; и специальных противоречиях, относящихся к конкуренции стран за рынки отдельных товаров и услуг.

В ходе первых 19 раундов переговоров в 2010-2013 гг. ни одна из групп противоречий не была преодолена в полной мере. Несмотря на амбициозный старт и ориентацию на относительно быстрое заключение договора, в течение 2010 г. стороны сумели прийти лишь к общему мнению о структуре будущего соглашения и вопросах, которое оно будет покрывать. Начало консультаций по будущим главам соглашения началось лишь в ходе третьего и четвертого (октябрь и декабрь 2010 г. соответственно) раундов переговоров [226], в ходе которых стороны заявили о своих позициях, а сущностный диалог начался лишь в 2011 г. Произошедшие несмотря на беспрецедентно высокую степень секретности утечки о ходе переговоров показали, что к концу 2013 г., по истечении 19 раундов (последний раунд переговоров завершился в мае 2013 г. в Брунее, после чего стороны перешли к диалогу в формате министерских встреч) стороны не сумели согласовать позиции по основным спорным вопросам. Так, США оказались практически в одиночестве по важному для американской высокотехнологической отрасли вопросу о мерах регулирования прав интеллектуальной собственности (большая часть пунктов проекта данной главы не была поддержана ни одним партнером). Серьезные противоречия вызывала американская позиция по правилам определения происхождения товаров, регулированию таможенной службы, большие разногласия, главным образом между развивающимися и развитыми странами сохранялись и по экологическим стандартам[227].

---

[226] Update on Trans-Pacific Partnership Negotiations in Brunei Darussalam, 10/07/2010 // Office of the United States Trade Representative. Режимдоступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/round-3-bruneiДатаобращения: (20.06.2016); Update on Trans-Pacific Partnership Negotiations in New Zealand, 12/06/2010 // Office of the United States Trade Representative. Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/round-4-auckland#Дата обращения: (20.06.2016)

[227] See: Second release of secret Trans-Pacific Partnership Agreement documents, Monday 9 December 2013 // Wikileaks. [ElectronicResource]. Режим доступа: https://wikileaks.org/Second-release-of-secret-Trans.htmlДата обращения: (20.06.2016)

Присоединение в 2013 г. Японии еще более утяжелило переговоры. Хотя участие Токио в проекте соответствовало интересам Вашингтона, присоединение такой большой страны автоматически означало перенос срока заключения соглашения на неопределенный период в силу необходимости согласовывать условия документа с новым участником, обладающим ко всему прочему широким спектром интересов. Таким образом, по-видимому к маю 2013 г., когда произошло присоединение Японии, от изначального желания представить соглашение на саммите АТЭС в Гонолулу (осень 2013 г.), в Вашингтоне уже де-факто отказались, взяв курс на более «неторопливую», но «качественную» реализацию проекта с более широким составом участников (за год до этого, в 2012 г. к ТТП присоединились Мексика и Канада).

Расширение числа участников проекта и в особенности – присоединение Японии, способствовало усилению противоречий между партнерами по переговорам. Так, после включения Токио в переговорный процесс японо-американские противоречия одним из ключевых факторов замедления реализации инициативы: стороны не могли согласовать позиции по таким вопросам как поддержка сельского хозяйства и вопрос о доступе на рынки двух стран автомобильной продукции. Одновременно с этим сохранялись противоречия США с Новой Зеландии в сфере регулирования молочной продукции, США и Канады по правам интеллектуальной собственности и др[228].

Ниже представлена сводная таблица основных противоречий между государствами-участниками переговоров по ТТП к 2014 г.

Таблица 5. Ключевые разногласия между странами в рамках ТТП[229]

Ограничения	Ключевые разногласия
Доступ товаров на рынок	Против либерализации доступа товаров на рынок выступала Япония (молочная продукция, автомобили, рис), Канада (молочная продукция), Малайзия и Сингапур (табачная продукция), США,

[228] *Ремчукова В.* Транстихоокеанское партнерство: цели, вызовы, перспективы // Независимая газета, 27 февраля 2015 г.
[229] *Пономарева О.В.* ТТП и ВРЭП: ключевые аспекты переговоров // Вестник АТЭС. №1. 2015. С. 18-21

	Мексика и Австралия (сахар).
Правила происхождения товара (ППТ) в секторе одежды и текстиля	США, Мексика и Перу – выступали за более жесткие ППТ (использование материалов из стран, с которыми США заключили соглашение о ЗСТ), Малайзия и Вьетнам – против (их поставщики импортируют материалы из Китая)
Инвестиции	Создание органа по разрешению инвестиционных споров (за – США, против – Австралия, Новая Зеландия)
Меры торговой защиты	Практика обнуления (за – США, против – Япония, Мексика, Вьетнам, Чили, Новая Зеландия)
Защита прав интеллектуальной собственности	Патентная защита фармацевтической продукции. Защита авторских прав (за пролонгирование периода защиты выступали США). Уголовная ответственность за использование контрафактной продукции.
Экология	Связанные обязательства по запрету на снижение экологических стандартов (за – США, Австралия). Полный доступ на рынки экологических товаров (за – США).
Государственные закупки	Включение в сферу действия соглашения закупок местного уровня (за – Канада, против – США)
Госпредприятия	Политика «конкурентной нейтральности» между государственными и частными предприятиями (за –Австралия, США, против – Сингапур)

Как видно, у США сохранялись противоречия с партнерами практически по всем основным вызывающим споры пунктам. Наибольшие разногласия наблюдались в таких вопросах, связанные с экологическими стандартами (США выступали за полное открытие государствами-участниками проекта доступа экологических товаров на свои рынки, а также полный запрет на снижение экологических стандартов и их единство для всех партнеров – все эти пункты вызывали недовольство развивающихся государств), меры торговой защиты (США выступали за практику их полного обнуления), регулирование инвестиций (противоречия вызывала американская инициатива по созданию специального органа по разрешению инвестиционных споров), а также проблема доступа отдельных товаров на

рынки тех или иных стран. При этом в некоторых случаях США продавливали выгодные им условия практически в одиночку.

Экономические споры внутри ТТП ослабляли политический эффект проекта. Переговоры, которые изначально планировалось завершить к 2013 г. явно затягивались, что оказывало давление на репутацию США как регионального лидера – отсутствие прогресса в переговорах умело использовал Пекин, также активизирвоавший развитие институциональных инициатив со своим участием, в силу того, что к 2012-2013 гг. в КНР возобладало мнение, что ТТП угрожает китайским стратегическим интересам (при том, что экономически присоединение КНР к проекту могло дать некоторый позитивный эффект)[230]. В 2014 г. на саммите АТЭС в Пекине США и другие участники проекта вновь не сумели продемонстрировать сколь-либо существенный прогресс, что как отмечали наблюдатели, способствовало по крайней мере видимому укреплению китайских позиций в регионе[231]. В этих условиях перед Вашингтоном обозначилась дилемма: настаивать на реализации своих экономических интересов в максимальном объеме, либо идти на уступки с целью консолидации союзников и форсирования переговоров.

Стремившаяся к скорейшей реализации проекта администрация Обамы пошла по второму пути, рассчитывая, что в условиях конкуренции между различными треками развития региональной торговой архитектуры скорейшая реализация инициативы (даже если это будет означать некоторые потери, связанные с тактическими уступками) стратегически будет более верным подходом. Так, выступая на площадке Совета по внешней политике в сентябре 2014 г. торговый представитель США М. Фроман указывал, что замедление переговоров по ТТП невыгодно Вашингтону, особенно на фоне динамики переговоров по другим соглашениям о ЗСТ, прежде всего – ВРЭП

[230] *Devadason E.*The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese perspective // Journal of Contemporary China. No 23:87, pp. 462-479.
[231] *Richards C.* The US and China's Competing FTA's During APEC // The Diplomat, November 7, 2014.

во главе с Китаем [232]. Вторым фактором, подгонявшим заключение соглашения являлся цейтнот, в котором администрация Обамы оказалась в связи с приближающимся истечением полномочий.

Следует отметить, что исходя из сложившейся в АТР расстановки сил между разными формулами дальнейшего выстраивания региональных институтов, такой подход должен был быть более выгодными и экономически. Распределение экономических эффектов от заключения разных треков азиатско-тихоокеанского регионализма было бы неравномерным. При анализе изменений региональной экономической динамики в зависимости от трансформации институциональной среды принято рассматривать четыре основных сценария развития экономической архитектуры АТР: 1) реализация тихоокеанского трека регионализма (эту роль играло ТТП); 2) реализация азиатского трека (РВЭП); 3) создание и сосуществование обоих треков; и 4) создание унифицированной ЗСТ на базе АТЭС – т.е. интеграция обоих форматов в единую институциональную архитектуру[233]. Эффект институциональных преобразований на экономики государств региона таким образом разнится в зависимости от того, по какому сценарию в итоге пойдет развитие азиатско-тихоокеанского экономического регионализма. К настоящему моменту серьезные трудности испытывают оба трека (и азиатский, и тихоокеанский) – первый в результате противоречий внутри переговорного формата ВРЭП, второй находится в кризисе после выхода США из ТТП. При этом при реализации любого сценария достаточно четко выделяются группы потенциально «проигрывающих» и «победителей».

[232] Remarks by Ambassador Froman on Strategic Importance of Trans-Pacific Partnership // Council on Foreign Policy. September 18, 2014. Режим доступа: http://www.cfr.org/trade/remarks-ambassador-froman-strategic-importance-trans-pacific-partnership/p33473Дата обращения: (20.06.2016)

[233]See: *Petri P., Plummer M., Zhai F.*The Trans-Pacific Partnership And Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment. Washington. 2012.

Таблица 6. Потенциальный прирост ВВП при реализации разных сценариев экономического регионализма в АТР[234]

Страна	Прирост по сравнению с базовым прогнозом (в %)			
	Тихоокеанский трек (ТТП)	Азиатский трек (РВЭП)	Оба трека	ЗСТ на базе АТЭС
Участники ТТП				
США	0,4	0	0,4	1,3
Австралия	0,6	0	0,6	1,8
Канада	0,5	0	0,5	1,3
Чили	0,9	0	0,9	2,2
Мексика	1,0	0,2	1,2	3,4
Новая Зеландия	2,2	0,1	2,3	2,9
Перу	1,4	0	1,4	2,0
Участники РВЭП				
КНР	-0,3	1,4	1,1	3,9
Гонконг	-0,2	10,5	10,3	20,9
Индонезия	-0,2	0,8	0,7	2,5
Филиппины	-0,3	1,7	1,5	4,9
Таиланд	-0,7	1,8	1,3	4,9
Республика Корея	2,2	4,1	4,9	6,1
Участники обоих форматов				
Бруней	1,1	2,8	3,6	5,4
Япония	2,2	1,9	3,9	4,3
Малайзия	6,1	1,9	7,8	8,9
Сингапур	2,0	-0,5	1,4	3,3
Вьетнам	13,6	4,0	16,4	21,5
Другие экономики региона				
Россия	-0,1	-0,1	-0,1	9,3
Тайвань	-0,3	-1,9	-2,1	6,3
АТЭС (в целом)	0,5	0,9	1,3	3,5

Источник: Институт мировой экономики Петерсона

Как видно, реализация любого из треков имела бы негативные последствия для экономического роста стран, не входящих в этот проект. В определенной степени это превращает конкуренцию двух треков в игру с нулевой суммой: при реализации одного из проектов, не входящие в него государства будут поставлены перед выбором: присоединиться к уже

[234] Дополнительный суммарный прирост ВПП до 2025 г. по сравнению с базовым прогнозом

созданному объединению (на менее выгодных экономических и политических условиях), либо продолжить развитие своего трека в менее благоприятных политических условиях. При этом группа государств, входящая в оба проекта (Вьетнам, Сингапур, Малайзия, Бруней и Япония) являясь выгодоприобретателями при любом развитии ситуации – в особенности в случае реализации обоих форматов, вместе с тем в силу своего положения балансиров могут играть роль «спойлеров», обостряя конкуренцию государств-лидеров объединений[235].

Не является win-wincценарием и создание общерегиональной ЗСТ на базе АТЭС, хотя такое развитие событий и способно принести выгоду всем экономикам региона. Однако, даже в этом случае относительное распределение экономических выгод будет неравномерным: так при создании унифицированной ЗСТ и ликвидации всех тарифных барьеров в АТР одним из крупнейших бенефициаров (как в абсолютных, так в относительных значениях) стал бы Китай, в то время как США – государство-лидер объединения – существенного стимула для экономического роста не получили бы [236] . Тем самым создание общерегиональной ЗСТ (при условии, что такое соглашение будет включать только обнуление тарифных пошлин) может лишь ускорить перетекание экономического потенциала в Азию, а не замедлить его, что для США как раз невыгодно.

Еще более важным противоречием, которое данные расчеты не учитывают, является алгоритм формирования ЗСТ в рамках АТЭС. Единомоментное заключение такого соглашения в настоящий момент представляется маловероятным (несмотря на многочисленные инициативы в этой области, начиная с «Богорских целей» и заканчивая китайской попыткой вернуться к такой форме преобразования режима региональной

[235]*Chang G.*TPP vs. RCEP: America and China Battle for Control of Pacific Trade // The National Interest. October 6, 2015.
[236]Trans-Pacific Partnership Agreement: Likely Impact on the U.S. Economy and on Specific Industry Sectors // United States International Trade Commitssion Report. May, 2016. Режим доступа: https://www.usitc.gov/publications/332/pub4607.pdfДата обращения: (20.06.2016)

торговли в 2014 г., которого он формально придерживается и сейчас). Таким образом, наиболее вероятным путем к заключению такого соглашения является выход к нему через реализацию институционального проекта одного из треков: азиатского или тихоокеанского. Для страны-лидера конкурирующего формата, который в итоге не будет реализован или реализация которого пройдет с опозданием, такой «ступенчатый» сценарий будет нести дополнительные экономические издержки в связи с невозможностью участвовать в выработке условий соглашения на более ранних этапах. Еще более чувствительными будут имиджевые и политические издержки в связи с фактическим отказом от собственной институциональной повестки – что во многом стало драйверов ускорения продвижения РВЭП и ТТП государствами-лидерами этих форматов с 2013 г[237]. Это заставляет лидеров обоих треков стимулировать их развитие, иногда поступаясь своими прямыми экономическими интересами.

При этом, конвергенция обоих форматов была и остается затруднительной в силу принципиально разной философии двух проектов. Если РВЭП является «облегченным» вариантом ЗСТ, концентрирующимся на снижении тарифных ограничений, ТТП представляет собой «высококачественное» соглашение с глубоким уровнем регламентации норм и стандартов нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности. При этом приведенные расчеты не учитывают внутриполитических и экономических эффектов имплементации этих стандартов, делающих, например, присоединение Китая к соглашению ТТП весьма затруднительным даже вне контекста стратегических последствий такого шага для Пекина[238].

Желание опередить Пекин в качестве архитектора региональных институтов, мотивированное в том числе этими расчетами, по-видимому повлияла на подход администрации Обамы к некоторым принципиальным

[237] *Chang G.* TPP vs. RCEP: America and China Battle for Control of Pacific Trade // The National Interest. October 6, 2015.
[238] *Hsu S.* China and the Trans-Pacific Partnership // The Diplomat. October 14, 2015.

вопросам. Итоговый документ свидетельствует о том, что Вашингтон в целом сумел разрешить в свою пользу большую часть структурных противоречий (касающихся общих параметром соглашения, широты и глубины воздействия). Так, итоговое соглашение включило в себя такие вызывающие противодействие части партнеров главы как регламентациюинвестиций, ограничение в сфере поддержки государственных предприятий, права интеллектуальной собственности, электронную торговлю что соответствовало американским интересам. Большое внимание уделялось либерализации системы нетарифных ограничений торговли, а также торговли услугами. В целом, заложенные в соглашение условия позволяли трактовать его как высококачественное соглашение о ЗСТ, соответствующее американским интересам и видению стандартов торговли XXIв.[239]

При этом, США пошли и на ряд серьезных институциональных уступок, ослабляющих достижения в плане «широты и глубины» соглашения. Так, Вашингтон отказался от идеи создания специального органа для разрешения инвестиционных споров (итоговый документ такого положения не содержит) и существенно смягчил свои требования в области экологических стандартов. Регулирование государственных закупок, внесенное по жесткому настоянию США, содержало существенные послабления для развивающихся стран – это в известной степени девальвировало перспективы более открытого и равноправного участия американских и других ТНК в государственных тендерах[240]. Итоговая глава о разрешении споров вместо предлагаемого на этапах переговоров отдельного арбитражного суда в рамках ТТП [241] предполагал сложный механизм, включающий длительные досудебные консультации (которые в отдельных

[239]*Костюнина Г.М.,Баронов В.И.*Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная Жизнь. 2016. № 2. С. 90-112 ;
[240]*Тамже*
[241] Secret Trams-Pacific Partnership Agreement – Invetstment Chapter // Wikileaks, 25.03.2015. [ElectronicResource]. Режим доступа: https://wikileaks.org/tpp-investment/press.htmlДата обращения: (20.06.2016)

случаях могли занимать почти до года)[242], и широкие возможности для выбора площадки для осуществления разбирательства, которые предлагалось проводить в рамках национальных арбитражных судов.

В то же время, стремясь завершить переговоры не позднее 2015 г. (в этом случае оставалось бы достаточно времени для ратификации соглашения перед выборами), администрация Обамы пошла на ряд прямых экономических уступок. Наиболее показательна история японо-американских переговоров, которые признавались одними из центральных после присоединения Токио к проекту и от которых зависела судьба инициативы[243]. Начиная с 2013 г. вопрос по регулированию торговли продукцией автомобильной промышленности стал едва ли не ключевым противоречием: Токио был заинтересован в расширении доступа своих производителей на американский рынок, а также смягчении регулирования продукции сельского хозяйства[244]. Эти противоречия стали основным сюжетом переговоров лета 2015 г. и министерской встречи стран-участников ТТП на Гавайях, которая, как отмечала пресса, была проведена специально для разрешения этих противоречий и оказалась неудачной[245]. Итоговый документсвидетельствовал о том, что в конечном счете Вашингтон пошел на уступки, облегчив доступ японских автопроизводителей на американский рынок.

На ряд послаблений Вашингтон пошел и в отношении других партнеров. Так, крупной уступкой США развивающимся странам является договоренность о ликвидации экспортных субсидий на аграрную продукцию, поставляемую внутри ТТП[246] (что автоматически сделало американских аграрариев ярыми противниками соглашения). В соглашения было

---

[242]TPP Full Text, Chapter 28 // United States Trade Representative Office. Режим доступа:https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Dispute-Settlement.pdfДата обращения: (20.06.2016)

[243]Remarks by Ambassador Froman on Strategic Importance of Trans-Pacific Partnership // Council on Foreign Policy. September 18, 2014. Режим доступа: http://www.cfr.org/trade/remarks-ambassador-froman-strategic-importance-trans-pacific-partnership/p33473Дата обращения: (20.06.2016)

[244]*Krist W., Zoellick R., Huges K.* The Transpacific Partnership Negotiations: Getting to an Agreement // Wilson Center, December 13, 2013.

[245]*Weisman J.*Tolks for Pacific Trade Stumble // The New York Times, July 31, 2015.

[246]*Костюнина Г.М.,Баронов В.И.*Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная Жизнь. 2016. № 2. С. 90-112

зафиксировано множество изъятий из режима наибольшего благоприятствования, что отражало широкий набор компромиссов при подготовке итогового документа. Некоторые из таких изъятий оказались невыгодны американским производителям. Так, Япония на длительный период сохраняла защитные меры против импортной говядины[247], а также систему квотирования риса [248] , Канада сохраняла защитные меры на молочную продукцию [249] , между США, Японией и Канадой также устанавливались специальные условия торговли автомобильными двигателями[250], Мексика на некоторое время сохраняла защитные меры на импорт бензинового и дизельного топлива. Более подробно потенциальные последствия реализации соглашения по ТТП на американскую экономику рассмотрены в следующей главе.

При этом, допущенные уступки не следует и переоценивать. По ряду ключевых для себя вопросов США сумели не просто провести свои предложения, но преодолеть достаточно сильную оппозицию среди других стран. Так, итоговый документ содержал достаточно жесткий вариант главы о защите прав интеллектуальной собственности (как упоминалось выше, большинство участников проекта американский вариант этой главы не поддерживало). Проект соглашения предполагал самые привилегированные для США условия в области либерализации тарифов: документ предлагал специальные условия их снижения (де-факто – временное сохранение на разные сроки) для 35 тысяч наименований товаров (для сравнения, Японии удалось выгадать привилегии лишь для пяти тысяч товарных наименований). Тем не менее достигнутые компромиссы существенно снизили

[247] TPP Full Text, Japan Appendix A: Tariff Rates Quotas // States Trade Representative Office. Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-textДата обращения: (20.06.2016)
[248]TPP Full Text, Japan Appendix B-1: Agricultural Safeguard Measures // United States Trade Representative Office. Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-textДата обращения: (20.06.2016)
[249]TPP Full Text, Canada Appendix B: Tariff Elimination Schedule // United States Trade Representative Office. Режим доступа:https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-textДата обращения: (20.06.2016)
[250] TPP Full Text, Japan Appendix D-1: Appendix between Japan and the United States Vehicle Trade // United States Trade Representative Office. Режим доступа:https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-textДата обращения: (20.06.2016)

привлекательность документа, в особенности для широких слоев населения – им с учетом облегчения доступа государств-участников ТТП на американский рынок предстояло «оплачивать» усиление регионального экономического порядка по предложенному администрацией Обамы сценарию.

Уступки, на которые пошел Вашингтон для завершения и скорейшей имплементации соглашения, были связаны с третьим аспектом эволюции инициативы. Количественное расширение участников проекта сопровождалось еще более глубокой качественной эволюцией ТТП, которая была связана с изменением международно-политической обстановки, разительно отличавшейся к 2015-2016 гг. от времени начала администрации Обамы. На фоне расширения числа участников и появления новых потенциальных членов, проект ТТП стал более селективным и во многом дискриминационным по отношению к части государств региона. Это отразилось как на официальной риторике Вашингтона, концепции ТТП как инструмента американской внешней политики, так и на практических действиях США в АТР.

Изначальной идеей ТТП, на которую нацеливалась администрация Обамы делая ставку на этот инструмент региональной политики, было создание устойчивой рабочей платформы для движения к большой торгово-экономической сделке в рамках всего АТЭС. Призыв к реформе регионального торгового режима, продвигаемый США с 2006 (возврат к инициативе создания тихоокеанской ЗСТ) и 2008 г. (присоединение к ТСЭП) изначально был вызван скорее неудачей преобразования глобальной торговой системы в рамках Дохийского раунда и стремлением выйти из этого тупика [251] , нежели частью комплексной региональной стратегии по нивелированию негативных трендов развития международной системы АТР. Хотя уже к окончанию второго срока Дж. Буша-младшего Азия начала

[251] *Gordon B.* Trading Up in Asia: Why the United States Needs the Trans-Pacific Partnership // *Foreign Affairs* Vol. 91, No. 4 (July/August 2012), pp. 17-22.

рассматриваться как более стратегически и экономически важный регион, однако главным направлением внешней политики США он так и не стал. До некоторой степени внешнеполитическая команда того времени находилась под слишком большим впечатлением от провалов в Ираке и Афганистане и слишком увлечена глобальными инициативами, чтобы обратить серьезное внимание на нарастающие в Азии проблемы.

Тем не менее, в период второй администрации Буша-младшего движение к общерегиональной ЗСТ, по крайней мере декларативно, вновь, после некоторой стагнации этого вопроса в конце 90-х – первой половине 2000-х, стало центральной американской инициативой в области экономики, перейдя, по сути, по наследству к Обаме и закрепившись впоследствии качестве одного из опорных пунктов новой политики Вашингтона на тихоокеанском направлении. К моменту концептуального оформления обамовского «разворота» в Азию идея создания торгового блока с перспективой его перетекания в общерегиональную зону свободной торговли уже мыслилась многими экспертами как неотъемлемая и одна из главных его составных частей[252], наряду с военно-стратегическим разворотом США в Тихий океан и политикой комплексного вовлечения Китая и других региональных центров силы. В таком качестве проект ТТП окончательно превратился из в большей степени экономической инициативы в геополитический проект, соответствующим образом воспринимавшийся азиатскими игроками.

Вторым этапом качественной трансформации ТТП стал его дрейф в сторону большей эксклюзивности по отношению к Китаю и России. На начальном этапе американского разворота в Азию в Вашингтоне не видели противоречия между укреплением системы многосторонних альянсов (заведомо эксклюзивной) и вовлечением новых центров силы (что подразумевало как раз инклюзивность по меньшей мере экономического порядка).

[252] Ibid.

В итоге политика США по укреплению международного порядка в АТР разделилась на две плоскости. В области безопасности администрация Обамы так и не сумела (и судя по всему такая цель и не преследовалась) уйти от структурного наследия «холодной войны» в виде сети военно-политических альянсов. Более того, эта система еще более усилилась и приняла дискриминационный по отношению к Китаю характер. Так, стратегический разворот США в АТР привел к укреплению американской сети военных баз в регионе: были в частности усилены американские контингенты в Австралии, Республике Корея, увеличилось – иногда демонстративно – присутствие ВМС США в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Так, была расширена портовая инфраструктура Сингапура, позволив городу принимать современные атомные авианосцы типа «Джеральд Форд» для ремонта и пополнения запасов[253]. В целом, в течение правления администрации Обамы США удалось существенно укрепить систему партнерств по периметру восточных границ Китая, образовавших мощную инфраструктуру стратегического сдерживания страны на тихоокеанском направлении. Одним из последних шагов в этой области является размещение противоракетной системы THAADна Корейском полуострове, официально заявленную как средство сдерживания КНДР, но де-факто направленную против КНР[254].

В то же время в экономическом измерении в начале правления администрации Обамы Пекину предлагались подчеркнуто инклюзивные форматы сотрудничества. Так в ноябре 2009 г., объявляя о развороте в Азию американский лидер отмечал, что «…США не стремятся к сдерживанию Китая и в то же время углубление отношений с Китаем не означает ослабления наших двусторонних альянсов. Напротив, возвышение сильного, процветающего Китая может быть источником силы для сообщества

[253]US Navy's 'Great Green Fleet' docks in Singapore // Channel News Asia. April 20, 2016. Режим доступа: http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/us-navy-s-great-green/2712978.htmlДата обращения: (20.06.2016)
[254]*Lee B.*THAAD and the Sino-South Korean Strategic Dilemma // The Diplomat. October 7, 2016.

наций»[255]. В 2010-2011 гг. присоединение КНР к американской инициативе рассматривалось в Вашингтоне как один из возможных сценариев расширения проекта, который был бы способен ко всему прочему еще и способствовать ослаблению японо-китайских противоречий[256]. Стратегия вовлечения Китая в американский международный порядок строилась во многом на предположении о том, что сформулированные еще Дэн Сяопином внешнеполитические принципы КНР будут сохранять долгосрочную актуальность, а потребность Китая в инвестициях и доступе на внешние рынки для сохранения устойчивого развития стран будет продолжать толкать Пекин в сторону западных интеграционных форматов.

Однако, после прихода к власти пятого поколения лидеров КНР во главе с Си Цзинпинем китайская политика в АТР стала более наступательной, что оказалось для Вашингтона известной неожиданностью[257]. Более проактивный характер внешней политики КНР проявился и в нарастании конкуренции в области институционального строительства. Так, в 2013 г. была выдвинута инициатива РВЭП – формально асеановская, но на деле активно поддерживаемая Пекином торгово-экономическая альтернатива ТТП. Двумя годами позже, в 2015 г. Пекин инициировал создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Концепции обеих инициатив строились в значительной степени вокруг потребностей стран Юго-Восточной Азии в инфраструктурном развитии и инвестициях, что могло стать серьезным противовесом фокусирующейся на либерализации торговли повестке ТТП. Так, по оценкам Азиатского банка развития объем необходимых странам ЮВА только инвестиций в развитие транспортно-логистической инфраструктуры может достигнуть 8 трлн. долл. США до 2025 г[258].

[255] Remarks by President Obama in Santury Hall // White House. November 14. 2009. [Электронный ресурс].Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hallДата обращения: (20.06.2016)

[256]*Gordon B.*The Trans-Pacific Partnership and the Rise of China //Foreign Affairs. November 7, 2011.

[257]*Godbole A.* China's Asia Strategy under President Xi Jinping // Strategic Analysis, 2015 Vol. 39, No. 3, 298–302.

[258]*Morgan P., Plummer M., Wignaraja G.* Regional Transport Infrastructure: Mapping Projects to Bridge South Asia and Southeast Asia // ADB Briefs. No 43. September 2015.

Для США и их проекта ТТП китайские инициативы стали неприятной неожиданностью. Во-первых, ТТП перестало быть единственной инициативой, претендующей на роль универсального институциональной оболочки для всего АТР. В состав РВЭП помимо Китая и 10 стран АСЕАН вошли Япония и Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия и Индия, сформировав таким образом даже более представительский пул участников переговоров, чем ТТП (16 стран против 12). Во-вторых, РВЭП выдвинул альтернативную экономическую повестку, предлагая концентрироваться не на развитии стандартов, а на развитии инфраструктуры, что с одной стороны усиливало позиции Китая (недостаточно опытного в плане формирования и продвижения стандартов, но обладающего большими капитальными средствами для инфраструктурных проектов), с другой – в большей мере соответствовало запросам развивающихся стран региона и их пониманию нужной им региональной архитектуры (более мягкие стандарты торговли и институты, ориентированные на развитие)[259].

Наличие у Китая собственного проекта региональной экономической архитектуры естественно снизило вероятность присоединения Пекина к конкурирующему проекту. В 2014 г., через год после выдвижения инициативы по РВЭП, конкуренция за право определять институциональную повестку еще более усилилась. С одной стороны, США, изначально наметившие дату заключения соглашения на 2012 г., а затем перенесшие его на 2013 г., не сумели завершить переговоры и в 2014 г. На саммите АТЭС, проходящем в Пекине, США и другие 11 стран-участников ТТП ограничились лишь отдельной встречей и декларацией о намерении продолжать переговоры и завершить проект в ближайшем будущем, даже без указания определенных сроков[260].

[259] *Chang G.* TPP vs. RCEP: America and China Battle for Control of Pacific Trade // The National Interest. October 6, 2015.

[260] Trans-Pacific Partnership Leaders' Statement // White House. November 10m 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/10/trans-pacific-partnership-leaders-statement Дата обращения: (20.06.2016)

Китай напротив продолжил наступление и сделал попытку перехватить у США инициативу в определении интеграционной повестки в регионе, что во многом отражало оправданное недоверие Пекина к региональной политике администрации Обамы и фактический провал политики вовлечения КНР[261]. В ходе саммита АТЭС в Пекине китайский лидер предложил вновь вернуться к переговорам по созданию общерегиональной ЗСТ на базе АТЭС, минуя «блоковые» форматы, т.е. по сути перезапустить переговорный процесс уже с участием всех 21 участника форума[262]. Несмотря на то, что китайская инициатива по сути была прямым возвратом к озвученным еще в 2006 г. предложениям администрации Буша-младшего, в Вашингтоне она была воспринята негативно, т.к. во многом девальвировала развивавшийся уже в течение шести лет проект ТТП. Так, торговый представитель М. Фроман назвал создание ЗСТ в масштабах АТР преждевременным и заявил о том, что США вначале намерены завершить уже идущие переговоры[263].

О том, что китайские инициативы 2013-2014 гг. были призваны оказать давление на главный американский институциональный проект регионе говорит то, что предложение о переходе к общерегиональной ЗСТ отчасти девальвировало и предложенный китайцами же РВЭП. В условиях, когда переговоры в рамках РВЭП к 2014 г. столкнулись с рядом трудностей и были пролонгированы до 2015 г. (и тогда также не были завершены), Пекин попытался, что называется, «повысить ставки». При этом и сам РВЭП предполагал такое же «ступенчатое» движение к общерегиональной ЗСТ, что и ТТП: по завершении переговоров новое объединение должно стать открытым для всех других стран АТР. Однако, с заведомо более низкими стандартами и фокусом на традиционном снижении тарифных барьеров между членами АСЕАН и его партнерами по ЗСТ.

---

[261]*Труш С.М.* Отношения США – Китай: события, мотивации, глобальный контекст // США. Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 2. С. 25 – 42 ;
[262]*Tiezzi S.*As TPP Leaders Celebrate, China Urges Creation of Asia-Pacific Free Trade Area // The Diplomat. November 19, 2015.
[263]*Davis B.*China, U.S. Parry Over Preferred Trade Pacts at APEC // The Wall Street Journal. November 9, 2014.

«Институциональное наступление» Китая на тихоокеанском направлении продолжилось и в 2015 г., ознаменовавшись созданием Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, участниками которого стали многие союзники США, в том числе и внерегиональные. АБИИ с уставным капиталом в 100 млрд. долл. призван оказывать помощь развитию в таких сферах как энергетика и электроснабжение, транспорт, телекоммуникации, инфраструктура для развития сельского хозяйства, водоснабжение, развитие городской инфраструктуры и др[264]. Тем самым Китай обзавелся институциональным зонтиком для продвижения своих проектов в ЮВА (что отчасти возлагалось и на РВЭП). При этом АБИИ вступает в прямую конкуренцию с американскими программами помощи региону. Так, крупнейшими получателями американской помощи в Азии являются Филиппины (ок. 200 млн. долл.), Индонезия (155 млн.), Мьянма (ок. 80 млн.), Таиланд (10 млн.)[265] – при этом все эти страны, за исключением Мьянмы являются потенциальными участниками ТТП. Указанные государства в скором времени станут реципиентами китайской помощи развития, что может существенно снизить американское влияние на эти страны. Тем самым конкуренция Пекина и Вашингтона в регионе, прежде всего в ЮВА начала активно развиваться и в такой сфере как предоставление помощи.

При этом, второй страной, которая может оказаться в заведомо невыгодном положении при условии реализации ТТП является Россия. На этом фоне альтернативные американским институциональные инициативы в АТР дополнились евразийским треком, за счет развития сотрудничества Пекина и Москвы. Так, летом 2016 г. была достигнута российско-китайская договоренность во сотрудничеству в создании евразийского всеобъемлющего партнерства с участием стран Центральной Азии, а также, возможно, Ирана, Индии, Пакистана, других стран. Впервые эта инициатива была озвучена в

[264] What is the AIIB // The Asian Infrastructure Investment Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://euweb.aiib.org/html/aboutus/introduction/aiib/?show=0Дата обращения: (20.06.2016)
[265] US Foreign Aid Statistics by Country // Foreign Assistance Statistical Webpage. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://beta.foreignassistance.gov/Дата обращения: (20.06.2016)

июне 2016 г. российским Президентом В. Путиным во время Петербургского экономического форума. Российский лидер призвал к созданию «большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас (России – прим. автора) уже сложились тесные отношения, - Китай, Индия, Пакистан, Иран и… партнеров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений»[266]. Уже 25 июня в совместном заявлении двух лидеров по итогам визита Президента России в Китай создание евразийского всеобъемлющего партнерства провозглашалось одной из приоритетных целей дальнейшего развития двустороннего сотрудничества и международных отношений в Евразии в целом[267].

Эти инициативы оказывали структурное давление на ТТП, ужесточая американскую позицию по вопросу о продвижении объединения. В результате проект, официально позиционируемый как формат открытого регионализма стал практически открыто позиционироваться Вашингтоном как инструмент навязывания американских правил международной торговли и укрепления американского регионального и глобального лидерства. Так, информация о возможном присоединении Пекина к ТТП летом 2015 г. преподносилась практически как капитуляция КНР[268]. При этом глава американского государства заметил, что если Китай все же не пожелает присоединиться к соглашению по ТТП, ему все равно придется считаться с правилами партнерства, так как большая часть региона будет вести торговлю именно по этим нормам и стандартам[269]. Характерно, что вскоре после этого заявления в американских СМИ и научно-аналитических центрах началась информационная кампания по популяризации китайского участия в проекте,

[266] *Латухина К.* Путин объявил о создании большого Евразийского партнерства // Российская Газета. 17 июня, 2016.

[267] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. 25 июня 2016 г. [Официальный сайт]. Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/5100Дата обращения: (20.06.2016)

[268] Об этом Б. Обама сообщил в интервью американской прессе, заявив, что Пекин начал по дипломатическим каналам зондировать возможность своего участия в проекте. Показательно, что представить эту информацию публике посчитал нужным лично глава американского государства, несмотря на то, что ни о начале переговоров, ни тем даже начале консультаций речи не шло.

[269] *Rhodan M.* Obama: China Could Join Asia-Pacific Trade Deal // Time. June 3, 2015.

направленная преимущественно на китайских читателей[270]. Такого рода «информационная атака» по-видимому должна была подготовить почву для ослабления китайских позиций до и после объявления о достижении соглашения по ТТП, которое произошло 5 октября 2015 г.[271] – и в преддверии саммита АТЭС.

Таким образом, на фоне целого ряда выдвинутых или поддержанных Китаем инициатив, бросающих прямой вызов американским позициям в институциональном измерении, наблюдалась трансформация ТТП из проекта открытого регионализма, каким он позиционировался в первые годы существования, в инструмент сдерживания Пекина и других центров силы, не входящих в орбиту американского влияния. Тем самым, проект ТТП, рассчитанный на формирование объединяющей повестки и консолидацию государств региона в рамках обновленного регионального экономического порядка начал способствовать фрагментации АТР и появлению новых линий разделения на Тихом океане – в дополнение к закрытой американоцентричной архитектуре безопасности начали появляться контуры и закрытой экономической архитектуры.

При этом расширение проекта в 2012-2013 гг. (присоединение к переговорам таких крупных государств как Мексика, Канада и Япония), утяжелили переговорный процесс и потребовали от США известной гибкости для согласования итогового документа. Повышение стратегической значимости проекта на фоне роста конкуренции с Китаем стало одним из факторов смягчения американской позиции по некоторым вопросам. Это ослабляло экономическую привлекательность соглашения и размывало коалицию его сторонников внутри США, необходимую для ратификации документа. С особенной силой внутриполитические дебаты о ТТП и его эффективности как инструмента внешнеполитического и

[270] See: *Naughton B., Kroeber A., Jonquieres G., Webster G.*What Will the TPP Mean for China? // Foreign Policy. October 7, 2015; *Mltzer J.* Why China Should Join TPP // Brookings Institute. September 21, 2015. Режим доступа: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/09/21/why-china-should-join-the-trans-pacific-partnership/ Дата обращения: (20.06.2016)

[271] *Mauldin W.*U.S. Reaches Trans-Pacific Partnership Trade Deal With 11 Pacific Nations // Wall Street Journal. October 5, 2015.

внешнеэкономического инструмента развернулись с осени 2015 г., когда администрация Обамы обнародовала документ, что позволило сторонникам и противникам предметно оценить его сильные и слабые стороны.

Глава 3. Смена курса: причины и последствия выхода США из Транстихоокеанского партнерства

3.1. Геостратегическое значение Транстихоокеанского партнерства

Как было показано в предыдущей главе, к 2015 г. стратегическая значимость ТТП в выступлениях ключевых американских чиновников начала перевешивать его экономический смысл. Если в 2010-2011 гг., когда переговоры по соглашению только начинались, оно позиционировалось преимущественно как один из инструментов перезапуска экономического роста (что было особенно важно в условиях кризиса), с 2014 г., на фоне появления альтернативной институциональной инициативы и роста китайско-американских противоречий, проект стал позиционироваться в не меньшей, если не в большей степени как инструмент стратегического контрнаступления США в регионе.

Политическое и стратегическое значение продвижения Соединенными Штатами новых крупных институциональных проектов на глобальном уровне как правило увязывается с укреплением американоцентричного экономического порядка, основанного на Бреттон-Вудских институтах и примыкающих к ним отраслевым и региональным форматам, являющимся одной из ключевых опор американского лидерства в регионе и мире. Как отметил один наблюдатель: «ТТП – это еще одна демонстрация экономической мощи Вашингтонского консенсуса, где ключевые институты, такие как МВФ и Всемирный банк играют важные роли для утверждения американского господства в мировых делах»[272]. Этому утверждению во многом вторит секретарь американского казначействаДж. Лью: «Наши инвестиции в международные институты продвигают наши стратегические интересы и укрепляют международную безопасность»[273].

[272]*FayhsalW.*The Geopolitics of the Trans-Pacific Partnership Agreement (TPPA), A US Imperial Strategy // Centre for Research on Globalization. [Electronic Resource]. January 15, 2016. Режимдоступа: http://www.globalresearch.ca/the-geopolitics-of-the-trans-pacific-partnership-agreement-tppa-a-us-imperial-strategy/5501558Датаобращения: (20.06.2016)

[273]Keep IMF and World Bank instruments of US policy, Treasury chief urges Congress // RT. March 17, 2015.[ElectronicResource]. Режим доступа: https://www.rt.com/usa/241681-treasury-chief-imf-reform/Дата обращения: (20.06.2016)

За этими заявлениями скрывается озабоченность Вашингтона глубокими сдвигами в глобальном и региональном балансе сил, негативно отражающемся на американских позициях. Потенциальное геостратегическое значение создания ТТП следует рассматривать в контексте изменения перераспределения сил между Китаем и США, которое сегодня составляет одну из главных проблем устойчивости сформировавшейся после окончания «холодной войны» организации международной системы АТР. Сложившаяся в китайско-американских отношениях стратегическая ситуация описываемая в категориях теории передачи власти (powertransitiontheory)[274], напоминает с одной стороны приведшие к Первой мировой войне англо-германские противоречия конца XIX – начала XXстолетий, в другой – экономическое возвышение США и относительно ослабление Великобритании в тот же период, что в конечном счете вылилось в относительно мирный транзит лидерства от Лондона к Вашингтону после окончания Второй мировой войны. В обоих случаях драйвером изменения баланса сил являлась экономическая динамика возвышающейся державы и относительная стагнация лидера, которая в конечном счете приводила к ослаблению позиций последнего и в других сферах – военной, политической, информационной и др. В этом смысле нынешние отношения США и Китая во многом похожи на оба кейса, что позволяет исследователям рассматривать будущее китайско-американских отношений с точки зрения того или иного сценария[275].

В то же время от обоих, «классических» случаев перераспределения сил нынешнее состояние китайско-американских отношений имеет и существенные отличия. От англо-американского транзита власти динамика взаимодействия Пекина и Вашингтона отличается гораздо большим конфликтным потенциалом и недостаточным уровнем стратегического доверия[276]. В его основе лежит прежде всего сложная региональная система

[274]*Chan S.*China, the US and the Power-Transition Theory: A Critique. Routledge. 2007.
[275] Ibid.
[276]See: *Steinberg J., O'Hanlon M.* Strategic Reassurance and Resolve. Princeton University Press. 2014.

союзов во главе США, которая укрепляя американское лидерство, порождает и ряд уязвимостей для него же: во-первых, цементируя эксклюзивный характер региональной архитектуры безопасности и тем самым ослабляя ее, во-вторых обременяя Вашингтон необходимостью защищать своих партнеров по оборонным соглашениям. В настоящий момент вокруг КНР уже есть ряд очагов напряженности, потенциально способных стать источниками эскалации: Южно-Китайское море, «дремлющая» проблема Тайваня, а также японо-китайские противоречия, которые на фоне еще большего изменения баланса сил между ними может стать предпосылкой для конфликта между Китаем и США[277].

В то же время, китайско-американские отношения далеки и от англо-германского антагонизма начала XXв. Хотя предпосылкой для войны стало экономическое усиление Берлина, конфликт между двумя странами имел прежде всего военную почву и разворачивался в военно-стратегической сфере. Противоречия между Китаем и США, хотя и имеют ряд предпосылок для перетекания в военный конфликт, все же остаются преимущественно в экономическом измерении на фоне качественно более комплексной и глубокой взаимозависимости между странами по сравнению с англо-германской связкой. Политика Великобритании в отношении Германии перед Первой мировой войной являлась реакцией на усиление военной силы Берлина – экономический рост без наращивания оборонного потенциала не воспринимался в Лондоне как прямой вызов безопасности страны – что продемонстрировало относительно мирное возвышение США. Современная же политика США в отношении Китая является реакцией прежде всего на усиление экономической силы последнего. Тем самым современные США и Великобритания начала XXв. при всей схожести ситуаций отвечали на несколько разные структурные вызовы, хотя в обоих случаях их природа была связана с возвышением новой великой державы.

[277] *Mearsheimer J.* Can China Rise Peacefully?// National Interest. October 25, 2014.

В этих условиях Транстихоокеанское партнерство приобретает большое стратегическое значение для региональной международной системы в качестве американского инструмента ослабления структурного влияния возросшей экономической силы КНР[278]. Прямым стратегическим следствием изменений расстановки сил в мировой и региональной экономике в 2000-е гг. действительно стало увеличение военных возможностей Китая и возвышающихся азиатских держав. Конвертация новыми центрами силы своих новоприобретенных экономических ресурсов в военный и политический потенциал при этом однако не носила агрессивный характер. Так, оборонный бюджет КНР по данным Стокгольмского института исследований мира вырос в 2000-2010 гг. с 23 до 115 млрд. долл. США (в пять раз), а за последующие пять лет удвоился, достигнув в 2015 г. 214 млрд. долл[279]. При этом, в течение всех этих 15 лет затрачиваемая на оборону доля китайского ВВП оставалась почти константной, колеблясь от 1,9 до 2,1%[280], что отражает условно «немилитаристский» рост военных расходов – затраты на оборону увеличивались пропорционально экономическому росту и соответственно росту материальных и финансовых ресурсов. В отличие, например, от кайзеровской Германии, наращивающей оборонные расходы опережающими экономический рост темпами.

Чисто военному усилению Китая в регионе в гораздо большей степени способствовала не конвертация экономического потенциала в оборонный, а американские же просчеты и внутренние проблемы, о чем в экспертно-политических кругах США в начале 2010-х говорилось уже почти открыто. Так, в докладе аналитической службы конгресса США от 2011 г., посвященном экономическим аспектам национальной безопасности указывалось, что «на макроэкономическом уровне рецессия 2008-2009 гг. вкупе с войнами в Ираке и Афганистане и ростом социальных расходов

[278]*Wesley M.* Trade agreements and strategic rivalry in Asia // Australian Journal of International Affairs, 2015 Vol. 69, No. 5, 479–495.
[279]SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International PeaceResearchInstitute. Режимдоступа: https://www.sipri.org/databases/milexДатаобращения: (20.06.2016)
[280]Ibidem.

ввергли федеральный бюджет США в глубокий дефицит», что по мнению авторов будет способствовать долгосрочному снижению оборонных расходов и оборонных возможностей страны – как минимум в ближайшее десятилетие[281]. Гораздо более прозаично выразился экс-министр обороны Р. Гейтс[282]. В этих условиях администрация Обамы вынуждена была пойти на решительный секвестр оборонного бюджета, что на фоне увеличивающихся военных ресурсов КНР и его опережающей экономической динамики выглядело как ослабление военно-стратегических позиций США, провоцируя опасения американских союзников по поводу способности Вашингтона выполнить свои обязательства перед лицом растущей китайской угрозы[283].

Для американских же наблюдателей рост китайской экономической мощи является тем более тревожным, что США сами прошли через тот же путь: достигнутое к началу XXвека экономическое лидерство Америки было к середине столетия конвертировано в военно-политическое. В этой связи в американских академических и экспертных кругах уже сегодня появилось «алармистское» крыло, считающее военное столкновение между Пекином и Вашингтоном неизбежным, в частности из-за необходимости Соединенных Штатов защищать своих азиатских союзников[284].

В реальности однако трансформация китайско-американского стратегического баланса в регионе не столь скоротечна, и не поспевает за динамикой экономических изменений, в том числе в силу сохраняющейся комплексной взаимозависимости[285]. Несмотря на относительное военное усиление КНР, в том числе и в сфере технологических возможностей, и снижение американских оборонных расходов, в целом военно-стратегическое

[281] *Nanto D.*Economics and National Security: Issues and Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service Report. January 4, 2011. Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdfДата обращения: (20.06.2016)

[282] Ibid.

[283] *Parameswaran P.* Explaining US Strategic Partnerships in the Asia-Pacific Regions: Origins, Developments and Prospects // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, Volume 36, Number 2, August 2014, pp. 262-289.

[284] Ibid.

[285] See: *Shambaugh D.*Tangled Titans: The United States and China. Rowman& Littlefield Publishers. 2012. – 454 p ;*Christensen T.*The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. W. W. Norton & Company. 2016. – 400 p; *Sutter R.*East Asia and the Pacific: Challenges for U.S. Policy. Westview Press Inc. 1992. – 160 p. ;

превосходство Вашингтона пока остается неоспоримым. Более того, накопленный за время «холодной войны» и после нее оборонный потенциал США в регионе остается скорее избыточным, нежели недостаточным для балансирования китайской военной мощи. Предпринятая администрацией Обамы перегруппировка американских военно-морских сил в пользу наращивания их присутствия в АТР направлена скорее на качественную оптимизацию военного потенциала США и их возможностей проецирования военной силы на Тихом океане, нежели просто на количественное наращивание мускул. В свою очередь военные амбиции КНР в АТР пока практически не распространяются далее примыкающих к китайской территории вод и по-видимому еще длительное время будут сконцентрированы на обеспечении своих позиций Южно- и Восточно-Китайском морях, где Пекину и Вашингтону видимо еще предстоит найти баланс между своими интересами и возможностями[286]. При этом наличие и у США, и у Китая значительных ядерных арсеналов, надо полагать, будет служить дополнительным стабилизатором их непростых стратегических отношений в регионе.

Вместе с тем, ТТП обладало некоторым потенциалом как инструмент сдерживания экономического развития КНР и соответственно ослабления его возможностей по конвертации экономической силы в другие внешнеполитические инструменты, в том числе военные. Так, как уже говорилось выше, заключение и введение в действие соглашения о создании ТТП без китайского участия способно было нанести Китаю экономический ущерб, способствуя некоторому замедлению его экономического роста[287]. При этом, по мере имплементации условий соглашения и перестройки региональных производственных цепочек оказываемый под их влиянием негативный эффект на китайскую экономику имел бы долгосрочный

[286]*Godbole A.* China's Asia Strategy under President Xi Jinping // Strategic Analysis, 2015 Vol. 39, No. 3, 298–302.
[287]*Devadason E.*The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese perspective // Journal of Contemporary China. No 23:87, pp. 462-479; *Иванов А.В.* Перспективы создания зон свободной торговли в АТР: Транстихоокеанское партнерство и Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли // Ежегодник ИМИ, 2015, № 4 (14). С. 164-172.

характер – особенно при условии неучастия КНР в ТТП и/или других альтернативных форматах регионального торгово-экономического сотрудничества (подробнее об этом говорилось выше).

Еще большее значение для потенциала экономической силы КНР имело бы не количественное, а качественное влияние введения новых норм и стандартов региональной торговли. Ужесточение регулирования прав интеллектуальной собственности способно оказать негативное воздействие на трансфер технологий и соответственно ограничить возможности технологического и соответственно военно-технического развития КНР. Так, глава о защите прав интеллектуальной собственности соглашения по ТТП имеет целый ряд пунктов, открыто направленных на предотвращение промышленного шпионажа («незаконное овладение торговыми и экономическими секретами»), отдельно выделяя при этом защиту от промышленного шпионажа, осуществляемого государственными предприятиями[288], что во многом направлено и против китайских компаний. Наряду с противодействием незаконного приобретения технологий в соглашении по ТТП заложено и институциональное усложнение процесса легального трансфера технологий[289]. Гораздо более эффективным в качестве инструмента такого технологического сдерживания Пекина ТТП стало бы при условии участия Китая в соглашении, нежели в случае его «институциональной изоляции». Таким образом, ТТП при условии вступления в силу способно оказать прямое, хотя и ограниченное воздействие на экономическую базу китайской мощи в АТР и мире.

Гораздо более серьезную проблему для США, нежели конвертация увеличивающегося экономического потенциала КНР в военные возможности, представлял бы другой рассмотренный нами аспект экономической силы Китая. Экономическое усиление Пекина умножило его возможности использования сложившихся в регионе связок взаимозависимости.

[288]TPP Full Text.Chapter 18 // United States Trade Representative Office. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://medium.com/the-trans-pacific-partnership/intellectual-property-3479efdc7adf#.fy725nd0aДата обращения: (20.06.2016)
[289]Ibidem.

Экономические связки КНР с ближайшими азиатскими союзниками Вашингтона не только крепнут (подробнее об этом см. в главу 1), но принимают все более ассиметричный характер. Ярким примером этому стал первый, пожалуй, со времен нефтяного эмбарго 1972 г. пример эффективного применения масштабных санкций против государств Запада со стороны незападных держав, когда Китай ввел ограничение на экспорт редкоземельных металлов в Японию [290]. В условиях, когда японская электронная промышленность осталась без сырья, а действенных контрмер у Японии не оказалось, Токио пошел на уступки [291]. Пекин же тем самым продемонстрировал наличие у него действенного экономического оружия и готовность его применять.

При этом наиболее сложный и комплексный характер в регионе приняла китайско-американская связка, которая в отличие от других комплексов взаимозависимости носит во многом симметричный характер (см. главу 1). «Полюсный» характер сложившейся в регионе экономической системы сформировал предпосылки для сильной экономической взаимозависимости между Пекином и Вашингтоном, которая в условиях примерного равенства их «экономических арсеналов» фактически играет роль взаимного сдерживания, тесно переплетаясь с другими внешнеполитическими инструментами, и составило основу противоречивой структуры азиатско-тихоокеанского регионализма [292]. Так, в 2010 г. в китайских военных кругах всерьез обсуждалась возможность применения «экономического оружия» в ответ на поставки американских вооружений на Тайвань, в частности – использование накопленных правительством КНР американских долговых обязательств для нанесения ущерба экономике США [293]. Пойди Пекин на такие шаги, перетекание ставшего уже традиционным политического конфликта вокруг Тайваня в масштабную

[290] *RellyJ.*China's Unilateral Sanctions // Washington Quarterly. Fall, 2012. pp. 121-133.
[291] Ibid.
[292] *Jeeyong K.*When Economic Interdependence Meets Power Politics: Predicting the Direction of East Asian Regionalism in Asia's Paradox // The Korean Journal of Defense Analysis, Vol. 27, No. 3, Fall2015, pp. 293–312.
[293] *Geertz B.* Chinese See US Debt as Weapon in Taiwan Dispute // Washington Times, February 10, 2010.

экономическую войну с катастрофическими последствиями для обеих сторон стало бы неизбежным. Практика китайско-американского взаимодействия, однако, показывает, что политическое руководство обеих стран тщательно избегает эскалации экономических конфликтов, имея ввиду не только опасность их перетекания в военно-политическую сферу, но прежде всего угрозу прямого неприемлемого экономического ущерба в случае разрушения сложившегося комплекса взаимозависимости[294].

Этот качественно новый стратегический ресурс Пекина стал осознаваться в Вашингтоне уже со второй половины 2000-х. Вподготовленномв 2007 г. аналитическомдокладеэкспертного управления конгрессаСША, посвященном исследованию эффективности американской стратегии безопасности в Восточной Азии с обеспокоенностью указывалось, что «Восточная Азия стремительно меняется в значительной мере из-за возвышения Китая, обусловленного стремительным экономическим ростом последнего. Новая экономическая мощь Китая придает ему новую силу и влияние в регионе»[295]. При этом в документе особое внимание уделялось возможностям Китая проецировать свое политическое влияние за счет качественно новой роли в системе региональных экономических взаимосвязей, т.е. фактически – возможность развязывать и одерживать победу в «войнах взаимозависимости». На этом фоне авторы подготовленного для конгрессменов доклада активно критиковали пассивность администрации в этих условиях: «Многие специалисты по АТР и наблюдатели, как в США, так и в странах региона, указывают, что США слишком втянуты в проблемы Ближнего Востока и в результате уделяют недостаточно внимания АТР в критический момент эволюции последнего, которая может привести к наступлению «эры Азии»[296].

[294]*Chen E.* U.S.-China Trade Relations and Economic Distrust // The Chinese Economy, 2014. No 47 (3), pp. 57-69.
[295]*Vaughn B.*U.S. Strategic and Defense Relationships in the Asia-Pacific Region // Congressional Research Service Report. January 22, 2007. Режим доступа: http://fas.org/sgp/crs/row/RL33821.pdfДата обращения: (20.06.2016)
[296]Ibidem.

Главная задача, решить которую позволяет создание ТТП, является консолидация традиционных и новых союзников вокруг США посредством усиления взаимозависимости между США и их ключевыми союзниками в регионе, а также вовлечение в американоцентричный региональный порядок других стран. Расчёты, даже некритические в отношении ТТП, предполагают, что рост товарооборота Америки и других членов проекта, вследствие заключения соглашения, будет происходить в основном за счет увеличения импорта в США[297].При этом, однако, едва ли ТТП само по себе сможет переломить магистральную тенденцию на увеличение регионализации экономических связей в Азии вокруг Китая.

Следует отметить, что для США возврат к роли, которую страна играла в экономике АТР в 50-70-е гг. – безоговорочного центра почти всех экономических связок в регионе (не считая стран социалистического лагеря) – в настоящий момент невозможно и не является целью политики Вашингтона. Гораздо большее стратегическое значение играет для Америки сохранение лидерства в технологической сфере и контроль над теми производственными и товарными цепочками, которые ориентированы на создание и трансфер высокотехнологичной продукции.

Не меньшее стратегическое значение при создании ТТП может играть установление общих нетарифных правил в пространстве многосторонней ЗСТ между США и 11 другими участниками проекта. Фактически, при официально декларированном сохранении ТТП как формата «открытого регионализма» - т.е. возможности присоединения всех стран АТР, речь идет о создании преференциального торгового мегаблока, основанного на унифицированной системе нетарифных барьеров вовне, при отсутствии (или минимизации) таковых внутри. При этом, утвердившаяся в США модель «веерного» продвижения торговых соглашений с двумя и более участниками по принципу «узлов и нитей» (hub-and-spoke), в соответствии с которым

[297]*Fergusson I., McMinimy M., Williams B.* The Trans-Pacific Partnership (TPP) Negotiations and Issues for Congress // United States Department of State. [Электронный ресурс]. pp 10-21. Режим доступа: http://photos.state.gov/libraries/vietnam/8621/pdf-forms/tpp-crsreport032015.pdfДата обращения: (20.06.2016)

государство-гегемон («узел») де-факто заключает совокупность отдельных двусторонних договоров с малыми странами («нити»), унифицируя их в едином многостороннем документе открывает Вашингтону широкие возможности для «гибкого» подхода и навязывания особых условий присоединения каждому частнику. Именно по такому пути и пошло ТТП, предложив в итоге достаточно многоуровневый режим договоренностей для стран региона.

При этом современные «высококачественные» торговые соглашения, помимо прямых экономических эффектов, связанных со снижением тарифных барьеров, стремятся максимально регулировать нетарифные меры повышения конкурентоспособности товаров и рынков. Многие такие меры традиционно относятся к внутренней компетенции государств: лицензирование интеллектуальных прав, налоговую, антимонопольную и социальную политику, судебную систему, трудовые отношения, защиту прав человека, включая защиту прав меньшинств[298]. Такой подход стал нормой для соглашений о свободной торговле, продвигаемых Соединенными Штатами, задолго до ТТП. Например, соглашение о ЗСТ между США и Сингапуром[299], помимо вопросов тарифного регулирования и связанных с ним проблем (режим фитосанитарного контроля, таможенный контроль, др.) фокусируется на защите прав интеллектуальной собственности, унификации технических стандартов, лицензирования продукции, установлении соизмеримых требований к трудовому законодательству, регламентации вопросов урегулирования судебных споров. Такая жесткая регламентация нетарифных мер регулирования торговли позволяет выставлять эффективные барьеры на пути конкурентов (особенно в сфере высокотехнологичной, сельскохозяйственной продукции, финансовых услуг, электронной торговли).

[298]Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement [Electronic Resource].// New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://www.mfat.govt.nz/downloads/trade-agreement/transpacific/main-agreement.pdfДата обращения: (20.06.2016)

[299] See: United States – Singapore Free Trade Agreement // United States State Department [Электронныйресурс] Режимдоступа: http://www.state.gov/documents/organization/131497.pdfДатаобращения: (20.06.2016)

Тем самым ТТП являлся не только инструментом усиления экономического веса США и «перекройки» региональной экономики и обслуживающего ее региональной экономической архитектуры. ТТП представлял собой прямую реакцию и на стратегические вызовы, нацеленную на фундаментальный источник сдвигов баланса сил в регионе – «текучесть» экономики АТР, которая приводит к формирования системы взаимозависимостей с диспропорционально – с точки зрения Вашингтона – большой ролью Китая. Стратегически ТТП тем самым было направлено на девальвацию повышающейся политической роли Пекина и долгосрочное закрепление за США роли гегемона на Тихом океане.

Таким образом, ТТП рассматривался как эффективный инструмент стратегического усиления США в АТР. Для региональных игроков и наблюдателей заключение соглашения по ТТП стало одним из главных индикаторов успешности проводимого администрацией Обамы «разворота в Азию». Так, видимая стагнация ТТП в 2013-2014 гг. вызвала дебаты о состоятельности тихоокеанской политики США и способности администрации Обамы сформулировать позитивную повестку для АТР[300]. Достижение же соглашения по ТТП между 12 участниками проекта в октябре 2015 г. было воспринято как крупная победа Вашингтона, способная существенно усилить его позиции в регионе и мире, прежде всего относительно его главного регионального конкурента – КНР. Показательно, что в ходе последовавших за подписанием соглашения внутриамериканских дебатов по вопросу о его ратификации одним из главных аргументов сторонников ТТП стала игра на антикитайских настроениях. Так, прямо указывалось, что отказ от ратификации соглашения может стать крупным внешнеполитическим поражением США и существенно подорвать его позиции в АТР, соответственно, усилив позиции Китая[301].

[300] *SeibJ.* Obama Presses Case for Asia Trade Deal, Warns Failure Would Benefit China // The New York Times, April 27, 2015.
[301] *Cohen R.* If the Trans-Pacific Partnership Crumbles, China Wins // New York Times. June 2. 2016.

С точки зрения интересов США создание торгового объединения было призвано прежде всего укрепить экономическое измерение американоцентричного регионального порядка, которое является источником наиболее негативных трендов для американского лидерства в АТР. Усиление регионального экономического порядка и роли Вашингтона в нем с помощью создания ТТП должно было проходить по трем направлениям.

Во-первых, увеличение экономической взаимозависимости между США и участниками объединения, которое в соответствии с изначальными планами должно было быть распространено на весь Азиатско-Тихоокеанский регион, однако на данный момент пока охватывает преимущественно союзников Вашингтона на Тихом океане. Установление унифицированной ЗСТ между ними призвано было вернуть США центральную роль в системе тихоокеанских экономических связей, которую они сохраняли с окончания Второй мировой войны до 90-х гг[302].

Во-вторых, ослабление деструктивного для центральной роли США в региональном экономическом порядке потенциала роста экономической мощи и влияния развивающихся государств, прежде всего Китая посредством ограничения трансфера капитала и технологий. Ужесточение правил международной торговли в АТР во многом должно было ослабить эффект «перетекания» экономических ресурсов и силы от США в Китай и Азию, прежде всего в области технологического развития и тем самым замедлить невыгодное для Вашингтона изменение баланса сил в регионе.

В-третьих, создание в регионе многосторонней ЗСТ по американским стандартам должно было способствовать долгосрочному закреплению выгодных США и американскому бизнесу правил игры в области международной торговой и инвестиционной деятельности. Такая институционализация лидерства через экспорт норм и стандартов призвана способствовать долгосрочному закреплению центральной роли Вашингтона в

[302]*Williams B.R.* (ed) The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications // Congressional Research Service Report. February 3. 2016. [ElectronicResource]. Режимдоступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdfДатаобращения: (20.06.2016)

региональных процессах, даже в условиях, когда их реальное влияние не политику государств АТР сокращается, что превращает нормы и стандарты в арену геополитического противостояния[303].

Однако, с точки зрения стратегического воздействия на международную систему АТР инициатива ТТП также имела и существенные изъяны. Даже в случае реализации, стратегическое влияние ТТП на региональную международную систему и на американское лидерство в ней было бы неоднозначным в силу ряда изначально содержавшихся в нем структурных слабостей. Начав продвигать инициативу, Вашингтон руководствовался несколькими установками, которые заведомо сужали возможности использования этого инструмента как средства укрепления международного порядка.

Во-первых, американская инициатива должна была ликвидировать или ослабить описанный в предыдущей главе феномен «тарелки лапши» - т.е. множественности институциональных форматов и диалоговых площадок, что однозначно рассматривалось в администрации Обамы как негативное явление [304] . Большое количество многосторонних форматов по сути предполагалось так или иначе интегрировать в общерегиональную повестку развития под эгидой США и до известной степени лишить страны региона альтернативы.

Однако, на практике попытка США позиционировать свой проект как архитектуру, призванную преодолеть центробежные силы в регионе, привела к обратному эффекту, «подстегивая» развитие конкурирующих форматов. Так, в 2013 г. как прямой ответ на развитие ТТП стартовала инициатива РВЭП. Отчасти как конкурирующий с американской институциональной инициативой формат в 2015 г. был создан Азиатский банк инфраструктурных

[303]*Bishop A.* Standard Power: The New Geopolitical Battle // National Interest. October 7, 2015. Режим доступа: http://nationalinterest.org/feature/standard-power-the-new-geopolitical-battle-14017Дата обращения: (20.06.2016)

[304]Clinton's Remarkson Regional Architecture in Asia, January 2010 // Council on Foreign Relations. January 12,2010. Режим доступа: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/clintons-remarks-regional-architecture-asia-january-2010/p21218Дата обращения: (20.06.2016)

инвестиций (АБИИ) – созданный по инициативе КНР и во многом контролируемый им институт регионального развития, предлагающий странам Азии иной, альтернативный экономической либерализации источник роста. Не последнюю роль переговоры по ТТП и их успешное завершение в 2015 г. играли в подстегивании и создании Сообщества АСЕАН, о завершении переговоров по которому было объявлено в декабре 2015 г., спустя всего два месяца после официального завершения переговорного процесса по ТТП. Тем самым установка на противодействие азиатскому регионализму, а не на попытку оседлать культивируемую в асеановских форматах, во многом далекую от неолиберализма повестку, сыграла с Вашингтоном злую шутку.

Во-вторых, слабостью американского подхода было то, что политика США в отношении многосторонних институтов увязывалась с развитием традиционных союзов и их адаптацией к новым структурным условиям. Это означало, что любые крупные институциональные инициативы США априори должны были опираться на традиционных союзников и требовали координации американской дипломатии с ними. Однако, такой подход заведомо снижал доверие к американским инициативам со стороны новых центров силы, прежде всего Китая, и заставлял их рассматривать декларативно «объединяющие» форматы под эгидой США скорее как выстраивание и укрепление «закрытой» американоцентричной архитектуры. Что способствовало утверждению «блокового» подхода в политиках великих держав в АТР и Евразии, а отнюдь не предотвращало его.

В-третьих, оба компонента: отношения Вашингтона с союзниками и его инициативы в области институционального строительства и развития многосторонних диалоговых форматов – оказались в плену того дуализма между вовлечением и сдерживанием, который наблюдался в политике администрации Обамы на китайском направлении, Инициативы по вовлечению Китая, к которым можно отнести уже упомянутое создание

Стратегического и экономического диалога[305], инициативу по формированию Группы двух (отвергнутую Пекином) [306] и не в последнюю очередь подчеркнуто открытый характер ТТП соседствовали с недвусмысленными действиями по сдерживанию роста китайского влияния в регионе. Так, во время своего азиатского турне в 2010 г. американский президент обошел вниманием Поднебесную, посетив при этом окружающие КНР страны, озабоченные ростом китайского влияния: Индию, Южную Корею, Японию и Индонезию, что было трактовано некоторыми наблюдателями как шаг, направленный на «мягкое» стратегическое окружение Китая [307]. В ходе обострения территориальных кризисов в Восточно-китайском и Южно-китайском морях США все более последовательно и почти открыто занимали антикитайскую позицию[308].

Таким образом, в первые годы администрации Обамы привязка американской стратегии к проблеме усиления Китая означала, что любая крупная экономическая инициатива в регионе должна была преследовать целью вовлечение Пекина в новые форматы взаимодействия и в конечном счете закреплять его участие в американском порядке, но одновременно – и работать н ослабление китайского влияния. В результате «вовлекающие» инициативы Вашингтона, выдвигаемые, что называется, «на лафетах» традиционных военно-политических альянсов – как объединяющий американских союзников ТТП -провоцировали Пекин на контрреакцию, которая как было показано в предыдущей главе способствовала эволюции инициативы с сторону инструмента сдерживания. Это отчасти девальвировало стратегическую значимость инициативы как инструмента укрепления регионального порядка – изначально позиционируемое как направленное на вовлечение Китая и других центров силы, ТТП на деле становилось фактором разделения региона и частью аппарата сдерживания.

[305]US-China Strategic and Economic Dialogue // United States Department of State. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.state.gov/e/eb/tpp/bta/sed/Дата обращения: (20.06.2016)
[306]*Zeng J., BreslinS.*China's 'new type of Great Power relations': a G2 with Chinese characteristics? // The Royal Institute of International Affairs. July 2016. Vol. 92. No 4.
[307]*Friedberg A.*How Barack Obama Became a China Hawk // New Republic. November 10, 2010.
[308]*Blair D., Hornung J.* How to Prevent China form Changing the Status Quo // The Diplomat. September 31, 2016.

Вместе с тем, рост китайско-американских противоречий способствовал тому, что именно такая роль – проекта антикитайской направленности – была избрана администрацией Обамы для продвижения внутри страны с целью ратификации документа.

3.2. Оценка потенциального экономического влияния Транстихоокеанского партнерства

На фоне растущего стратегического значения ТТП в американском внешнеполитическом дискурсе, итоговый текст соглашения, предложенный администрацией Обамы, дал пищу для дебатов относительно экономического содержания инициативы. Особую значимость экономическое измерение ТТП приобрело в условиях президентской выборной гонки, развернувшейся в США в 2015-2016 гг. Американским элитам предстояло оценить, насколько дорогостоящим является предложенный администрацией Обамы инструмент и насколько он эффективен с точки зрения защиты американских интересов в АТР.

Анализ потенциального экономического влияния вводящихся в рамках ТТП новых правил международной торговли можно свести к трем основным аспектам. Прежде всего, это потенциальное влияние ТТП на потенциал и динамику роста стран региона, как входящих в объединение, так и не являющихся участниками проекта. Во-вторых, это эффект от заключения соглашения на экспорт товаров, услуг и капитала и структуру международных торгово-инвестиционных связей, т.е. влияние на степень экономической взаимозависимости между государствами региона. В-третьих, это последствиядля экономики страны-лидера объединения - США.

К моменту заключения соглашения осенью 2015 г. ТТП включало в себя 12 участников с перспективой дальнейшего расширения (с учетом стран, официально заявивших о заинтересованности в присоединении к проекту – до 17 членов). По данным службы торгового представителя США

объединение охватывает 40% мировой торговли [309], что делает проект потенциально крупнейшим соглашением в области международной торговли со времени создания ВТО. При этом США являлись безоговорочной экономикой-гегемоном объединения: на американский ВВП приходилось более 60% от суммарного ВВП всех участников соглашения (ВВП США в 2015 г. составило ок. 17,5 млрд. долл., при том, что суммарный ВВП всех остальных государств-участников проекта – менее 12,3 млрд.)[310].

Расчеты потенциального макроэкономического влияния заключения соглашения по ТТП на АТР демонстрировали, что распределение выгод и потерь для стран региона неравномерно как внутри объединения, так и вне его. Наибольший потенциал прироста ВВП был бы у развивающихся стран, ориентированных на экспорт переработанной продукции на рынки США, Японии и других ведущих экономик[311]. Страны со схожей экономической моделью, но не являющиеся участниками ТТП могли наоборот, оказаться среди проигравших от заключения соглашения. Этидве группы государств составляли своего рода «полюсы» стран-наибольших выгодоприобретателей и государств, которые могут понести наибольшие экономические потери от заключения соглашения. К первым относятся Вьетнам, Малайзия, в меньшей степени – Перу и Мексика.

Экономики крупных развитых стран (к которым относятся прежде всего, составляющие экономическое «ядро» торгового блока США и Япония, а также Канада и Австралия) должны были испытать меньший краткосрочный эффект от имплементации условий соглашения, как в силу размеров их экономик, так и ввиду того, что облегчение доступа на рынки менее развитых партнеров само по себе не может стать для них определяющим драйвером экономического роста. Для этих государств гораздо большую важность представляют возможности оптимизации

[309]Trans-Pacific Partnership // White House [Электронныйресурс]. Режимдоступа: https://www.whitehouse.gov/issues/economy/tradeДатаобращения: (20.06.2016)
[310]GDP Data by Country // World Bank Data. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/Дата обращения: (20.06.2016)
[311]*Deardorff A.*Trade Implications of the Trans-PacificPartnership for ASEAN and Other Asian Countries // Asian Development Review, vol. 31, no. 2, pp. 1–20

производственных цепочек и связанных с ними инвестиционных потоков, которые предоставляет предлагаемая ТТП унификация правил международной торговой и инвестиционной деятельности[312].

При этом введение некоторых правил, предусмотренных ТТП имеет большое значение и особенно выгодно для некоторых наукоемких отраслей развитых государств. Например, соглашение предусматривает регулирование трансфера биотехнологий и основанной на них продукции, что чрезвычайно важно для американских фармацевтов[313]. Еще более важным является в целом переориентация торгового соглашения на защиту интеллектуальных прав и регламентирование транснационального «перетекенаия» интеллектуальной собственности и технологий – в гораздо большей степени, чем это было предусмотрено условиями вошедшего в пакет соглашений ВТО ТРИПС[314], актуализация и модернизация норм которого может стать одним из наиболее ценных институциональных нововведений ТТП[315]. Таким образом, США и другие развитые страны в экономическом отношении получат не столько рост, сколько создание более комфортного и защищенного режима бизнес-деятельности своих компаний.

Несколько особняком стоят малые государства – Сингапур и Бруней, а также Новая Зеландия. Для Сингапура, и без того достаточно активно развивающего свою сесть ЗСТ (имеет соглашения о свободной торговле почти со всеми странами-участниками ТТП) унификация нормативной базы торгово-инвестиционной деятельностью между большей частью государств-членов АТЭС и снижение тарифных ограничений между ними повышает историческую роль этого островного государства в качестве главного транспортно-логистического хаба. С этой точки зрения для Сингапура

[312] Ibid. P. 224.
[313] *Luo J., Kesselheim A.S.* The Trans-Pacific Partnership Agreement and Implications for Access to Essential Medicines // Journal of American Medical Association October 20, 2015. Volume 314, Number 15, pp. 1563-1564.
[314] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) // Официальный сайт ВТО. Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=12746Дата обращения: (20.06.2016)
[315] *Hufbauer G., Cimino-Isaacs C.* How will TPP and TTIP Change the WTO System? // Journal of International Economic Law, 2015, 18, pp. 679–696.

экономически выгодны любые двусторонние и многосторонние форматы ЗСТ, участником которых он сам является. Во многом, поэтому Сингапур является и членом другого проекта – РВЭП, а также ведет переговоры по заключению ЗСТ с ЕАЭС[316].

Бруней – самое маленькое государство-участник проекта ТТП (население ок. 400 тыс. человек), более 90% экспорта которого составляют углеводороды. Так, в 2014 г. общий объем экспорта Бруней составил 10,8 млрд. долл. США, из которых 5,4 млрд. пришлось на природный газ, а 4, 47 млрд. – на сырую нефть[317]. При этом, при объеме ВВП в 17,1 млрд. долл. США на экспорт углеводородов приходится почти 60% ВВП страны[318]. Заключение и вступление в силу соглашения по ТТП не оказало бы на Бруней такого же эффекта как на Малайзию и Вьетнам, ввиду того, что стоимость газа и нефти в малой степени определяется теми режимными изменениями, которые предусматривает ТТП, хотя введение общих правил будет способствовать снижению издержек по транспортировке ресурсов. Гораздо большее значение и экономический эффект будет иметь снижение стоимости импорта за счет снижения тарифных барьеров. Среди крупнейших по объемам импортных продуктов, снижение пошлин на которые предусматривает соглашение по ТТП – продукты нефтепереработки, в т.ч. бензин (объем импорта в 2014 г. - 381 млн. долл. США) и автомобили (290 млн. долл.)[319].

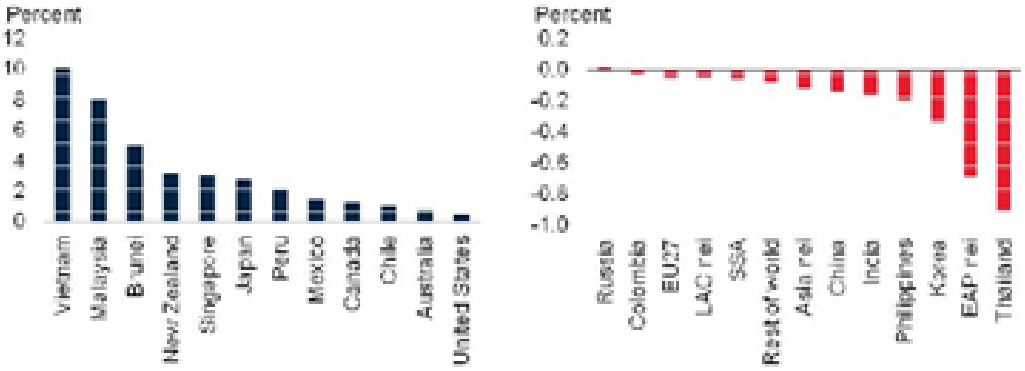
Для Новой Зеландии – небольшой страны (население около 4,5 млн. человек) наибольшую заинтересованность будет представлять либерализация сельскохозяйственного рынка. Среди крупнейших по объемам поставок наименований экспорта Новой Зеландии – молоко (7,7 млрд. долл.), мясо мелкого рогатого скота (2,57 млрд. долл.), масло (2,22 млрд. долл.), необработанная древесина (1,87 млрд. долл.) и говядина (1,81 млрд.), при

[316]Глава коллегии ЕЭК: Сингапур заинтересован в создании ЗСТ с ЕАЭС // Информационное Агентство ТАСС. 16 июня, 2016 г. Режим доступа: http://tass.ru/pmef-2016/article/3369068Дата обращения: (20.06.2016)
[317] Brunei Economic Data // Observatory of Economic Statistics. Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/brn/Дата обращения: (20.06.2016)
[318]Ibid.
[319]Ibid.

этом в сумме только эти пять первых наименований составляют почти 40% всего экспорта страны (в 2014 г. составил 42 млрд. долл.)[320]. При этом Веллингтон в наибольшей степени был заинтересован в сокращении тарифных и иных мер поддержки сельскохозяйственной отрасли, в особенности мясомолочной продукции ввиду сравнительно более низкой (по сравнению с ведущими конкурентами – Канадой, Австралией и США) себестомиостью производства. Несмотря на то, что итоговое соглашение по ТТП вобрало в себя большое количество особых условий для аграриев ряда стран, включающие как меры защиты национального производителя, так и субсидионные и иные формы его поддержки, итоговое соглашение оказалось для Новой Зеландии скорее выгодным[321].

Последние расчеты макроэкономического влияния ТТП на государства АТР подтверждают, что распределение позитивных и негативных эффектов от вступления его в силу будут неравномерны:

График 7. Потенциальный рост ВВП в странах АТР при условии вступления в силу соглашения по ТТП



Источник: Всемирный Банк, 2016

Главными бенефициарами соглашения с точки зрения прироста ВВП должны были стать Вьетнам и Малайзия: экономика первого в течение последующих 15 лет могла вырасти на 10% (дополнительный прирост в

[320] New Zealand Economic Data // Observatory of Economic Statistics. Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/nzl/Дата обращения: (20.06.2016)
[321] Ibid.

среднем на 0,75% в год), малазийская же экономика может дать дополнительных 8% (в среднем ок. 0,5% в год)[322]. И Вьетнам, и Малайзия являли собой во многом схожие экономические модели: развивающиеся экспортно-ориентированные экономики с недорогой (даже по меркам Азии) рабочей силой, наращивающие промышленную базу за счет привлечения внешних инвестиций и размещения иностранных (в основном западных) производств.

Однако, хотя количественно Вьетнам и Малайзия могли выиграть больше всего, качество их роста в долгосрочной перспективе, по-видимому, должно было снизиться. Правила ТТП ориентированы (в еще большей степени, чем ВТО) на закрепление государств в международной системе разделения труда с достаточно «негибкой» спецификацией. Например, одна лишь глава по защите прав интеллектуальной собственности (одна из самых больших и узко регламентированных) существенно ограничивает возможности трансфера технологий из развитых стран (во многом «дырявые» и не имеющие эффективных институтов контроля и принуждения правила ВТО создавали достаточно мягкий режим для импортирования технологий развивающимися странами, прежде всего Китаем) [323] . На ужесточение написанных в Вашингтоне правил, особенно в интересующих его сферах, ориентированы и предусматриваемые соглашением по ТТП правила разрешения споров[324].

Наибольший удар по возможностям усиления конкурентоспособности развивающихся стран в высокотехнологичных областях могут нанести правила регулирования деятельности государственных монополий [325]. Так, правила ТТП запрещают предоставление некоммерческой помощи таким предприятиям. Под «некоммерческой помощью» при этом подразумевается

[322]Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership // World Bank Global Economic Propsects, January 2016, pp. 227-228.
[323]*Ianchovichina E., Martin W.* Trade Liberalization in China's Accession to WTO // Journal of Economic Integration. Vol. 16, No. 4 (December 2001), pp. 421-445.
[324] TPP Full Text Chapter 28 // United States Trade Representative Office. Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-textДата обращения: (20.06.2016)
[325] TPP Full Text Chapter 17 // United States Trade Representative Office. Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-textДата обращения: (20.06.2016)

выдача грантов, прощение долгов, выдача кредитов на более льготных условиях, чем для частных предприятий и т.д. Т.е. те традиционные меры поддержки, которые используются развивающимися государствами для создания стратегических предприятий, способных эффективно выдерживать конкуренцию на международном рынке, в том числе в высокотехнологичных областях. Между тем именно создание и поддержка таких стратегических предприятий является одним из ключевых инструментов повышения международной конкурентоспособности развивающихся государств[326].

В соглашении также указывается, что при осуществлении коммерческой деятельности государственные компании должны действовать исходя из коммерческих соображений. Под термином «коммерческие соображения» в соглашении понимаются «цена, качество, транспортировка, доступность, конкурентоспособность и другие условия покупки или продажи; или прочие факторы, которые принимаются во внимание в коммерческой деятельности частных компаний»[327]. При этом соглашение фактически напрямую запрещает использование государственных монополий в некоммерческих, то есть политических целях, читай – в качестве инструмента внешней политики государств-владельцев. Несмотря на то, что в самих США внешнеэкономическая деятельность все активнее становится на службу американским национальным интересам, а крупным американским компаниям в некоторых случаях предлагается играть роль внешнеполитических агентов.

Правила ТТП также существенно ограничивают возможности государственной поддержки экспорта, как путем прямых бюджетных субсидий, так и на внебюджетной основе. Между тем, международная конкуренция, особенно в высокотехнологичной сфере как раз все в большей степени характеризуется практикой «стратегической торговли» [328] -

[326]See: *Hart J., Aseem P.* Strategic Trade and Investment Policies: Implications for the Study of International Political Economy // *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. Boston: Bedford/St. Martin's. 2000
[327]Ibid.
[328] See: *OatleyT.*International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy. Longman. 2008.

активизацией различных форм государственной поддержки компаний-лидеров, которые не способны конкурировать с крупными и обладающими превосходящими ресурсами западными ТНК. Этой моделью характеризовалось и становление до сих пор сохраняющей экспортную ориентацию Японии, занявшей одни из лидирующих позиций в мировой экономике в 80-е гг[329]. нормы ТТП ориентированы на ослабление такой государственно-монополистической модели развития. Несмотря на то, что США и сами проявляют тенденцию к использованию таких инструментов повышения собственной конкурентоспособности. Таким образом, предложенная для Вьетнама, Малайзии, других развивающихся стран региона парадигма развития в рамках ТТП, хотя и влечет за собой немалый потенциал роста, однако в долгосрочной перспективе может зафиксировать эти страны в ловушке группы государств со средними доходами и узкой специализацией в системе международного разделения труда.

Среди проигравших от заключения соглашения также окажутся ближайшие союзники США в регионе. Так, потенциальным проигравшим может стать Таиланд, главным образом опять же из-за схожести его экономической модели с экспортно-ориентированными моделями его соседей по региону (и партнеров по АСЕАН): Вьетнама и Малайзии. Данные страны конкурируют за размещение у себя элементов производственных цепочек американских ТНК и доступ на западные рынки, что автоматически означает потерю Таиландом относительной конкурентоспособности в случае создания более благоприятного режима торговли для его соседей. При этом, даже при том, что Таиланд может понести наибольшие потери от вступления ТТП в силу, негативный эффект заключения соглашения фактически будет незначительным: всего около 1% ВВП до 2030 г[330].

Незначительный негативный эффект на динамику ВВП окажет заключение соглашения по ТТП и на экономики двух других важных

[329]*Stubbs R.* War and Economic Development: Export-Oriented Industrialization in East and Southeast Asia // Comparative Politics. Vol. 31, No. 3 (Apr., 1999), pp. 337-355.
[330]Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership // World Bank Global Economic Propsects, January 2016, pp. 227-228.

союзников США в регионе: Республики Корея и Филиппин (0,4 и 0,2% ВВП в течение последующих 15 лет)[331]. Обе этих страны имеют исторически сложившиеся тесные экономические связи с США, остающихся для них одним из крупнейших источников инвестиций и технологий, а также важным рынком сбыта (для Филиппин США являются также крупнейшим внешним донором, ежегодно предоставляющим различные виды помощи на общую сумму ок. 200 млн. долл. США)[332].

При этом для Южной Кореи негативный эффект от создания ТТП был бы заведомо снижен ввиду наличия между этой страной и США зоны свободной торговли – заключенное в 2011 г. соглашение (ратифицировано и вступило в силу в 2012 г., является хронологически последней ЗСТ, созданной при участии США)[333] содержит во многих аспектах схожие условия, что и проект соглашения по ТТП. В определенном смысле, заключение соглашения о ЗСТ между США и Южной Кореей – крупнейшее по объему двусторонней торговли из всех заключенных США в Азии, - которому предшествовали длительные и достаточно тяжелые переговоры, стало своего рода «полигоном» для апробации продвигаемых Вашингтоном условий свободной торговли. При этом, можно сказать, что апробацию прошла и способность Вашингтона «продать» новые ЗСТ на внутриполитическом рынке в условиях снижающегося интереса американского населения и бизнеса к фритрейдерской внешнеэкономической повестке (см. Главу 2).

Среди крупных развитых стран одним из ведущих бенефициаров соглашения стала бы Япония. Согласно расчетам Института исследований международной экономики Петерсона (PetersonInstituteforinternationaleconomics) выгода Токио от заключения соглашения по ТТП, выраженная в росте внешнеторгового оборота составила

[331]Ibid
[332] Foreign Aid Statistics by Country // United States Foreign Assistance Data. Режимдоступа: http://foreignassistance.gov/Датаобращения: (20.06.2016)
[333]Free Trade Agreement Between The United States Of America And The Republic Of Korea // United States Trade Representative Office. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-ftaДата обращения: (20.06.2016)

бы до 140 млрд. долл. США ежегодно (ок. 10% от суммы торгового оборота страны за 2015 г.) до 2025 г., при этом прирост национального дохода, в том числе прибылей компаний, будет составлять около 100 млрд. долл. в год[334]. Всемирный банк дает несколько более скромную оценку, при этом прогнозируя прирост ВВП около 2% до 2030 г[335].

Для части японских элит, к которым относится и нынешний премьер-министр С. Абэ, участие в ТТП является еще и одним из инструментов смены экономической модели, на которую во многом направлены усилия действующего руководства правящей либерально-демократической партии [336] . Предлагаемые в рамках ТТП условия внешнеэкономической деятельности рассматриваются японским истеблишментом как составной элемент т.н. «абэномики» - экономической политики правительства Абэ, стремящегося провести структурные реформы застоявшейся японской экономики и создать базу для устойчивого роста.

Сторонники ТТП указывали на то, что именно отказ Японии от неолиберальной повестки в духе «рейганомики»: стимулирования допуска иностранных инвестиций в ключевые отрасли экономики, снижения роли государства в экономическом управлении и планировании и масштабной приватизации государственных активов – стали одной из главных причин многолетней стагнации 1990-2000-х[337]. Введение норм и стандартов ТТП, основанных на либеральных принципах (например, устанавливающих достаточно жесткие меры защиты интересов инвесторов, а также ограничивающих возможности государственной поддержки даже государственных стратегических предприятий) рассматриваются этой частью японских академических и политических элит как возможность для введения в экономическую политику ряда практик и мер, от которых Токио

[334]*Petri P., Plummer M.*The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates // Peterson Institute of International Economics. Working Paper. January 2016.
[335]Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership // World Bank Global Economic Propsects, January 2016, pp. 227-228.
[336]*Inoguchi T.* Japan in 2013: Abenomics and Abegeopolitics // Asian Survey. Vol. 54, No. 1, A Survey of Asia in 2013 (January/February 2014), pp. 101-112.
[337]*Leigh D.*Monetary Policy and the Lost Decade: Lessons from Japan // *Journal of Money, Credit and Banking* Vol. 42, No. 5 (August 2010), pp. 833-857.

отказывался на протяжении длительного времени. Прежде всего – ликвидации ряда формальных и неформальных барьеров на пути притока иностранных товаров и инвестиций.

Во многом поэтому в условиях отказа США от участия в проекте Япония фактически перехватила флаг у Вашингтона в качестве лидера инициативы. На фоне заявленного правительством Абэ намерения ратифицировать соглашение, несмотря на выход из него США в сторонники ТТП в Японии начали анализировать возможности превращения соглашения в японоцентричный проект, с помощью которого Токио могло бы компенсировать политико-экономическое усиление Китая[338].

При этом, присоединение к ТТП может и не сыграть той роли, на которую рассчитывают его сторонники. Большая часть возможных положительных структурных эффектов на экономические институты, будет заметна лишь по истечении нескольких лет, т.е. не ранее 2020-х гг[339]. Поддержка японского экспорта также будет ограничена в связи с выходом из проекта США с их огромным рынком. Эти факторы ограничивают потенциал ТТП как инструмента поддержки экономического роста Японии, даже в случае реализации проекта без США.

В то же время принятие достаточно жестких, направленных на снижение мер государственной поддержки предприятий правил ТТП может оказать положительный эффект только в случае повышения конкурентоспособности японской экономики, создания устойчивой модели ее роста. В противном случаеЯпония может одержать тактическую победу, но проиграть стратегически, оставшись в «ловушке среднего класса» с вялыми темпами развития, но при этом в еще большей степени – теперь уже экономически – зависимыми от США. При этом опыт многих стран, интегрировавшихся в западные институты, в том числе и России, показывает, что структурные реформы должны проводиться до принятия предлагаемых

[338]*Hirano K.*Japan's Leadership is Vital for Success of TPP // Japan Times, December 10, 2016.
[339]Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership // World Bank Global Economic Propsects, January 2016, pp. 227-228.

Западом, прежде всего США, высоких и заведомо менее выгодных стандартов, а никак не после или даже параллельно с их имплементацией[340]. Понимает это и японское руководство, рассчитывающее произвести «перезапуск» экономического роста за счет того пакета реформ, который предложило правительство Абэ. Однако, пока надежды на «абэномику» не оправдались – проводимая политика не дала того ожидаемого эффекта, на который надеялись ее создатели, а японская, вырвавшись из стагфляции 2012-2013 гг. вновь остановила рост: в 2015 г. ВВП Японии увеличился лишь на 0,4%[341].

В этих условиях в своем подходе к ТТП Токио становится перед тей же дилеммой, что и США: укрепление стратегических позиций имеет неясную экономическую цену, ТТП может даже ослабить долгосрочную геоэкономическую и геополитическую конкурентоспособность Японии, а не усилить ее.

При этом, несомненную выгоду от ТТП получит ряд отраслей японской промышленности, составляющих лоббистский пул заключения соглашения. Так, ведущим отраслевым бенефициаром соглашения будет автомобильная промышленность, являющаяся крупнейшим экспортером японской продукции. В 2014 г. объем экспорта автомобилей составил более 93 млрд. долл. США (первое место среди всех товарных наименований)[342]. Второе место по объемам экспорта заняли автомобильные комплектующие (34 млрд. долл.). В сумме, таким образом, автопром экспортировал продукции на 127 млрд. долл., что составляет около 20% от всего объема японского экспорта (714 млрд. долл.) [343] . Именно обещание привилегированного доступа японского автопрома на американский рынок позволил в конечном счете Вашингтону склонить Токио к уступкам по другим позициям и вписать

[340] См: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. М. 2013.
[341] GDP Data by Country // World Bank Data. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/Дата обращения: (20.06.2016)
[342] Japan Economic Data // Observatory of Economic Statistics. Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/jp/Дата обращения: (20.06.2016)
[343]Ibid..

страну в систему соглашений в рамках ТТП (подробнее о японо-американских противоречиях в ходе переговоров см. главу 2).

Главным «проигравшим» среди крупных экономик стал бы по-видимому Китай. Хотя его относительные потери рассчитывались как незначительные (ок. 0,1% ВВП в течение 15 лет, что практически близко к статистической погрешности), в абсолютных цифрах потенциальные потери Пекина очень значительны. По расчетам Института Петерсона ежегодные потери потенциального прироста внешней торговли составили бы 35 млрд. долл[344] в случае реализации соглашения по ТТП без китайского участия. При этом в случае вступления в ТТП всех других стран АТЭС, за исключением Китая (что будет по сути означать «мягкую» экономическую изоляцию КНР в регионе), потери Пекина возросли бы до 100 млрд. долл. в год[345].

Для Пекина, однако, вступление в ТТП сулило бы еще больший ущерб его экономическим интересам. Предлагаемые соглашением условия содержат слишком большой и малоприемлемый на данном этапе пакет норм и стандартов, регулирующих не только внешнеэкономическую деятельность, но и целый ряд аспектов внутренней экономической политики. К таким аспектам относится в частности требования трудового законодательства, экологических стандартов и мер по защите интеллектуальной собственности. Имплементация этих условий обернется для Китая гораздо большими издержками, чем потенциальный прирост торговли, о котором говорили и говорят апологеты ТТП. Так, одни инвестиции в выполнение экологических стандартов могут быть на порядок выше, чем потенциальные экспортные потери на рынках стран-участников нового торгового объединения.

При этом, одним из путей компенсации прямых экономических потерь для КНР является развитие участие и развитие альтернативных региональных форматов: в частности Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (РВЭП), включающей страны АСЕАН и ряда других экономик

[344]*Petri P., Plummer M.*The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates // Peterson Institute of International Economics. Working Paper. January 2016.
[345]Ibid.

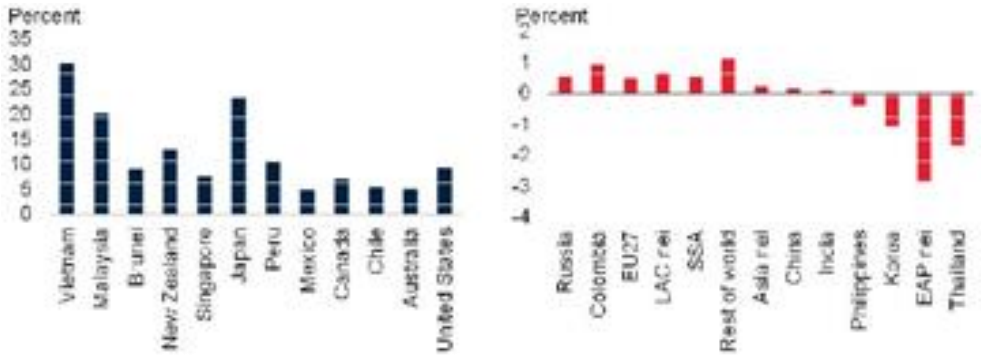
АТР, а также выдвинутой летом 2016 г. инициативы по созданию Евразийского партнерства с участием России, стран Центральной Азии, в перспективе – и ряда других государств Евразии и АТР. Формирование альтернативных правил международного экономического сотрудничества позволит Китаю с одной стороны защитить свои позиции на тех рынках, которые формируют ТТП (ряд государств, включая Вьетнам, Японию, Австралию, Новую Зеландию и Малайзию являются участниками одновременно двух формируемых торгово-экономических объединений), выстроив независимые от США и их инициатив отношения с этими странами в рамках собственной институциональной конструкции. С другой – институционализировать и укрепить сотрудничество с теми государствами, которые пока не входят ни в американоцентричные, ни в какие-либо другие торговые блоки.

С этой точки зрения, вступление КНР в ТТП было чревато для Пекина даже гораздо большими политическими, нежели экономическими издержками. Как и в случае с Японией, для которой присоединение к американскому проекту означало отказ от амбиций по развитию региональной институциональной архитектуры, в которой Токио играл был центральную роль, присоединение Китая к Транстихоокеанскомупартнерству могло снизить доверие региональных игроков к китайским инициативам. Более того, в ряде случаев это сделало бы реализацию многосторонних проектов с участием Пекина практически невозможным. Так, достаточно трудно представить нормативно-политическую конфигурацию и концептуальную базу евразийского партнерства с участием России, стран ЕАЭС, других государств Евразии, при условии участия КНР в ТТП. На пути создания полноценного институционального формата Большой Евразии в этом случае встанет не только официально декларируемое Россией принципиальное неприятие американской инициативы в той форме, в которой она предложена сегодня (более подробно о российской позиции в отношении ТТП см. ниже), но чисто технические сложности, связанные с

выработкой правил игры континентальной торговли в условиях участия КНР в ином, тихоокеанском нормативно-правовом пространстве. Возникнет в этом случае и угроза продвижения и даже навязывания Китаем некоторых принятых им норм ТТП соседям для оптимизации уже собственных торгово-инвестиционных отношений с партнерами, которые от принятия написанных в Вашингтоне правил игры воздержались.

Вторым важным аспектом потенциальной геоэкономической значимости ТТП являлось его влияние на экспортный потенциал стран АТР и структуру торгово-экономических связей в регионе. Основным макроэкономическим фактором, оказывающим влияние на государства региона, было именно изменение экспорта за счет преобразования режима тарифного и нетарифного регулирования физической торговли и сферы услуг:

График 8. Потенциальный рост экспорта в странах АТР при условии вступления в силу соглашения по ТТП



Источник: Всемирный банк, 2016

Как видно, динамика изменений роста ВВП в целом коррелируется с динамикой изменений объема экспорта как у большинства стран-участников ТТП, так и у государств, не входящих в объединение. Главным драйвером роста для стран-бенефициаров станет облегчение доступа на рынки США, Японии, других развитых стран-участников ТТП для фабричной продукции: прежде всего собственной легкой промышленности этих стран, а также элементов производственных цепочек ТНК, составляющих «сборочное», не требующее организации высокотехнологичного производства.

Так, введение в действие условий ТТП согласно расчетам Всемирного банка позволит Вьетнаму, крупнейшему выгодопреобретателю соглашения, наращивать объем экспорта в среднем на 2% в год до 2030 г[346]. При этом, собственные расчеты вьетнамских экономистов указывают на еще больший потенциал роста, в том числе за счет еще большей активизации переноса азиатских производств американских ТНК из Китая на фоне нарастания макроэкономических проблем последнего. Мощный стимул для наращивания экспорта введение правил ТТП даст также Японии (ок. 25% прироста объема экспортных поставок до 2030 г.), а также Малайзии, Новой Зеландии, а также США[347].

Неравномерным будет и относительное распределение эффектов ТТП на инвестиционные потоки.

Таблица 7. Влияние разных сценариев реформы режима международной торговли АТР на объем исходящих прямых иностранных инвестиций государств региона

Страна	Предполагаемый объем исходящих ПИИ к 2025 г. (базовый прогноз)	Прирост объема исходящих ПИИ от участия в форматах ЗСТ (по сравнению с базовым прогнозом, в долл. США)				Прирост объема исходящих ПИИ от участия в форматах ЗСТ (по сравнению с базовым прогнозом, в %)			
		Тихоокеанский трек (ТТП)	Азиатский трек (РВЭП)	Оба трека	ЗСТ на базе АТЭС	Тихоокеанский трек (ТТП)	Азиатский трек (РВЭП)	Оба трека	ЗСТ на базе АТЭС
Участники ТТП									
США	8705	169	0	169	470,7	1,9	0	1,9	5,4
Австралия	660	8	0	8	25,5	1,2	0	1,2	3,9
Канада	1343	12,1	0	12,1	42,7	0,9	0	0,9	3,2
Чили	39	0,2	0	0,2	0,2	0,5	0	0,5	0,5
Мексика	199	0,8	0	0,8	0,8	0,4	0	0,4	0,4
Новая Зеландия	29	0,7	0	0,7	0,8	2,4	0	2,4	2,9
Перу	7	0,1	0	0,1	0,1	1,6	0	0,1	1,7
Участники РВЭП									

[346]GDP Data by Country // World Bank Data. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/Дата обращения: (20.06.2016)
[347]Ibidem.

КНР	1859	0	5,5	5,5	17	0	0,3	0,3	0,9
Гонконг	2171	0	98,3	98,3	204,4	0	4,5	4,5	9,4
Индонезия	44	0	0,6	0,6	1,2	0	1,4	1,4	2,8
Филиппины	30	0	1,1	1,1	2,2	0	3,6	3,6	7,1
Таиланд	143	0	4,9	4,9	11,0	0	3,4	3,4	7,7
Республика Корея	607	0	59,6	59,6	78	0	9,8	9,8	12,8
Участники обоих форматов									
Бруней	22	0	1,4	1,4	2,6	0	6,2	6,2	11,9
Япония	2172	74,1	111,5	171,2	198,4	3,4	5,1	7,9	9,1
Малайзия	388	3,5	4,2	7,2	12,3	0,9	1,1	1,9	3,2
Сингапур	1336	12,7	0	12,7	41,4	1	0	1	3,1
Вьетнам	4	0	0	0	0,4	0,1	0,7	0,8	10,4
Другие страны									
Россия	883	0	0	0	32,3	0	0	0	3,7

Источник: *Институт мировой экономики Петерсона, 2016*

Существующие расчеты изменения объемов исходящих ПИИ показывают, что наибольший рост экспорта капитала в случае заключения соглашения по ТТП как в абсолютных, так и в относительных значениях будет наблюдаться у развитых государств, прежде всего США и Японии, а также Австралии, Канады, Сингапура. Получателями ПИИ в этом случае будут прежде всего страны-участники ТТП, ориентированные на экспорт на рынки развитых стран, Вьетнам, Малайзия, в меньшей степени – входящие в объединение страны Латинской Америки. При этом заключение ЗСТ в рамках всего АТЭС может иметь схожие последствия: либерализация торгово-инвестиционной деятельности в рамках всего АТР будет стимулировать экспорт капитала у стран с высоким уровнем дохода, а также Китая, который к 2025 г. может стать крупнейшей экономикой мира[348] (при этом доля исходящих ПИИ относительно объема ВВП у Китая все равно будет меньше).

[348] *Patton M.*China's Economy Will Overtake The U.S. In 2018 // Forbes. April 29, 2016. Режим доступа: http://www.forbes.com/sites/mikepatton/2016/04/29/global-economic-news-china-will-surpass-the-u-s-in-2018/#2561be01474bДата обращения: (20.06.2016)

Таким образом, заключение ТТП способствовало бы укреплению сложившегося полюсного характера региональной экономики, т.е. усилению дисбалансов между полюсом потребления, являющимся экспортером капитала и рынком потребления и полюсом резервирования, который продолжат составлять экспортно-ориентированные страны. Однако, в случае невступления в объединение Китая, значение последнего в этой системе, по крайней мере для США, было бы несколько снижено. Перенос инвестиционных и товарных потоков «внутрь» объединения будет выгодно Вашингтону и со стратегической точки зрения, так как привело бы к некоторому снижению взаимозависимости между Китаем и США.

Наконец для экономики страны-лидера ТТП – США прямой эффект заключения соглашения о ТТП остается неочевидным, что способствует снижению и без того относительно невысокой внутриполитической поддержки проекту со стороны как широких слоев населения, так и политических и бизнес-элит. На фоне слабой экономической динамики в 2008-2009 гг. и актуализации проблемы борьбы с безработицей, превысившей в 2009 г. 10-процентную отметку[349], администрация Обамы декларировала в качестве главной экономической задачи ТТП стимулирование американского экспорта на рынки АТР как одного из инструментов восстановления в США устойчивой динамики экономического роста и решения вопроса безработицы посредством загрузки экспортно-ориентированных отраслей. Эта задача имеет и стратегическое измерение, с учетом господствующего в администрации Обамы нарратива, рассматривать именно внутренние проблемы как главную угрозу национальной безопасности, а их решение – как залог долгосрочного сохранения американского лидерства.

Однако, проведенный анализ потенциала ТТП как фактора экономического роста для США показывает его незначительность в этом

[349]Labor Force Statistics from the Current Population Survey // United States Department of Labor.Bureau of Labor Statistics .[Электронныйресурс]. Режим доступа: http://data.bls.gov/timeseries/LNS14000000Дата обращения: (20.06.2016)

качестве. Так, в докладе аналитической службы конгресса США, посвященном исследованию потенциальных экономических выгод от заключения соглашения указывалось на то, что в случае реализации проекта прирост ВВП до 2025 г. по сравнению с базовым прогнозом составит всего 0,25% за весь период[350]. Близкая оценка дается и экономистами Всемирного банка[351].

При этом, критики ТТП в США склонны в еще большей степени приуменьшать значимость торгового соглашения для динамики развития американской экономики. Так, известный экономист, нобелевский лауреат Дж Стиглиц заявил, что заключение соглашения по ТТП будет иметь катастрофические последствия для американского рынка труда и не просто не поддержит в стране развитие экспортных производств, но наоборот, снизит конкурентоспособность американский промышленности, в то время как крупнейшими выгодоприобретателями от соглашения будут фармацевтическая отрасль и крупные инвестиционные банки[352]. По расчетам близкого к нему Центра экономической политики долгосрочный эффект заключения соглашения о ТТП на рост американского ВВП составит всего 0,13% до 2025 г., при ряде негативных последствий для рынка труда и некоторых секторов экономики[353]. Показательно и то, что с 11 участниками переговорного процесса по проекту США имеют отрицательное сальдо торгового баланса, в 2015 г. составившее ок. 62 млрд. долл. США[354].

Влияние ТТП на различные отрасли американской экономики также разносторонне. Соглашение способно было оказать поддержку отдельным высокотехнологичным отраслям американской экономики за счет экспансии

[350]Trans-Pacific Partnership Agreement: Likely Impact on the U.S. Economy and on Specific Industry Sectors // United States International Trade Commitssion Report. May, 2016. Режим доступа: https://www.usitc.gov/publications/332/pub4607.pdfДата обращения: (20.06.2016)
[351]Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership // World Bank Global Economic Propsects, January 2016, pp. 227-228.
[352]*Stiglitz J.* In 2016, let's hope for better trade agreements - and the death of TPP // The Guardian. January 10, 2016.
[353]*Rosnik D.* Gains from Trade? The Net Effect of the trans-Pacific Partnership on Agreement on US Wages // Center for Economic Policy Research [Web portal]. Режим доступа: http://www.cepr.net/documents/publications/TPP-2013-09.pdfДата обращения: (20.06.2016)
[354] US Trade in Goods by Country // United States Census [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.htmlДата обращения: (20.06.2016)

на рынки инновационных технологий стран-членов будущего торгового блока. Так, анализ ожиданий заключения соглашения о ТТП различными отраслями показывает, что наибольшую заинтересованность в Транстихоокеанском партнерстве имела фармацевтическая отрасль, в наибольшей степени лоббирующая заключение соглашения, а также производители одежды и аксессуаров, автомобильная и IT промышленность, сельскохозяйственные компании[355].

Главными выгодоприобретателями соглашения должны были стать представители экспортно-ориентированных отраслей [356]. В 2010 г. администрация Обамы запустила «Национальную экспортную инициативу» - своего рода «дорожную карту» мер по поддержке экспортно-ориентированных предприятий. Инициатива объявила одной из приоритетных целей внешнеэкономической политики США удвоение экспорта к 2015 г [357]. Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве подавалось как средство, которое «обеспечит экономический рост США, поддержит рабочие места и простимулирует экспорт продукции американского производства на рынки самых динамичных и быстрорастущих стран мира» [358]. При этом, несмотря на многочисленные переносы заключения соглашения по ТТП, которые фактически девальвировали значение проекта как одной из мер поддержки американской экономики в период кризиса, политика администрации Обамы в области поддержки экспорта оказалась достаточно успешной. По данным министерства торговли США суммарный объем американского экспорта удвоился за десятилетие с 2004 по 2014 гг., общий объем генерируемых экспортно-ориентированными отраслями рабочих мест в 2013 г. составлял около 11,3 млн. рабочих мест

[355] How Big Pharma (and others) began lobbying on the Trans-Pacific Partnership before you ever heard of it // Sunlight Foundation [Web Portal]. Режим доступа: http://sunlightfoundation.com/blog/2014/03/13/tpp-lobby/Дата обращения: (20.06.2016)

[356]Trans-PacificPartnershipAgreement:LikelyImpactonthe U.S. EconomyandSpecificIndustrySectors // UnitedStatesInternationalTradeCommission Report, May 2016, P. 72-73.

[357] National Export Initiative [Electronic Resource] // United States International trade Administration [Электронныйресурс]. Режимдоступа: http://www.trade.gov/nei/ (accessed: 19.07.2015).

[358]Trans-pacific partnership // Office of the United States Trade Representative [Электронныйресурс]. Режимдоступа: https://ustr.gov/tppДатаобращения: (20.06.2016)

(9,7 в кризисном 2009 г.)[359]. ТТП должен был принести в экспортно-ориентированные производства еще больше рабочих мест.

Однако, на деле либерализация тарифных и нетарифных барьеров в рамках ТТП, поддержав экспортеров, могла серьезно ударить по другим секторам экономики. Для части отраслей введение условий ТТП заведомо невыгодно: так, имплементация соглашения будет способствовать наращиванию импорта в США автомобильной продукции (рост более 10 млрд. долл. к 2032 г. по сравнению с базовым прогнозом, не предусматривающим введение ТТП), текстильной продукции и другой одежды (ок. 6 млрд. долл.), продуктов химической промышленности (5,2 млрд. долл.), электроники (5,3 млрд. долл.)[360]. Все эти отрасли таким образом в случае ратификации соглашения по ТТП столкнулись бы с серьезной конкуренцией на национальном рынке, при этом не обязательно, что смогли бы компенсировать вероятные потери за счет либерализации рынков других участников соглашения и доступа на них. Ослаблены были бы экспортные возможности деревообрабатывающей и угольной промышленности[361].

Весьма неоднозначно оценивалось и влияние условий соглашения на американский рынок труда. В то время как администрация Обамы позиционировала ТТП как инициативу, направленную на создание новых рабочих мест, фактически либерализация торговли способствовала и их «вымыванию» в неэкспортных отраслях за счет привлечения трудовых ресурсов из стран-участников проекта[362]. Реализация соглашения могла нанести ущерб рабочим местам таких отраслей как автомобильная и химическая промышленность, деревообработка, нефте- и газодобыча, легкая промышленность (производство обуви и одежды). При этом позитивный

[359]US Trade Overview // International Trade Administration [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://www.trade.gov/mas/ian/build/groups/public/@tg_ian/documents/webcontent/tg_ian_002065.pdfДата обращения: (20.06.2016)

[360]Trans-PacificPartnershipAgreement:LikelyImpactonthe U.S. EconomyandSpecificIndustrySectors // UnitedStatesInternationalTradeCommission, May 2016, P. 76.

[361]Ibid.

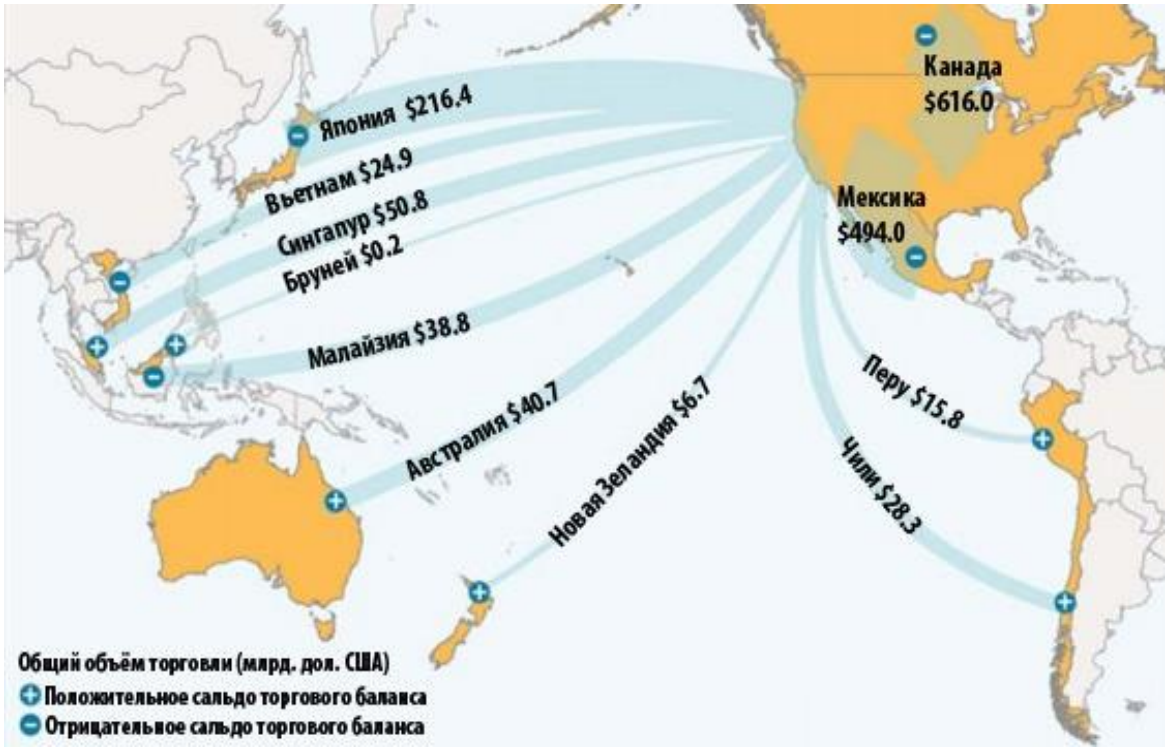
[362]*Solis M.* The case for the Trans-Pacific Partnership // Brooking Institute, October 4, 2016 Режимдоступа: https://www.brookings.edu/research/the-trans-pacific-partnership-the-politics-of-openness-and-leadership-in-the-asia-pacific/Датаобращения: (20.06.2016)

эффект ТТП на экспортно-ориентированные производства мог и не перекрыть потенциальных потерь рабочих мест в «проигрывающих» отраслях, что могло привести к обратному ожидаемому эффекту – росту безработицы среди «синих вортничков», т.е. в производственном секторе[363]. Так, один из ведущих критикой ТТП, нобелевский лауреат Дж. Стиглиц указывал, что вводимые ТТП инвестиционные правила «стимулируют американский бизнес выводить рабочие места и производство за рубеж» и дают работодателям больше возможностей «противостоять требованиям рабочих о повышении зарплат и усилении профсоюзов» [364]. Специализированные исследования о влиянии ТТП на рынок труда стран-участников объединения предполагают, что в результате реализации соглашения США могли потерять до полумиллиона рабочих мест в ближайшие 10 лет (при этом увеличение безработицы может коснуться и других участников ТТП)[365].

На фоне противоречивых и скорее негативных эффектов на американский рынок труда консенсусом в американском экспертном сообществе являлось мнение о том, что соглашение о ТТП имеет для СШАбезоговорочное значение как системный инструмент наращивания своего экономического присутствия в Азии и средство своей долгосрочной институциональной привязки к растущим азиатским рынкам [366]. Представленный ниже рисунок демонстрирует объемы двусторонней торговли США с участниками переговорного процесса по ТТП на 2014 г.

[363]*Stamoulis A.* Trading Away the Future: An Analysis of the Trans-Pacific Partnership // New Labor Forum. 2014, 22(3), pp. 30–37;
[364]*Stiglitz J.* Why TPP is a Bad Deal for America and American Workers // Roosevelt Institute, 03.28.16. Режим доступа: http://rooseveltinstitute.org/why-tpp-bad-deal-america-and-american-workers/Дата обращения: (20.06.2016)
[365]*Cabaldo J., Izurieta A.* Trading Down: Unemployment, Inequality and Other Risks of the Trans-Pacific Agreement // Global Development and Environment Institute, Working Paper No 16-01. P. 16-18.
[366]*Miller S.* TPP is More than a Trade Agreement // Center for Strategic and International Studies, January 31, 2014

Рисунок. 3. Участники переговоров о формировании ТТП (данные о торговле за 2014 г.)



Источник: Статистическое бюро США (cencus.gov)

Суммарный объем торговли со странами-участниками проекта в 2014 г., на момент оформления финального (на данный момент) состава ТТП составляло ок. 1,5 трлн.– более 30% от всей внешней торговли США и около 10% от американского ВВП [367] . При этом, более 1,1 млрд. (ок. 40%) приходится на партнеров США по НАФТА, и так имеющих ЗСТ с США (условия которого в рамках ТТП оптимизируются)[368]. На шесть участников проекта ТТП, с которыми у США уже заключены соглашения о ЗСТ приходилось около 1,2 трлн. долл[369]. Четыре из этих ЗСТ (с Сингапуром, Перу, Чили и Брунеем) являются относительно новыми - сформированы в последние 10 лет и относятся к т.н. «высококачественным» соглашениям о свободной торговле, включая в себя значительную часть новшеств,

[367] Calculations based on: World Bank Open Data // The World Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/Дата обращения: (20.06.2016)
[368] US Trade in Goods by Country // United States Census Bureau [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.htmlДата обращения: (20.06.2016)
[369]Ibid.

предлагаемых США в рамках ТТП. Таким образом, подавляющая часть торгового оборота США с участниками объединения и так относится к торговле со странами, сформировавшими с Соединенными Штатами зоны свободной торговли. При этом, совокупный объем ВВП Канады и Мексики (ок. 3,7 трлн. долл.), на которые приходится более двух третей американской внешней торговли с ТТП, например, гораздо меньше чем ВВП одной лишь Японии (4,55 трлн) за 2015 г[370].

Главным потенциалом для роста американского экспорта является торговля с теми странами, которые не имеют с США соглашения о ЗСТ, являясь при этом крупными рынками для американской продукции. Таковыми являются прежде всего Япония и Австралия. Так, на торговый оборот с Японией – второй экономикой региона и мира и ближайшего союзника США в АТР в 2015 г. пришлось лишь 200 млрд. долл. США (меньше, чем в 2014 г.). Торговля с Австралией, размеры экономики которой соизмеримы с экономикой Канады пришлось лишь 50 млрд. долл. (в 12 раз меньше). Гораздо больше США торгуют даже с относительно небольшим Сингапуром, умело использующим свою роль логистического хаба для Азии, в немалой степени и благодаря политике активного заключения соглашений о ЗСТ.

Относительно малые объемы и слабая динамика торговли с Японией были особенно видны на фоне огромных объемов торговли обеих стран с КНР. Так, в 2015 г. США наторговали с Китаем на 659 млрд. долл. США[371], причем один лишь американский экспорт в Поднебесную, составивший 169 млрд. долл. США [372] был немногим меньше всего американо-японского торгового оборота. Торговый оборот Японии с КНР, несмотря на сложные

[370] Calculations based on: World Bank Open Data // The World Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://data.worldbank.org/Дата обращения: (20.06.2016)
[371] US Trade in Goods with China // United States Census Bureau [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.htmlДата обращения: (20.06.2016)
[372]Ibid

политические отношения между двумя странами, составил более 300 млрд[373]. долл. США.

ТТП в этом отношении выступал в том числе и как инструмент, направленный на перелом ситуации, при которой торговля между двумя ключевыми союзниками в Азии значительно уступает их торговле со страной, которая является вызовом этому союзу. Введение условий ТТП могло позволить США существенно нарастить торговые связи с партнерами по проекту, ослабив геоэкономическую связку с КНР. При этом однако усиление торгово-инвестиционных связей с союзниками во многом произошло бф за счет роста дефицита внешней торговли, т.е. – роста импортной продукции на американском рынке (общие данные о динамике международной торговли .приведены выше).

Таким образом, предложенный администрацией Обамы документ оказался противоречивым. С одной стороны, соглашение по ТТП позволяло США нарастить экономические связи с партнерами по проекту и сформировать институциональную площадку для консолидации тихоокеанских союзников. При этом, рост антикитайской направленности проекта заведомо ослаблял потенциал ТТП к превращению в общерегиональную торгово-экономическую архитектуру, которая включала бы в себя всех участников АТЭС. Таким образом, ТТП усиливал американскую роль в азиатско-тихоокеанском экономическом порядке, но способствовал расшатыванию самого этого порядка.

С другой – ТТП в итоговом варианте как инструмент поддержки регионального экономического порядка оказался весьма дорогостоящим, удовлетворяя скорее стратегические, нежели широкие экономические интересы США. Будучи выгодным части крупных транснациональных корпораций, ориентированных на расширение транснационального характера

[373] US Trade in Goods with Japan // United States Census Bureau [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/index.htmlДата обращения: (20.06.2016)

производственных и инвестиционных цепочек[374], соглашение по сути не удовлетворяло интересы малого и среднего бизнеса, могло оказать негативный эффект на рынок труда и ущемляло интересы ряда отраслей, не заинтересованных в расширении доступа зарубежных производителей на американский рынок. Подписанное Б. Обамой в начале 2016 г. соглашение, таким образом, предлагало укрепление стратегических позиций США в АТР, избирательную реализацию экономических интересов и обладало весьма узкой внутриполитической коалицией для ратификации документа в Вашингтоне.

3.3. Внутриполитические дебаты вокруг Транстихоокеанского партнерства и отказ от инициативы

Публикация текста соглашения по ТТП в октябре 2015 г. сделала эту инициативу важным фактором набирающей обороты президентской гонки в США. Уже осенью 2015 г., когда проявилась первая публичная реакция на представленный документ, стало очевидно, что администрации Обамы придется «пробивать» соглашение через конгресс с боем. Вошедшие в соглашение противоречия между стратегическими и экономическими последствиями его введения сделали его неоднозначным с точки зрения эффективности как инструмента внешней политики. В такие моменты значение внутриполитических дебатов для американской внешней политики традиционно усиливается.

В рамках внутриполитической борьбы предстояло понять, сохранится ли прежний курс, либо Вашингтон пойдет на серьезную коррекцию своей тихоокеанской политики. В известной степени для ТТП в ходе выборов 2015-2016 г. ставился вопрос о том, какую цену США готовы заплатить за поддержание международного экономического порядка и насколько рентабельны те инструменты, которые предложила администрация Обамы.

---

[374] *Barfield C.* The Trans-Pacific Partnership: A Model for 21st Century Trade Agreements // AEI International Economic Outlook No. 2, June 2011.

Во внутриполитическом измерении соглашение по ТТП было весьма уязвимо и до публикации документа. Против ТТП с самого начала оказались настроены значительная часть населения, и как следствие – конгрессменов, в особенности ориентированных на «левый» электорат. Такая негативная общественная реакция на торговое соглашение по-видимому была связана отчасти с отсутствием информации о ТТП (переговоры проходили в беспрецедентной секретности), отчасти – с общественной памятью о негативных эффектах, которые оказало на заработные платы и рынок труда другое масштабное соглашение по ЗСТ – НАФТА[375]. Однако, важнейшим фактором негативного общественного восприятия ТТП стало снижение фритрейдерских настроений, связанная с подстегнутой кризисом 2007-2009 гг. переоценкой эффектов от глобализации в негативную сторону.

Общественные опросыдемонстрировали снижение в этот период общественной поддержки политики продвижения либерализации мировой экономики и рост протекционистских настроений. 2000-х по 2011-2012 гг[376]. – во время экономического кризиса американский избиратель предпочитал рассматривать либерализацию торговых барьеров и неизбежный за этим рост импорта как угрозу рабочий местам. Этот процесс был частью общей трансформации американского внешнеполитического сознания в 2008-2009 г., вызванного с одной стороны негативными последствиями финансового кризиса, с другой – крайне неудачными военными кампаниями в Афганистане и Ираке[377]. Этот процесс нашел свое отражение Данная общественная чувствительность к соглашениям по ЗСТ отразилась на демократической платформе в 2008 гг., - кандидат в президенты Б. Обама критиковал заключенное администрацией Буша (но еще не ратифицированное) соглашение по ЗСТ с Южной Кореей, в то время как его

[375] *Fuller J.* Why almost everyone hates the trade deal Obama is negotiationg in Japan // Wahsington Post, April 23, 2014.
[376] *Newport F.* American Public Opinion on Foreign Trade // Gallup, October 12, 2015. Режим досутпа: http://www.gallup.com/opinion/polling-matters/186083/americans-economic-impact-trans-pacific-partnership.aspxДата обращения: (20.12.2016)
[377] *Новиков Д.П.* Эволюция внешнеполитического сознания США в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Дискуссия. 2014. № 10. С. 89-113.

противник, Дж. Маккейн придерживался традиционной для республиканцев фритрейдерской повестки[378].

Это не помешало Б. Обаме скорректировать после победы на выборах свой подход к вопросам либерализации торговли и успешно реализовать американо-корейское соглашение по ЗСТ (с некоторыми изменениями по сравнению с «республиканской версией») а также более ограниченное торговое соглашение с Колумбией (TradePromotionAgreement) в 2011 г. При этом в ходе ратификации документов наметился важный тренд – при голосовании в конгрессе, особенно в нижней палате, администрация Обамы вынуждена была опираться на республиканцев. Американо-корейское соглашение по ЗСТ за счет голосов 219 республиканцев и 59 демократов, при этом 130 демократов и всего 21 республиканец выступили против[379]. В ходе голосования за соглашение с Колумбией из 262 голосов «за» 231 принадлежал представителям «Великой старой партии», при этом 158 демократов выступили против предложенного президентом-однопартийцем документа (всего «против» проголосовало 167 парламентариев)[380].

Такое явное сопротивление представителей демократической партии фритрейдерской повестке ранее не было характерно для американской политики. Например, другое крупное соглашение по созданию региональной ЗСТ – НАФТА, ратифицированное в 1993 г. – пользовалось двухпартийной поддержкой (сопротивление ратификации документа также оказывалось со стороны меньшинства от обеих партий). В ходе голосования в нижней палате конгресса, соглашение было поддержано 234 представителями, в том числе 102 демократами и 132 республиканцами (против выступило 200 парламентариев: 156 демократов и 43 республиканца, плюс один

---

[378] The Candidates on Trade // Council on Foreign Relations, July 30, 2008. Режим доступа: http://www.cfr.org/elections/candidates-trade/p14762 Дата обращения: (20.12.2016)

[379] H.R. 3080 (112th): United States – Korea Free Trade Agreement Implementation Act . Vote in the House// GovTrack, [Electronic resource]. Режимдоступа: https://www.govtrack.us/congress/votes/112-2011/h783 Датаобращения: (20.12.2016)

[380] Final Vote Results for Roll Call 781 // United States House of Representatives, October 12, 2011. Режим доступа: http://clerk.house.gov/evs/2011/roll781.xml Дата обращения: (20.12.2016)

независимый)[381]. Ратификация документа в сенате была обеспечена 61 голосом (27 демократов и 34 республиканца), против проголосовало 36 сенаторов (28 демократов и 10 республиканцев)[382]. Таким образом, хотя демократы традиционно в меньшей степени поддерживали фритрейдерскую повестку, ранее исполнительной администрации удавалось достаточно эффективно консолидировать вокруг соглашений по свободной торговле большинство представителей обеих партий.

«Провал» в общественной поддержке фритрейда и переоценка экономических последствий либерализации торговли для самих США едва ли можно рассматривать как конъюнктурные последствия экономического кризиса конца 2000-х гг. Замеры общественного мнения демонстрировали, что хотя после 2012-2013 гг. доверие к фритрейду среди американского населения начало восстанавливаться, тем не менее оно было далеко от максимальных значений 1990-х гг., а падение популярности мер по либерализации торговли началось еще в первой половине 2000-х гг., т.е. задолго до экономического кризиса[383]. Более того, радикальная формулировка опросов выявляло отсутствие общественного консенсуса по и поляризацию общественного мнению в отношении фритрейда: так, на предложение о выходе из многосторонних ЗСТ – действующей НАФТА и находившегося на стадии переговоров ТТП одинаковое количество респондентов (28%) давало положительный и отрицательный ответы соответственно, в то время как подавляющее большинство опрошенных и вовсе затруднялось в ответе[384]. В силу такой внутриполитической чувствительности к вопросам либерализации внешнеторгового режима и

[381]H.R. 3450 (103rd): North American Free Trade Agreement Implementation Act . Vote in the House // GovTrack. [Electronic resource]. Режимдоступа: https://www.govtrack.us/congress/votes/103-1993/h575Датаобращения: (20.12.2016)

[382]H.R. 3450 (103rd): North American Free Trade Agreement Implementation Act . Vote in the Senate // GovTrack. [Electronic resource]. Режимдоступа: https://www.govtrack.us/congress/votes/103-1993/s395Датаобращения: (20.12.2016)

[383]*Newport F.* American Public Opinion on Foreign Trade // Gallup, October 12, 2015. Режим доступа: http://www.gallup.com/opinion/polling-matters/186083/americans-economic-impact-trans-pacific-partnership.aspxДата обращения: (20.12.2016)

[384]*Newport F.* Americans Split on Idea of Withdrawing From Trade Treaties // Gallup, April 28, 2015. Режим доступа: http://www.gallup.com/poll/191135/americans-split-idea-withdrawing-trade-treaties.aspx Дата обращения: (20.12.2016)

отсутствия общественного консенсуса по этому вопросу, демократическая администрация Б. Обамы продолжала испытывать трудности с привлечением сторонников в собственной партии и продвигая соглашение по ТТП. Яркой демонстрацией этого стало голосование по т.н. ускоренной процедуре ("fast-track") заключения торгового соглашения летом 2014 г.

Данная процедура предполагает наделение исполнительной власти дополнительными полномочиями для заключения международных договоров за счет ограничения некоторых полномочий конгресса: в рамках такой процедуры законодатели лишаются возможности корректировать текст соглашения внося в документ изменения, либо отправляя его на доработку администрации (фактически за конгрессом остается лишь возможность принять, либо отвергнуть предложенный исполнительной властью документ в ходе ратификации соглашения). В случае с ТТП ускоренная процедура заключения соглашения была особенно важна для администрации Обамы: в условиях большого количества участников инициативы «вторжение» конгресса в торговые переговоры (в форме корректировки текста) существенно увеличило бы длительность и сложность переговорного процесса. Особенно важным для администрации Обамы было вселить уверенность в партнеров по переговорам, что соглашение не станет жертвой «выхолащивания» в конгрессе. На это обстоятельство сторонники соглашения указывали в ходе слушаний в комитетах. Так, вице-президент компании General Motors, К. Брахиа в ходе слушаний в сенатском комитете по финансам отмечала, что принятие ускоренной процедуры имеет для участников ТТП крайне важное значение с точки зрения их уверенности в США как надежном партнере[385].

Проведенное голосование продемонстрировало, что ратификация соглашения по ЗСТ возможна лишь силами республиканской партии. В ходе ратификации Закона о Торговле 2015 г. (TradeActof 2015), включавшего наделение исполнительной администрации полномочиями в рамках

[385] Hearing Before the Committee on Finance // United States Senate, April 24, 2013. P. 14.

«ускоренной процедуры» торговых переговоров и в нижней, и в верхней палате конгресса документ был принят преимущественно республиканскими голосами (219 «за», 211 «против» в палате представителей и 62 «за», 37 «против» в сенате) [386] . Показательно, что даже крайне незначительная поддержка документа со стороны демократов вызвала бурную общественную реакцию: имена 28 конгрессменов-демократов, поддержавших Закон о Торговле в нижней палате и 13 сенаторов-демократов вывешивались на специализированных сайтах, посвященных противодействию ТТП, а также электронных ресурсах критически настроенных к инициативе СМИ. Так, комментируя итоги голосования один автор патетично заявлял: «28 конгрессменов-демократов сознательно совершили это и мы не собираемся забывать их имена»[387]. Показательной является и группа республиканцев, выступивших против законопроекта в сенате. Хотя против проголосовало лишь пять республиканских сенатора, среди них оказались заявившие к тому времени о президентских амбициях видные деятели «чайной партии» Р. Пол и Т. Круз, причем последний изменил свою позицию (ранее он высказывался за ТТП)[388].

В этих условиях администрация Обамы начала смещать акцент на стратегическое значение проекта, позиционируя его как направленный на сдерживание КНР. Антикитайская риторика должна была «затемнить» слабые стороны документа – его противоречивое влияние на экономику США – и обеспечить поддержку документа со стороны элит и широких слоев населения.Этому способствовало как общее состояние американо-китайских отношений к концу второго срока администрации Обамы, кардинально ухудшившееся по сравнению с ситуацией 2008-2009 гг. [389] , так и начало

[386] How Congress Voted on Trade // GovTrack Insider, June 15, 2015. Режимдоступа: https://govtrackinsider.com/how-congress-voted-on-trade-afb8b4438823#.u4wuypscaДатаобращения: (20.12.2016)

[387]Nir D. There are 28 Democrats who voted for “fast-track” – twice // Daily Kos, June 18, 2015. Режим доступа: http://www.dailykos.com/story/2015/6/18/1394407/-These-are-the-28-Democrats-who-voted-for-fast-track-twiceДата обращения: (20.12.2016)

[388]*Min Kim S.* 13 Senate Dems vote with GOP to advance trade bill // Politico, June 23, 2015.

[389]*Виноградов А.В.* Китайско-американские отношения в конце президентского срока Б. Обамы. Запад – Восток – Россия, 2016, № Запад - Во, С. 45-48;

нового электорального цикла в 2015 г. – в соответствии со сложившейся традицией выборы характеризуются ростом негативных по отношению к КНР настроений – в частности ростом антикитайской риторики характеризовались выборы 2012 г. (при этом, риторика далеко не всегда коррелировалась с реальной политикой)[390].

В рамках этой стратегии продвижения ТТП, в ходе внутриполитической борьбы вокруг инициативы в 2015-2016 гг., администрация Обамы пыталась увязывать ратификацию документа со сдерживанием КНР. В официальном заявлении после заключения соглашения 5 октября Б. Обама торжественно отмечал: «Когда 95 процентов потенциальных потребителей живет за пределами наших границ, мы не можем позволить таким государствам как Китай определять правила мировой торговли»[391]. Опубликованный вскоре текст соглашения тем самым предлагалось рассматривать через призму китайско-американских противоречий. В январе 2016 г., незадолго перед подписанием соглашения по ТТП, Б. Обама использовал предпоследнее обращение перед конгрессом «О состоянии дел в Союзе» для активной агитации в пользу соглашения. В частности, он указывал, что ТТП призвано «открыть рынки, защитить рабочих а окружающую среду, а также укрепить американское лидерство в Азии. Оно снижает 18 000 пошлин на произведенные в США товары»[392]. При этом глава американского государства серьезно повысил градус воинственности, говоря о КНР: «С ТТП не Китай, а мы будем устанавливать правила игры в регионе. Вы хотите показать нашу силу в этом столетии? Утвердите это соглашение. Дайте нам возможность имплементировать его»[393].

---

[390]*Труш С.М.* Выборные циклы в США и КНР: следствия для двусторонних отношений «США – Канада: политика – экономика – культура» 2013, № 3

[391]Statement by the President on the Trans-Pacific Partnership // White House. October 5, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnershipДата обращения: (20.12.2016)

[392] Full Text; Obama's 2016 State of the Union Adress // USA Today, January 12, 2016. Режим доступа: http://www.usatoday.com/story/news/politics/2016/01/12/full-text-president-obama-2016-state-union-address/78702196/Дата обращения: (20.12.2016)

[393]Obama's. Op. cit.

Администрация использовала китайский фактор и в продвижении ТТП через конгресс. Так, в ходе слушаний в комитете по внешним делам нижней палаты конгресса, заместитель государственного секретаря Дж. Блинкинпризнавал, что «можно спорить об экономических последствиях ТТП, и ни одно торговое соглашение не совершенно»[394]. Американский чиновник однако добавлял, что оно (соглашение – прим. автора) посылает важный сигнал. Оно говорит нашим партнерам в регионе, что мы остаемся. Речь не о конкретной проблеме безопасности или вызове, которые вначале привлекают наше внимание, а затем мы теряем интерес к ситуации. Мыкрепко связанысвами (союзниками – прим. автора) в области экономики и безопасности…. Если соглашение не будет заключено, мы нанесем ущерб этим интересам»[395].При этом не скрывалось, что такая политика напрямую привязана к проблеме Китая, что находило понимание и у членов конгресса. «Вопрос о том, что нам делать с возвышающимся Китаем в ближайшие годы вероятно является самым важным политическим вопросом XXI в. Решения, которые мы принимаем сегодня определят судьбу норм и ценностей, которые восторжествовали в Азии после Второй мировой войны» - отмечал в ходе слушаний член комитета, конгрессмен-демократ Э. Энджел[396]. При этом представитель администрации указывал, что в случае отказа США от реализации проекта, США потеряют потенциальные рынки, ослабят свои региональные позиции и предоставят другим странам писать правила торгово-инвестиционной деятельности в регионе[397].

Наконец, наиболее показательной стала статья американского президента в WashingtonPost в мае 2016 г., продемонстрировавшая новый наступательный нарратив американской политики в регионе. Рассуждая о необходимости ратификации соглашения по ТТП Б. Обама открыто говорил

[394] America as a pacific Power: Challenges and Opportunities in Asia. Hearing before the Committee on Foreign Affairs // House of Representatives, April 28, 2016. P. 29. Режим доступа: https://foreignaffairs.house.gov/hearing/hearing-america-as-a-pacific-power-challenges-and-opportunities-in-asia/Дата обращения: (20.12.2016)
[395]Ibid.
[396]Ibid. P. 18.
[397] Ibid. P. 33.

о критическом значении сохранения американского господства в регионе и мире, в том числе посредством навязывая правил международной торговли: «Америка должна устанавливать правила. Америка должна контролировать ситуацию. Другие страны должны играть по правилам, которые устанавливаем мы и наши партнеры, а не наоборот»[398]. При этом, президент США демонстративно упомянул Пекин в качестве прямого конкурента Вашингтона в области формирования новых правил игры, отметив, что именно «Америка, а не такие страны, как Китай, должны писать их»[399] (правила – прим. авт.).

Впервые в публичной статье главы американского государства Китай в открытую был назван главным конкурентом США и продвигаемых ими правил регионального экономического порядка. Несмотря на ориентированность статьи по большей части на внутреннюю аудиторию в условиях попытки администрации Обамы стимулировать процесс ратификации соглашения по ТТП, антикитайская направленность объединения фактически была официально признана на высшем уровне. Вслед за заявлениями президента в американской прессе прошла целая волна статей в поддержку заключения ТТП, играющих именно на китайской карте и антикитайском нарративе во внутренней и внешней политике страны. Так, влиятельный колумнист Р. Кохен в июне 2016 г. писал в NewYorkTimes: «Отказ от ратификации станет сигналом для Пекина, что он может навязывать свою политику в регионе и попытка интегрировать Вьетнам в основанную на правилах мировую экономику провалится»[400], призвав не допустить победы Китая в региональной конкуренции.

Резкое ужесточение антикитайской риторики в 2016 гг. в немалой степени было вызвано ростом значения обеих тем: проблемы усиления КНР и создания ТТП – во внутренней политике США, на фоне приближения осенью президентских выборов. В условиях ухода администрации Обамы в

[398] *Obama B.* The TPP would let America, not China, lead the way on global trade // Washington Post. May 2. 2016.
[399] Ibid.
[400] *Cohen R.* If the Trans-Pacific Partnership Crumbles, China Wins // New York Times. June 2. 2016.

январе 2017 г. на вторую половину 2016 г. пришлось усиление внутриполитических дебатов вокруг соглашения по ТТП (что во многом способствовало ужесточению позиции и самого Обамы). В ходе предвыборной борьбы оба основных кандидата от республиканской и демократической партий – Х. Клинтон, Д. Трамп и другие республиканские кандидаты высказались против заключения соглашения в той форме, в какой его предлагала действующая администрация[401].

Х. Клинтон, которая в качестве госсекретаря была одним из архитекторов азиатской политики администрации Обамы и инициаторов ТТП, пришлось корректировать свою позицию по этому вопросу, отчасти ввиду большей привязки демократов к профессиональным союзам, обеспокоенных возможным негативным эффектом заключения соглашения на американский рынок труда[402], отчасти – под давлением острой критики инициативы со стороны ее главных оппонентов – Д. Трампа и сенатора-демократа Б. Сандэрса. Если в период пребывания на посту госсекретаря США Х. Клинтон не просто поддерживала, но и являлась одним из вдохновителей продвижения новой институциональной инициативы в АТР, по мере развертывания ее предвыборной кампании она вынуждена была дистанцироваться от ТТП, ассоциируемого с теряющей популярность администрацией Обамы. В 2014-2015 гг. Клинтон перешла на позиции критика соглашения, что позволило некоторым наблюдателям говорить о крахе проекта, если администрация Обамы не сможет ратифицировать соглашение до своего ухода[403].

Вместе с тем, риторика Х. Клинтон в отношении ТТП никогда не предполагала полного отказа от инициативы, что позволяет характеризовать критику проекта как предвыборный маневр с целью «обогнуть» «неудобную» для демократов тему и не потерять дополнительные голоса (в частности – голоса Б. Сандэрса, призвавшего своих сторонников поддержать Х.

[401] *Palmer D.* How Trump or Clinton could kill Pacific trade deal // Politico, August 30, 2016.
[402] *Hoffa P., Gerard L.,Williams D.* It’s Time to Take a Stand for Workers on TPP // Huffington Post, July 12, 2015.
[403] *Palmer D.* Op. cit.

Клинтон). Это во многом говорит о намерении демократического кандидата вернуться к обсуждению ТТП после окончания предвыборной борьбы.

В пользу сохранения и реализации инициативы ТТП в случае сохранения Белого дома за демократами, говорила и огромная структурная значимость соглашения для американских региональных интересов. Вопрос о реформе институциональной архитектуры торгово-экономических связей в АТР, как было показано выше, являлся одной из важнейших частей региональной повестки администрации Обамы. Даже однозначный отказ от ТТП потребовал бы выдвижения альтернативного проекта – в противном случае вакуум мог быть заполнен китайскими и асеановскими инициативами, а по региональному лидерству США в этом случае будет нанесен серьезный урон. Отказ от инициативы в январе 2017 г. это в конечном счете и продемонстрировал.

Со стороны республиканцев проект также подвергался острой критике, несмотря на то, что именно республиканская партия исходя из структуры голосования в конгрессе (см. выше) традиционно поддерживает фритрейдерскую повестку и в отличие от демократов в меньшей степени зависит от позиции профсоюзов и других заинтересованных в сохранении торговых барьеров групп влияния[404]. Важным фактором критики являлось априорное неприятие крайне консервативным крылом республиканцев обамовских инициатив как таковых, которое распространялось и на ТТП. Так, хотя в ходе кампании 2016 гг. в поддержку проекта высказывался ряд республиканских кандидатов, включая Джеба Буша и Марко Рубио, в число критиков ТТП вошли такие влиятельные фигуры как спикер нижней палаты конгресса Пол Райан и один из видных активистов «движения чаепития» ультраправый сенатор Тед Круз. Опросы показывали, что ТТП пользовалось поддержкой лишь трети республиканских избирателей[405].

[404] *Nollen S.D., Quinn D.* Free Trade, Fair Trade, Strategic Trade, and Protectionism in the U.S. Congress, 1987-88 // International Organization. Vol. 48, No. 3 (Summer, 1994), P. 491-525.
[405] *Hellmann J.* Poll: Support for TPP Grows // The Hill, 18.11.16

Наиболее резкой оказалась позиция Д. Трампа, выдвинутого в итоге кандидатом в президенты от республиканской партии. Так, в ходе предвыборной кампании Д. Трамп прямо говорил, что соглашение по ТТП может «ободрать нас (США – прим. авт.) до нитки» [406] и стремился использовать продвигаемую демократами инициативу против своего главного оппонента – Х. Клинтон. В частности, в ходе дебатов с кандидатом от демократов, он обвинял ее в поддержке ТТП в период пребывания ее в должности госсекретаря. В тот период Клинтон открыто продвигала инициативу своей администрации, называя его «золотым стандартом» соглашений о ЗСТ[407].

Острая критика Трампа в отношении соглашения по ТТП с одной стороны выявила снижение фритрейдерских настроений среди массового республиканского электората, с другой – внесла раскол в республиканскую партию по вопросу о будущем торговой политики. Так, проведенные социологические опросы показали, что среди традиционно голосующего за республиканцев электората заключение соглашения поддержало незначительное большинство – 49%, в то время как против ТТП высказалось 46%[408]. При этом антифритрейдерская риторика Д. Трампа нашла и немало противников среди республиканского же истеблишмента (так, опять же, выше указывалось на позиции М. Рубио и Дж. Буша).

Поддерживающие инициативу республиканцы ориентировались на те преимущества, которые реализация соглашения могла дать части крупного бизнеса. Как было показано выше, ТТП способно оказать поддержку отдельным высокотехнологичным отраслям американской экономики за счет экспансии на рынки инновационных технологий стран-членов будущего торгового блока. Высокий интерес со стороны этих отраслей к заключению соглашения о ТТП отражает допуск к участию в переговорах в качестве

[406] *Calmes J.* Trump Scores Points on Trade in Debate, but Not So Much on Accuracy // The New York Times, September 27, 2016.
[407] Ibid.
[408] Actually, Americans Like Free Trade // Chicago Council on Global Affairs. September 7, 2016. Режим доступа: https://www.thechicagocouncil.org/publication/actually-americans-free-tradeДата обращения: (20.12.2016)

«представителей заинтересованных игроков» («*stakeholders representatives*») ведущих американских компаний инновационного сектора. Среди последних – руководство таких компаний и ассоциаций бизнеса, как *Pharmaceutical Research, Manufacturers of America, the Recording Industry Association of America, the Entertainment Software Association, Gilead Sciences, Johnson and Johnson, Verizon, Cisco Systems* и *General Electric*. Так, анализ ожиданий заключения соглашения о ТТП различными отраслями показывает, что наибольшую заинтересованность в Транстихоокеанском партнерстве имеет фармацевтическая отрасль, в наибольшей степени лоббирующая заключение соглашения, а также IT промышленность, ориентированные на экспорт сельскохозяйственные компании[409].

Опираясь на поддержку соглашения со стороны некоторых крупных компаний и отраслей, также на большую стратегическую значимость проекта и соображения относительно высоких репутационных издержек в случае отказа от него, сторонники ТТП питали надежды на то, что инициативу удастся сохранить даже после победы Трампа в силу преемственности внешнеполитических задач. Так, симптоматичным выглядит сделанное во время саммита АТЭС шуточное предложение новозеландского премьер-министра Джона Ки переименовать ТТП в Трамп-Тихоокеанское партнерство[410]. Очевидно партнеры по проекту рассчитывали на гибкость новой администрации в отношении соглашения и на то, что принципиальное решение по нему будет приниматься уже после инаугурации.

Однако, сделанное через день после окончания саммита АТЭС заявление избранного президента о намерении выхода из ТТП как одной из приоритетных задач администрации в первые сто дней правления, а затем – поспешная реализация этого решения спустя три дня после инаугурации продемонстрировали, что новая администрация взяла курс на гораздо более существенную ревизию прежней политики, чем ожидалось. Предпринятые

[409] How Big Pharma (and others) began lobbying on the Trans-Pacific Partnership before you ever heard of it // Sunlight Foundation [Web Portal]. Режим доступа: http://sunlightfoundation.com/blog/2014/03/13/tpp-lobby/Дата обращения: (20.12.2016)

[410] Trump-Pacific Partnership? New Zealand PM Idea to Save TPP // The Guardian, November 20, 2016.

новой администрацией действия вызвали шок в стане сторонников проекта в США и других странах-участниках, даже несмотря на то, что позиция Трампа по этому вопросу была давно известна. Главной проблемой стало даже не разрушение масштабного проекта как таковое, сколько усилившееся непонимание какой будет новая американская стратегия США в Азии – отказ от ТТП демонстративно подчеркнул отход от прежней политики, без ясного понимания, что ее заменит. Ни сам Трамп, ни его ближайшие советники не сформулировали сколь-либо внятной программы действий на смену стратегии уходящей администрации, за исключением общей критики политики предшественников.

На первый взгляд отказ от ТТП выглядит как случайная жертва внутриполитических обстоятельств. В условиях тиражируемых в прессе обвинений в популизме, Трампу необходимо было быстрое и эффективное исполнение хотя бы одного крупного предвыборного обещания. В этом смысле выбор отказа от ТТП в качестве символического закрытия «гештальта» первых ста дней президентства тактически безупречен: даже при неважном начале администрации будет чем отчитаться перед избирателями, при этом технически отзыв подписи от нератифицированного соглашения занимает считанные часы. При принятии решения видимо учитывалось и то, что соглашение никогда не пользовалось полной поддержкой ни со стороны республиканцев, ни со стороны демократов: со времени публикации текста заключенного соглашения в октябре 2015 г. в обеих оно вызывало дискуссии, преодолеть которые администрация Обамы так и не смогла. В этих условиях решение Трампа «похоронить» ТТП, едва ли могло встретить серьезное организованное сопротивление, как это произошло, например, в случае закрытия базы Гуантанамо – другого символического обещания, неисполнение которого стало важной чертой образа Обамы как слабого и нерешительного лидера.

Однако, комплексный взгляд на политическую и экономическую программу Трампа (какой бы популистской она ни казалась) позволяет

говорить о том, что свертывание ТТП имеет более глубокую идеологическую и политическую базу. Трамп и его сторонники во многом схожи во мнении с теми представителями политического мейнстрима (в том числе – Б. Обамой), что дальнейшее развитие глобализации в нынешней форме будет вести к ослаблению позиций США. Но вместо дорогостоящих попыток «развернуть» эти процессы в нужном для Вашингтона направлении, Трамп предлагает прямо противоположную стратегию – отгородиться от них.

Данный подход имеет системную внутреннюю поддержку, падая на благодатную почву традиционного изоляционизма «одноэтажной Америки», в особенности – более патриархальных средних штатов, которые Трампа и избрали. В отличие от исторически ориентированных на торговлю и финансы штатов побережья (в массе своей, за исключением штатов Юга и Флориды, проголосовавших за Клинтон), «внутренняя Америка» в гораздо меньшей степени является бенефициаром глобализации и в гораздо большей – ощущает на себе ее давление – в частности на средние штаты должны были прийти основные негативные эффекты ТТП, в том числе сокращение рабочих мест в некоторых отраслях[411]. Нападки на ТТП со стороны Трампа и его сторонников следует таким образом рассматривать не просто как частный случай, но как системное неприятие глобальных и региональных многосторонних договоров как таковых: в ходе предвыборных дебатов Трамп критиковал и соглашение НАФТА, и малоэффективную с его точки зрения систему ВТО[412].

Как следствие ТТП не вписывается и в экономическую программу Трампа, вдохновленную «рейганомикой» и также вобравшую в себя некоторые фобии средней Америки. «Трампономика» по-видимому будет представлять собой синтез классических республиканских рецептов (снижение налоговой нагрузки на бизнес, дерегулирование, «маленькое правительство» при росте государственного долга и др.) в

[411] *Stiglitz J.* Why TPP is a Bad Deal for America and American Workers // Roosevelt Institute, Режимдоступа: http://rooseveltinstitute.org/why-tpp-bad-deal-america-and-american-workers/Датаобращения: (03.08.2016)
[412] *Palmer D.Op. cit.*

рейгановскомварианте и ряда экстремальных по меркам сегодняшнего мейнстрима мер, которые Трамп позиционирует как свои личные новаторские инициативы[413]. К последним относятся и обещания чрезвычайно жесткого протекционизма. В ходе предвыборной кампании Трамп успел пообещать значительный рост торговых тарифов, включая наиболее одиозные заявления о 35-процентной пошлине на товары из Мексики и 45-процентные – из Китая[414]. Многие американцы видят в этом ностальгический блеск «Позолоченного века» - периода бурного экономического роста в США последней трети XIX – начала XX столетия, во многом строившегося на жесточайших протекционистских мерах. Тогда республиканская партия тоже была оплотом протекционизма, а Трампа недаром некоторые сравнивают с другим эксцентричным президентом – Теодором Рузвельтом.

На деле в качестве президента Трамп остается сильно ограничен в реализации обещанных им протекционистских мер. Внутри страны главным препятствием будет конгресс, без согласования с которым глава исполнительной власти не может менять торговые тарифы более чем на 15% и то в качестве формально временной меры. Извне на открытую протекционистскую политику будут оказывать давление нормы ВТО (выход из организации опять же невозможен без одобрения конгресса). Вследствие этого предлагаемый Трампом протекционизм будет вероятно в значительной степени строиться на усилении нетарифных барьеров, точечных запретах (иногда, возможно, и в форме экономических санкций), налоговых и инвестиционных стимулах для переброски в США производств. ТТП в немалой степени ориентированное как раз на регламентацию и смягчение нетарифных барьеров торговли и ограничение внерыночных стимулов для национальных производителей в такую экономическую модель не просто не вписывалось, но напрямую ей противоречило.

[413]Stiglitz J. What American Economy Needs From Trump // Project-Syndicate, November 13, 2016. Режим доступа: https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-agenda-america-economy-by-joseph-e--stiglitz-2016-11Дата обращения: (03.08.2016)
[414]*PalmerD.Op. cit.*

При этом предлагаемые Трампом протекционистские меры теоретически не противоречат решению тех прикладных задач, которые администрация Обамы объявила в качестве приоритетных при создании ТТП: стимулирование экспорта, создание новых рабочих мест, повышение конкурентоспособности американской экономики. Напротив,как указывалось выше, критики проекта из числа профессиональных экономистов, справедливо указывают на крайне неравномерное распределение выгод от него: бенефициарами соглашения выступят главным образом крупные ТНК, а эффект ТТП на американский рынок труда будет неоднозначным и возможно даже подстегнет безработицу, а не снизит ее. К этому следует добавить и негативное изменение структуры внешней торговли: при прогнозируемом увеличении экспорта соглашение будет стимулировать и дефицит торгового баланса США. Трамп, таким образом, позиционирует свое решение как отказ от сомнительного и дорогого внешнеполитического и внешнеэкономического инструмента в пользу простых и проверенных временем мер.

Не сработали в случае с ТТП и внутриполитические институциональные подпорки, призванные обеспечить преемственность курса. Утверждение республиканского большинства в обоих палатах конгресса с учетом непростых отношений Трампа с партийным истеблишментом добавило сложившейся после выборов политической конструкции больше неопределенности, чем устойчивости. С одной стороны, в вопросе внешней торговли (как и во многих других вопросах) позиции президента и республиканского мейнстрима кардинально расходятся: костяк великой старой партии продолжает тяготеть к фритрейду, и протекционистская риторика Трампа вызывает у значительной части традиционной республиканской элиты отторжение. В ходе президентской кампании 2012 г. республиканцы, представленные тогда традиционными правыми и правоцентристскими кандидатами, критиковали Б. Обаму за

недостаточно решительное отстаивание либерализации торговли, в том числе в АТР, считая усилия демократической администрации недостаточными.

Однако, даже у республиканских сторонников фритрейда отношение к ТТП остается неоднозначным. Республиканцы традиционно настороженно относятся к большим многосторонним соглашениям: за последние десятилетия все крупные глобальные и региональные торговые сделки, в которых США принимали участие – ГАТТ, ВТО, НАФТА – заключались при демократических администрациях (что не мешало однако значительной части республиканцев за них голосовать). В этих условиях есть вероятность того, что Вашингтон вернется к идее нового партнерства – многосторонней торговой сделки – на новом политическом цикле – через 4-8 лет. Нельзя исключать такого поворота событий и при республиканской администрации – там могут вспомнить, например, о выдвигавшейся в ходе выборов 2012 г. М. Ромни идее «Рейгановской зоны свободной торговли» - республиканской альтернативе обамовскому ТТП, которое однако основывалось на тех же принципах.

Отказ администрации Трампа от ТТП можно трактовать как политику, по сути направленную на «удешевление» инструментов поддержания американского лидерства в регионе. Осуществляя выход из ТТП, республиканская администрация объявила о намерении перейти к практике продвижения двусторонних ЗСТ как более эффективного – с ее точки зрения – инструмента продвижения американский национальных интересов. Двусторонние ЗСТ могут быть более выгодными для США экономически, при этом также работая на укрепление американских стратегических позиций.

Новаторством администрации Трампа уже можно назвать стремление – интуитивное или осознанное – преодолеть главное противоречие ТТП, которые указывалось в данной работе: противоречие между укреплением американских позиций в регионе и сохранением регионального порядка. Продвижение ТТП, вопреки ожиданиям администрации Обамы привело к

росту фрагментации АТР, появлению альтернативных институциональных форматов и поляризации региональной политики. В итоге администрация Обамы по сути предложила фрагментированный региональный порядок за высокую экономическую цену. В результате внутриполитической борьбы в США возобладали противники такого подхода. Политика новой республиканской администрации, схожая по главной цели – укрепление американских позиций в регионе и сдерживание КНР – по-видимому будет в меньшей степени ориентироваться на укрепление порядка, в большей степени строясь вокруг национальных интересов.

3.4 Транстихоокеанское партнерство и интересы России

Предложенная Вашингтоном масштабная реформа системы региональной торговли напрямую затрагивала интересы России, особенно в контексте политики российского «разворота» на Восток, начатом практически одновременно с активизацией переговоров по заключению ТТП. Озвученная официальная позиция России по отношению к проекту мегарегионального соглашения изначально была и остается отрицательной.

Так, комментируя заключение соглашения о ТТП Председатель Государственно Думы России С. Нарышкин заявил, что «эти проекты… рассчитаны на неравноправие участников и выглядят новыми попытками изолировать или подавить тех, кто не согласен жить в однополярном мире»[415]. Прямой критике за закрытый характер подверг формируемые блоки (Транстихоокеанское и Трансатлантическое партнерства) и российский президент В. Путин[416]. При этом, однако, следует отметить, что вопреки негативной официальной позиции России по отношению ТТП, само по себе создание блока несло и продолжает нести (в случае имплементации условий соглашения в усеченном виде, без американского участия) для нашей страны

[415]Нарышкин: ТТП рассчитано на неравноправие участников// РИА Новости, 4 мая 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://ria.ru/economy/20160504/1426020199.htmlДатаобращения: (03.08.2016)
[416]70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Президент России. 27 сентября, 2015. [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/50385Датаобращения: (03.08.2016)

не только негативные, но и некоторые позитивные последствия, которыми в случае вступления соглашения в силу имеет смысл воспользоваться. Интерес представляется и уникальный опыт институционального строительства, продемонстрированный в ходе продвижения ТТП и особенно ценный в свете российских интеграционных инициатив в пространстве «Большой Евразии».

С учетом того, что ТТП в ходе своей эволюции фактически превратился в комплексный инструмент американской политики по укреплению своего регионального лидерства как в экономическом, так и в стратегическом измерениях, с точки зрения российских внешнеполитических интересов создание регионального макроблока также имеет как экономическую, так и стратегическую значимость.

С точки зрения экономических интересов активное формирование в регионе многосторонних форматов, в которых Россия не принимает участия, носит безусловно негативный характер. Из всех крупных многосторонних площадок в АТР в полной мере Россия присутствует только на площадке АТЭС, не будучи представленной в переговорах ни по одному мегарегиональному соглашению (ТТП, РВЭП), проходящих в более узких составах и сформированных вокруг региональных лидеров в лице США и КНР. Хотя выход США из ТТП в значительной степени девальвировал значение этой площадки, наработанная договорно-правовая база в той или иной форме может быть использована для дальнейшего развития мега-региональной торгово-экономической архитектуры и с этой точки зрения сохраняет для России безусловный интерес.

При этом хотя формальной целью всех форматов торгово-экономического регионализма является заключение общерегиональной зоны свободной торговли, сама АТЭС, включающая всех предполагаемых участников такого соглашения, давно перестала быть центральной переговорной площадкой по этим вопросам, уступив место мегарегиональным «блоковым» сделкам[417]. В этих условиях участие России в

[417] *Wilson J.* Mega-Regional Trade Deals in the Asia-Pacific: Choosing Between the TPP and RCEP? // Journal of

АТЭС носит скорее символический характер, а само ее присутствие на саммите не способно гарантировать учет российских интересов в ходе преобразования азиатско-тихоокеанской архитектуры экономического сотрудничества. В результате выработка новых норм и стандартов международной торгово-экономической деятельности проходит по сути в обход России, что безусловно не соответствует российским интересам. В наибольшей степени это относится к проекту ТТП – как в силу более глубокого уровня предлагаемых им норм и стандартов, так и в виду большой политизированности проекта.

Следует отметить, однако, что прямое макроэкономическое влияние создания ТТП на российскую экономику в целом было бы относительно незначительным: так, расчеты Всемирного банка указывают на очень небольшое изменение динамики роста российского ВВП в сторону падения в случае реализации проекта – практически укладывающуюся в рамки статистической погрешности, не превышая десятых долей процента в перспективе ближайшего десятилетия[418].

Такой низкий отрицательный потенциальный эффект в кратко- и среднесрочной перспективе объясняется структурой российских внешнеэкономических связей в регионе, обладающих низким уровнем диверсификации, как географической, так и качественной (в плане структуры торговли). Россия с одной стороны слабо встроена в торговые и экономические цепочки АТР, с другой – ориентирована в своей внешнеэкономической деятельности на ограниченную группу стран[419]. Данная ситуация, являющаяся «ахилесовой пятой» российской политики «разворота на Восток», в данном случае до известной степени защищает Россию от краткосрочных негативных макроэкономических эффектов от заключения ТТП. В долгосрочном же плане однако, заключение соглашения

Contemporary Asia, 2015 Vol. 45, No. 2, 345–353.

[418]Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership // World Bank Global Economic Propsects, January 2016, pp. 227-228.

[419]*Макаров И. А.* (ред). Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М. 2016.

может способствовать скорее консервации низкодиверсифицированной структуры российских внешнеэкономических связей в регионе и сохранению ее второстепенной роли в региональной экономике. Такой сценарий имеет под собой объективную экономическую основу.

Низкодиверсифицированный характер внутренней структуры внешней торговли России с регионом определяется прежде всего структурой российского экспорта. Российский экспорт в Азию базируется на ограниченном наборе поставляемых товаров. Данные по российскому экспорту в Азию представлены ниже:

График 9. Структура экспорта из России в страны Азии (2015 г.)

Источник: Федеральная таможенная служба России

Как видно, российский экспорт в регион ориентирован главным образом на поставки энергоресурсов и иного сырья. Около 70% российского экспорта в страны Азии приходится на минеральное топливо (нефть и газ). При этом, еще около 8% в 2014 г. пришлось на торговлю другими сырьевыми товарами. Таким образом, лишь треть российского экспорта в страны Азии имеет несырьевой характер. Что, принимая во внимание относительно

невысокое технологическое развитие большинства государств Азии, явно не удовлетворяет реальным возможностями российской экономики конкурировать на рынках развивающихся стран.

При этом торговля сырьем как раз оказалась одной из сфер, потенциально в наименьшей степени затрагиваемой соглашением по ТТП. Тарифы на сырье в большинстве стран и так являются низкими, либо вовсе нулевыми [420], а региональная перестройка производственных цепочек, достаточно небольшой степени оказывает влияние на поставщиков энергоресурсов, ведущих борьбу за рынки, а не за инвестиции. Это «смягчает» давление на российский экспорт, но с другой – угрожает закреплением России в роли поставщика сырьевых на рынки АТР.

График 10. Структура импорта товаров в Россию из стран Азии(2015 г.)

Источник: Федеральная таможенная служба России

Как видно, примерно половина всех импортируемых товаров приходится на отрасль машиностроения, значительные части занимает продукция химической промышленности, продукты питания и другие

[420] *Wu Y., Kimura F., Shi X.* Energy Market Integration in East Asia:Deepening Understanding and Moving Forward. Routledge. 2013, pp. 14-16.

товары, подразумевающие глубокую переработку. При этом, отрасль машиностроения сама по себе обладает большим уровнем диверсификации и включает в себя несколько групп товаров, включая высокотехнологичную продукцию. Данные категории товаров в значительной степени регламентируются правилами торговли, которые предлагает инициатива ТТП, что предполагает рост стоимости импортной продукции из стран, входящих в мега-региональное соглашение. С учетом «выпадения» из соглашения США наибольший эффект на российскую экономику может быть оказан через российско-японскую торговлю – в случае, если ТТП будет реализовано в ограниченном формате, без участия Вашингтона.

Таким образом, потенциальное влияние ТТП на российскую внешнюю торговлю со странами региона неоднородно. Постепенное снижение импортных тарифов в странах Азии параллельно с повышением открытости азиатских стран в торговле друг с другом негативно скажется на показателях импорта товаров в Россию из азиатского региона. В то же время, российский экспорт на настоящий момент практически не зависит от того, как будут меняться тарифы в региональной торговле. Более того, увеличение роста в отдельных азиатских странах вследствие либерализации международной торговли, может создать дополнительный спрос для энергоносителей, в том числе российского минерального топлива.

Вторым фактором, определяющим относительно небольшое негативное влияние ТТП на российские экономические интересы в АТР в среднесрочной перспективе определеяется низкой географической диверсификацией внешнеэкономических связей. На три крупнейшие азиатские экономики (и одновременно соседей России): Китай, Республику Корея и Японию – приходится более 80% российского внешнеторгового оборота с регионом[421]. При этом около половины всей региональной торговли приходится на Китай.

[421]See: UNCTAD Statistics. Режимдоступа: http://unctad.org/en/Pages/statistics.aspxДатаобращения: (03.08.2016)

Такая низкая географическая диверсификация российской внешней торговли также ограничивает потенциал России для укрепления своей экономической роли в АТР, но при этом «амортизирует» краткросрочные негативные последствия от возможного вступления в силу ТТП. На данный момент из трех крупнейших торговых партнеров России в Азии: Китая, Республики Корея и Японии только последняя является участником американской инициативы. Увеличение негативного потенциала ТТП для российской экономики однако может усилиться в случае расширения действия соглашения, прежде всего – в случае вступления в него Китая. Такая вероятность, однако, пока остается весьма низкой (см. выше).

Следует отметить при этом, что РВЭП, в которое входят все эти три крупнейших торговых партнера России, и у которого после выхода США из ТТП есть шансы превратиться в главный многосторонний формат выработки правил торгово-экономической деятельности в регионе, будет оказывать меньшее негативное влияние на интересы России в АТР. Во-первых, данный проект несет лишь относительно незначительные дополнения к существующему в регионе режиму международной торговли: если ТТП помимо унификации уже существующих ЗСТ направлен на качественную «перетряску» условий международной экономической деятельности, РВЭП по большей части фокусируется на дальнейшем снижении тарифов и ликвидации некоторых нетарифных барьеров[422]. Более того, сеть ЗСТ, на которых базируется РВЭП значительно шире, чем сеть ЗСТ ТТП, что делает задачу унификации существующих торговых соглашений в целом легче[423]. Так, для Китая присоединение к РВЭП будет означать либерализацию лишь по линии торговли с Японией, на которую и так взят курс в рамках проекта трехсторонней ЗСТ между КНР, Республикой Корея и Японией. Более того, у всех членов проекта существует ЗСТ с АСЕАН.

[422] *Wilson J.* Mega-Regional Trade Deals in the Asia-Pacific: Choosing Between the TPP and RCEP? // Journal of Contemporary Asia, 2015 Vol. 45, No. 2, 345–353.
[423] *Min Y.* China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road //Asian Security, vol. 11, no. 3, 2015, pp. 206–224.

Однако, хотя краткосрочные эффекты от заключения ТТП будут для России незначительными, в долгосрочной перспективе появление мегарегионального соглашения с возможностью постепенной экспансии практически на весь регион представляет угрозу российским экономическим интересам. Прежде всего, Россия вновь, как и в случае с ВТО, будет поставлена перед фактом появления разработанных без ее участия норм и стандартов торгово-экономической деятельности, к которой она вынуждена будет присоединиться, особенно в случае вступления в соглашение КНР, ее основного на сегодняшний момент торгового и стратегического партнера в Азии. При этом, как указывалось выше, многие нормы ТТП являются прямо дискриминационными по отношению к развивающимся странам, способствуя фиксации их положения в международном распределении труда. В этих условиях нормативно-институциональная среда региональной экономики будет играть роль инструмента консервирования второстепенной роли России в АТР, по крайней мере в экономической сфере.

Таким образом, если Россия не начнет участвовать процессе выработки новых правил международной торговли в АТР, это не только будет препятствовать складыванию новых торговых отношений с азиатскими странами, но и станет ударом для уже существующих торговых и инвестиционных потоков, которые частично будут перераспределяться. Так, в случае реализации ТТП даже в ограниченном виде, России будет еще сложнее конкурировать на рынках высокотехнологичную продукцию (при этом даже сегодня присутствие России на этих рынках крайне незначительно).

Менее выгодным будет и построение цепочек добавленной стоимости через Россию. Оставаясь в стороне от процессов региональной либерализации, Россия будет становиться все менее привлекательным местом для аутсорсинга производств (например, энергоемких и водоемких) из Китая, уступая в конкуренции со странами Юго-Восточной Азии. В наибольшей степени способность к диверсификации экономических связей с

АТР и в целом конкурентоспособность российской экономики будет ослаблена в случае поэтапного распространения ТТП на весь регион. Хотя в настоящий момент, с учетом выхода США из проекта, возможности дальнейшей экспансии нормативно-правовой базы соглашения ограничены (неясно даже, вступят ли уже согласованные условия соглашения между оставшимися участниками), нельзя исключать «реанимации» проекта с приходом в Вашингтоне новой администрации. В этом случае все указанные выше риски для России могут реализоваться в полной мере.

С точки зрения стратегических интересов успешная реализация инициативы ТТП представлялась для России не менее тревожной. Во-первых, формирование эксклюзивного торгового макроблока играло на ослабление формата ВТО, что чревато «разрывом» сложившегося под зонтиком этой организации единого глобального торгового пространства. Так, в ходе речи на открытии юбилейной Генеральной ассамблеи ООН эту озабоченность прямо выразил российский президент В. Путин: «Ряд стран пошли по пути закрытых эксклюзивных экономических объединений, причём переговоры об их создании идут кулуарно, втайне и от собственных граждан, от собственных деловых кругов, общественности, и от других стран… Вероятно, всех нас хотят поставить перед фактом, что правила игры переписаны, и переписаны опять в угоду узкого круга избранных, причём без участия ВТО. Это чревато полной разбалансировкой торговой системы, раздроблением глобального экономического пространства»[424].

Для России расшатывание глобального экономического порядка и его трансформация в более фрагментированную систему организации экономического регулирования представляет собой не только экономический, но в большей степени как раз стратегический вызов. Именно экономика стала главным инструментом давления со стороны западных государств после событий в Крыму и на Украине в 2014 г. При этом,

[424]70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Президент России. 27 сентября, 2015. [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/50385Датаобращения: (03.08.2016)

экономические санкции против России – входящей на момент их принятия в десятку крупнейших экономик – сами по себе являлись сильным ударом по ВТО и провозглашаемым организацией принципам, превращая глобальное экономическое измерение межгосударственных отношений в зону не меньшего риска, чем пространство безопасности.

Попытки подмены глобальных правил торговли новыми преференцированными блоками в еще большей степени подрывают глобальный экономический порядок – при том, что Россия стала участником ВТО лишь в 2012 г., не успев, по сути, получить выгод от вступления в организацию. При этом формирование закрытого торгового блока в АТР, четыре участника которого – США, Канада, Австралия и Япония – ввели против России экономические санкции, создавало дополнительные ограничения для российского экономического развития, играя по сути роль инструмента сдерживания.

С этой точки зрения выход США из ТТП хотя и наносит разрушительный удар по инициативе, но по сути не снижает угрозы глобальному экономическому порядку. Протекционисткая платформа новой республиканской администрации представляет не меньшую угрозу единым правилам игры и может в еще большей степени способствовать фрагментации мировой экономики. Так, предложенные Д. Трампом меры по изменению тарифного регулирования и озвученный им призыв к экономической войне против КНР могут подорвать основы ВТО как глобального института регулирования и дестабилизировать мировую и региональную экономику[425]. В этом смысле «ползучее» институциональной наступление ТТП при республиканской администрацией может смениться резкой и малопредсказуемой контратакой с применением различных средств экономического давления на конкурентов, что также представляет серьезную угрозу российским интересам (даже если они не будут затронуты напрямую).

[425] *Bacchus J.* Trump's Challenge to WTO // Wall Street Journal, January 4, 2017.

При этом нельзя исключать возврата к идее создания мега-регионального объединения под эгидой США после прихода новой администрации.

Стратегическим вызовом для российских интересов является и потенциальное влияние ТТП на архитектуру региональной безопасности. Как указывалось выше, ориентация нового торгового блока на союзников США формировало заведомо эксклюзивный характер предлагаемой США экономической архитектуры, в которой ни Китаю, ни России может не найтись места. Наиболее показательна в этом отношении уже упомянутая выше статья Б. Обамы в издании WashingtonPost в которой американский лидер открыто отказал Пекину в праве участвовать в написании правил глобальной и региональной торговли[426]. Тем более такое право едва ли с американской точки зрения могло быть предоставлено России, находящейся под действием экономических санкций со стороны тех же США. Возможное присоединение Китая и России к ТТП, приглашение к которому озвучивалось в Вашингтоне на высшем уровне – в частности устами главы внешнеполитического ведомства США Дж. Керри[427], при администрации Обамы мыслилось в США исключительно на условиях одностороннего принятия американских правил игры в сфере международной экономической деятельности.

Такой подход напрямую противоречил позиции России, последовательно отстаивающей инклюзивный характер всех форматов политического и экономического сотрудничества как одно из фундаментальных условий равноправного партнерства государств на международной арене. Появление в АТР эксклюзивной архитектуры экономического сотрудничества, которая укрепила бы закрытый характер архитектуры безопасности было чревато появлением в регионе политических и экономических линий разделения. Пагубность такого подхода уже была продемонстрирована в Европе, где инклюзивная, НАТО-центричная

[426]*Obama B.*The TPP would let America, not China, lead the way on global trade // Washington Post. May 2. 2016.
[427]Керри пригласил Россию и Китай присоединиться к ТТП // Информационное Агентство «Риа Новости». [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/economy/20151102/1312472424.htmlДатаобращения: (03.08.2016)

институциональная организация региональной безопасности и закрытая экономическая архитектура ЕС (которую при администрации Обамы опять же планировалось усилить и «замкнуть» на США посредством заключения соглашения-побратима ТТП – ТАТИП, ориентированного на геоэкономическую консолидацию евроатлантики), привели к кризису российско-западных отношений, развалу системы европейской безопасности и экономическим потерям с обеих сторон.

Свертывание американского участия в ТТП существенно ослабляет негативный эффект инициативы на систему региональной безопасности. Возможная реализация соглашения без США (что автоматически сделало бы ведущим государством объединения Японию), ослабляет «разделяющий» потенциал проекта. При этом создание японоцентричного торгово-экономического объединения теоретически создало бы политические предпосылки для участия (пусть и ограниченного) в таком многостороннем формате России. Такой сценарий тем не менее является маловероятным.

В целом, нынешнее состояние региональных институтов не в полной мере соответствует российским интересам. Россия заинтересована в интеграции в экономические связи в АТР и в реализации своего потенциала как геоэкономической и транспортно-логистической связки между Европой и Азией и формировании благоприятной внешней среды для своего развития. Появление проектов мега-региональных соглашений – ТТП, ВРЭП – и их развитие, идущее без участия России, конкуренция между этими проектами, формирует дополнительные институциональные барьеры на пути достижения этих целей. В результате в АТР наблюдается некоторая институциональная перегруженность, вызванная существованием целого ряда параллельно развивающихся проектов экономической интеграции и множеством механизмов экономического сотрудничества. Эти проекты мега-соглашений грозят появлением новых институциональных барьеров на пути российской интеграции в АТР, реализации российского потенциала как мостика между Азией и Европой.

Наиболее эффективным средством преодоления негативных эффектов от продвижения ТТП и других многосторонних форматов, в которые Россия не входит, может стать создание при активном участии России открытого многостороннего формата, ориентированного вовлечение в сотрудничество как новых незападных, так и традиционных западных центров силы. Проект ВРЭП, гораздо более мягкий по условиям и эксклюзивный по отношению к региональным партнерам, по-видимому таковым стать не сможет. Прежде всего, в силу прочной ассоциации проекта с Китаем, который воспринимается многими странами Азии, и самими США как претендент на региональную гегемонию, а сама инициатива РВЭП соответственно – как институциональный проект, направленный на реализацию этих амбиций и напрямую конкурировавший с ТТП[428].

России целесообразно более активное использование ЕАЭС как инструмента выстраивания внешних интеграционных инициатив в АТР, как на двустороннем треке, так и для подключения к процессам формирования и развития многосторонних форматов. Позитивным примером первого может служить соглашение о ЗСТ ЕАЭС-Вьетнам. Сейчас в активной работе у ЕАЭС находится проработка двусторонних соглашений со следующими партнерами: с Китаем по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве (непреференциальное торгово-экономическое соглашение, не ведет к созданию ЗСТ); с Сингапуром о соглашении по ЗСТ; с Республикой Корея идут рабочие консультации по вопросу заключения соглашения о свободной торговле. Прорабатывается вопрос об открытии переговоров о ЗСТ с Индией.

При этом формирование сети ЗСТ и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве должно увязываться с общей стратегией сопряжения ЕАЭС и развитием институциональной архитектуры экономических отношений в Азии. Будущая сеть двусторонних соглашений о ЗСТ в перспективе может стать базой для более глубокого вовлечения России

[428] *WilsonJ.* Op. cit. P. 345–353.

в процессы формирования правил экономической жизни в АТР и Евразии. Например, через выход на подписание Соглашения экономического соглашения по линии ЕАЭС-ВРЭП, которое могло бы стать основой для широкого экономического пространства «от Санкт-Петербурга до Сингапура».

Развитие и продвижение более широкого геоэкономического простнарства, которогое включало бы Китай, другие государства Азии, включая Японию, республику Корея, страны АСЕАН способствовало бы преодолению институциональных и политических барьеров на пути развития связей России в АТР, использования ее потенциала как мостика между Европой и Азией. Во многом на формирование такого пространства был направлен ряд последних российских инициатив – сопряжение ЕАЭС и китайского проекта «Один Пояс – Один Путь», инициатива о заключении Всеобъемлющего торгово-экономического соглашения ЕАЭС-КНР, интенсификация сотрудничества с АСЕАН. Центральной инициативой на этом направлении стало выдвинутое в 2016 г. Президентом России В.В. Путиным во время визита в КНР предложение по формированию Большого евразийского партнерства, отражающего логику построения пространства «Большой Евразии». Пока данная инициатива находится на этапе обсуждения и требует конкретного наполнения для дальнейшей реализации.

Базой для эксклюзивного и направленного на широкое сотрудничество стран АТР и евразийского континента может стать выдвинутая в июне 2016 г. Россией и Китаем инициатива Евразийского партнерства – как продолжение реализуемого двумя странами проекта сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Такой формат, ориентированный на создание континентальной архитектуры сотрудничества в разных областях, с одной стороны позволяет снять подозрения соседей Китая в стремлении последнего укрепить за счет нового многостороннего института свое лидерство. Сама инициатива нового проекта исходила из России, при этом возможное присоединение к

евразийскому партнерству Индии, Пакистана, Ирана способно до известной степени «растворить» возвышающийся Китай в многосторонней и полицентричной архитектуре[429].

В то же время, впервые озвучивая новую инициативу на Санкт-Петербургском экономическом форуме, российский президент подчеркнул открытость инициативы для сотрудничества и даже присоединения всех стран континента, в том числе входящих в западные форматы – прежде всего ЕС[430], партнерство с которым по линии Россия-ЕС во многом потеряло смысл как в силу появления ЕАЭС, так и на фоне ухудшения политического климата российско-европейских отношений после 2014 г. Создание такого формата – «от Лиссабона до Сингапура» и, возможно, далее – с привлечением к сотрудничеству государств и форматов АТР, в гораздо большей степени будет удовлетворять российским интересам, при этом в большей мере способствуя формированию прочной институциональной архитектуры для политического и экономического порядка в Евразии, АТР и мире в целом.

[429] *Караганов С.А.* Обещание Евразии // Россия в глобальной политике. 16 октября, 2016.
[430] *ЛатухинаК.* Путин объявил о создании большого Евразийского партнерства // Российская Газета. 17 июня, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2016/06/17/vladimir-putin-anonsiroval-sozdanie-bolshogo-evrazijskogo-partnerstva.html Дата обращения: (03.08.2016)

Заключение

Проведенное автором исследование роли и места проекта ТТП во внешней политике США на тихоокеанском направлении позволило сделать следующие выводы:

1. Проект ТТП как инструмент американской политики являлся комплексным ответом на совокупность структурных вызовов американскому лидерству в АТР. Данные вызовы связаны с тремя основными проблемами: 1) экономическое и политическое усиление КНР и как следствие неблагоприятное для США изменение регионального баланса сил, в том числе и в стратегическом измерении; 2) эволюция институционально-политической архитектуры региона в невыгодную для США сторону: от слабой, низкоинституционализированнойобщерегиональной структуры с превалирующей неолиберальной экономической повесткой к более узким форматам регионализма, основанным на повестке развития; 3) регионализация торгово-экономических связей, переход от модели «Азия для мира» - к «Азия для Азии» - т.е. переориентация экспортно-ориентированных экономик развивающихся стран региона от преобладающей ориентации на западные рынки к более диверсифицированной модели с большим упором на внутренне потребление и соседей по региону.

Эти три вызова в совокупности представляли прямую угрозу американским позициям в регионе. В этих условиях в рамках политики «разворота в Азию», проводимой администрацией Б. Обамы, США нуждались в инструменте, который мог бы дать комплексный ответ на всю совокупность этих угроз. Таковым стал проект ТТП, с одной стороны направленный на институциональную консолидацию региона и перестройку региональных торговых и производственных связок в более выгодную для США сторону, с другой – на усиление американских политических позиций в регионе и ослабление влияния КНР (как за счет невыгодного и зачастую дискриминационного по отношения к нему набора условий соглашения, так

и за счет вытеснения китайской региональной повестки более сильным международным проектом).

2. При этом проект ТТП и другие аспекты американского «разворота в Азию»: переориентация военно-стратегических ресурсов, укрепление военно-политических связок с традиционными союзниками, попытка выстраивания «особых отношений» с КНР, продвижение демократических ценностей и институтов – взаимодополняли друг друга. Проект ТТП способен усилить институционально-экономический фундамент американоцентричной системы оборонных альянсов, по меньшей мере со странами АНЗЮС, Японией, Канадой, Сингапуром а также увеличить потенциал сотрудничества в военной сфере США и Вьетнама. С учетом нацеленности проекта на дальнейшее расширение амбиции администрации Обамы простирались далее: формирование экономической архитектуры, контуры которой при вступлении в проект Республики Корея, Таиланда. Филиппин и Тайваня (хотя вступление всех этих стран даже с учетом реализации «первого» эшелона проекта представлялось весьма затруднительной, все эти страны на определенном этапе выразили желание присоединиться к проекту) воспроизводили бы архитектуру американских военно-политических союзов в регионе. В отсутствие в составе участников соглашения по ТТП Китая торговое объединение вкупе с оборонными связками превращалось в комплексный инструмент сдерживания (или по меньшей степени почти неизбежно начинает рассматриваться таковым).

В то же время соглашение было направлено и на продвижение американских ценностей, в некоторых случаях в крайне идеологизированной форме Нормативно-ценностной экспансии способствует и заведомый рыночный фундаментализм требований объединения в сфере макроэкономического регулирования. Таким образом, ТТП являлось органичной составной частью американской политики в регионе, развивающейся в трех плоскостях: военной, экономической и нормативно-ценностной.

3. Как комплексный инструмент внешней политики проект ТТП несло в себе несколько функций:

А) техническую – унификация норм и стандартов торгово-экономической деятельности в регионе

Б) геоэкономическую – усиление роли американской экономики в системе региональных связей: укрепление экономических связок с традиционными союзниками с одной стороны и ослабление экономического влияния потенциальных конкурентов с другой, при этом вхождение Китая в торговый блок и принятие написанных в Вашингтоне стандартов будет выполнять по сути ту же роль и ослаблять китайский потенциал экономической силы в регионе

В) геостратегическую – создание дополнительного, экономического измерения системы ориентированных на США оборонных альянсов и одновременно – укрепление инфраструктуры стратегического сдерживания Китая в том случае, если последний не присоединится к соглашению

Г) политическую - т.е. демонстрация и реализация способности навязывать формальные и неформальные правила игры, закрепление за Вашингтоном статуса центра принятия решений определяющих дальнейшую эволюцию регионального порядка.

Д) ценностно-идеологическую – экспорт американских рыночных и политических ценностей через экспансию институтов.

4. При этом в проекте ТТП был заложен ряд противоречий, ослабляющих его структурное влияние на международную систему и эффективность как инструмента внешней политики США в регионе.

4.1. Во-первых, реализация одних компонентов нередко вступало в противоречие с реализацией других. Так, главной, зачастую довлеющей над экономическим смыслом, политической задачей проекта ТТП как инструмента внешней политики США является укрепление американского лидерства в формировании правил региональной и глобальной торговли и ряда других ключевых аспектов экономической деятельности. В этих

условиях гибкость подхода США в отношении экономических требований партнеров, а иногда и собственных экономических интересов оказалась заведомо снижена – в стремлении утвердить политическое и репутационное лидерство администрация Обамы шла на болезненные тактические уступки в одних случаях (в частности, большее, чем ожидали участники рынка, облегчение допуска продукции японского машиностроения, прежде всего автомобилей, на американский рынок), и демонстрировали слишком бескомпромиссный подход в других – прежде всего в плане глубины и всеохватности предлагаемых высококачественных стандартов торговли, нередко невыгодных для развивающихся государств. В результате этой попытки «усидеть на двух стульях», итоговый документ не в полной мере удовлетворял экономические интересы США. Серьезную несбалансированность соглашения подтверждает широкое публичное недовольство условиями в США, и менее явное, «глухое» недовольство ТТП в некоторых странах-партнерах.

4.2. Во-вторых, американская политика в АТР при Б. Обаме не смогла преодолеть противоречия между глобальными и региональными задачами. Позиционируя ТТП как одну из флагманских инициатив «разворота в Азию», США изначально и вполне открыто указывали на то, что проект имеет не только региональное, но и в не меньшей степени глобальное значение[431]. Это на практике подтверждает начатое практически с первых дней второго срока Б. Обамы развертывание второго, во многом схожего торгового мегаблока в Евроатлантике – ТАТИП – позволяющее говорить об этих объединениях как качественно новых факторах международных отношений, геополитическая важность которых даже превышает их значение для регионального и мирового экономического развития.

Глобальное геоэкономическое значение ТТП в значительной степени определялось его влиянием на дальнейшее развитие нормативно-

[431] USTR, “Remarks by Ambassador Michael Froman at the CSIS Asian Architecture Conference,” September 22, 2015.

институциональной среды мировой экономики. С этой точки зрения данный проект неотделим от эволюции либерального экономического порядка, основы которого США и ведущие страны Запада заложили еще в 1944 г. в рамках Бреттон-Вудских соглашений. Роль ТТП в этом процессе двояка.

С одной стороны, продвижение торговых мегасоглашений должно было служить сохранению этого порядка и центральной роли США в нем, что имеет для Вашингтона как политическое, так и чисто экономическое значение. Политически сохранение либерального экономического порядка в регионе и мире (пусть и в видоизмененной форме) необходимо Вашингтону для сохранения своего глобального лидерства, центральной роли в мировой системе принятия решений. Экономически оно было тесно связано с объективными интересами американских деловых кругов, являющихся главными выгодоприобретателями нынешней мировой экономической архитектуры.

В рамках данной логики, геоэкономическое значение Транстихоокеанского партнерства и других подобных инициатив (прежде всего – другого, ориентированного на Европу проекта – Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства) заключалось в попытке трансформации одной из опорных конструкций либерального экономического порядка как в мире, так и в АТР. С уровня глобальных институтов – в сфере торговли это ВТО – архитектура американоцентричного экономического порядка переносилась на уровень мегарегиональных соглашений, с количественно меньшим набором участников, но качественно более развитыми связями между ними и более глубокой нормативной базой. При этом, более «компактные» во сравнению с ВТО торговые блоки стремятся включить в себя ведущие экономики своих регионов (и мира в целом), тем самым ставя других игроков мировой экономики перед выбором между принятием предлагаемых и написанных в Вашингтоне стандартов и менее привилегированными условиями сотрудничества с экономическими центрами. О системности такого

«блокового» подхода говорит то, что с появлением ТТП и ТАТИП в Вашингтоне заговорили о желательности продвижения такого формата и на третьем направлении: панамериканском. Обе эти инициативы (ТТП и ТАТИП) в теории были направлены на дальнейшее укрепление глобального либерального экономического порядка и перезапуск реформ, провалившихся в рамках «Дохийского раунда».

На региональном же уровне – в АТР – ТТП рассматривалось в Вашингтоне экономически как инструмент двуступенчатой реализации общерегиональной ЗСТ, заложенной в качестве краеугольного камня экономической повестки АТЭС еще в «Богорских целях», а стратегически – как один из инструментов балансировки усиления Китая. Эта инициатива, таким образом, была направлена с одной стороны на институционализацию экономического порядка в АТР в целях укрепления американской роли в нем, с другой – на недопущение появления в АТР альтернативного центра силы, который способствовал бы продвижению альтернативного экономического порядка, строящегося на отличных от американских правилах международно-экономической деятельности – с Китаем во главе.

Хотя глобальное и региональное измерение ТТП во многом совпадают по целеполаганию: укрепление американской роли в формировании правил игры и ослабление позиций усиливающегося Китая на этом направлении – в плане практической реализации эти два измерения противоречат друг другу. Само по себе создание региональных торговых объединений фактически напрямую противоречит логике возглавляемой США «глобализации 90-х», направленной на формирование и развитие глобального экономического порядка с унифицированными правилами игры в сфере торговли и финансов. С другой стороны, позиционирование региональных мегаблоков как инструментов глобальной реформы регулирования торговли заведомо снижает их потенциал как инструментов региональной политики.

4.3. Наконец, противоречивым оказалось наблюдаемое фактическое влияние проекта на структурное развитие региональной международной

системы. Еще в процессе переговоров и до вступления в силу, соглашение по ТТП продемонстрировало неспособность эффективно противостоять всем наметившимся вызовам американскому лидерству сразу. Это связано с противоречивым характером самих вызовов американскому региональному лидерству. С точки зрения поддержания американского международного порядка в АТР, Вашингтон был заинтересован с одной стороны в укреплении своего лидерства, с другой – в недопущении распада самой по себе международной системы в регионе на отдельные, более компактные географически субсистемы в рамках формирующихся более узких политико-институциональных платформ.

Хотя проект ТТП изначально позиционировался как инструмент, направленный на решение этих задач одновременно, в реальности продвижение ТТП лишь стимулирует развитие старых и появление новых институциональных форматов. Так, перспектива реализации ТТП фактически ускорила заключение соглашения о создании Сообщества АСЕАН и способствовала появлению таких форматов как Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство и Евразийское партнерство. При этом отсутствие в проекте ТТП Китая и вовлечение последнего в континентальные проекты и форматы лишь способствует фрагментации международной системы АТР и усиливает тенденцию к поляризации и блоковому характеру региональной политики. Тем самым, задача укрепления американского лидерства фактически вступа\ила в противоречие с предотвращение фрагментации региона. Это ярко продемонстрировало собой ТТП.

Таким образом, в рамках проведенного исследования мы предполагаем, что ни одна из поставленных перед ТТП внешнеполитических задач не могла быть реализована в полной мере. Структурное влияние ТТП на международную систему АТР, даже на этапе обсуждения проекта, оказалось противоречивым: хотя имплементация соглашения о ТТП способно укрепить американское лидерство среди ориентированных на Вашингтон союзников и

некоторых других государств, она в то же время усилило те структурные вызовы, против которых политика администрации Обамы была призвана бороться – фрагментацию региона, появление в нем линий разделения и фактически поляризацию региональной международной системы с потенциалом к ее распаду на более автономные международно-политические порядки. Парадоксальным образом, во многом, ТТП могло поспособствовать разрешению противоречия между эксклюзивным характером региональной архитектуры безопасности и инклюзивностью экономического порядка. Однако, это противоречие при успешной реализации ТТП разрешалось не в сторону формирования более открытого и сбалансированного международного порядка в регионе, а в сторону его большей закрытости и дискриминационности по отношению к части участников и фактической фрагментации международной системы АТР. Порождая новые противоречия в силу огромной взаимосвязанности входящих в регион государств и прежде всего – стран-лидеров в лице Китая и США,

Данные уязвимости соглашения: его противоречивость, ориентированность и как инструмента реализации политических интересов, и как инструмента реализации экономических интересов привело в итоге к тому, что ТТП превратился в весьма дорогостоящий и не вполне соответствующий широким экономическим интересам США инструмент наращивания стратегического влияния. Эти соображения во многом отразились во внутриполитических деабатах относительно будущего проекта в самих США. С момента публикации текста соглашения в октябре 2016 г. оба ведущих кандидата на президентский пост – и от республиканцев, и от демократов высказались против создания объединения, по крайней мере в той форме, в какой его предложила администрация Обамы.

Итогом внутриполитической борьбы вокруг ТТП в 2015-2016 гг. стал отказ пришедшей к власти администрации Трампа от американского участия в проекте. Данный поворот не следует рассматривать от приоритетных для США целей и задач в регионе, главным из которых является сохранение

американского лидерства. Однако высокая экономическая цена предложенного администрацией Обамы инструмента реализации этих целей сделала реализацию проекта невозможной. Фактически можно говорить о переходе США к реализации более «дешевой» тактики продвижения двусторонних соглашений ЗСТ, по мнению новой администрации заведомо более гибких и экономически более выгодных Вашингтону. Само соглашение ТТП имеет шансы на реализацию в ограниченном масштабе – без США и с Японией в качестве государства-лидера инициативы. Такая ограниченная реализация однако потребует коррекции условий ратификации соглашения и окажет гораздо меньший экономический и политический эффект на международную систему АТР.

5. Главным проблемным последствием отказа США от ТТП, укладывающегося в экономическую и внутриполитическую повестку Трампа, является то, что это решение вступает в противоречие с его же внешнеполитической программой, одной из главных пунктов которой является противостояние Китаю. Декларированное новой республиканской администрацией ужесточение подхода к Пекину означает необходимость его более активного сдерживания в регионе, которое трудно представить без экономической компоненты. Пока многие американские союзники в АТР впадают во все большую экономическую зависимость от Пекина, что объективно размывает американское лидерство в региональной системе альянсов.

Имплементация условий ТТП способствовала бы ослаблению этого тренда, укрепив институциональные и торгово-экономические связи между США и их союзниками и партнерами. Главным геоэкономическим следствием соглашения стало бы подстегивание американских инвестиций в страны-участники проекта (прежде всего – развивающиеся экспортно-ориентированные экономики) и соответствующий рост экспорта из этих стран в США. Принципиально, что сложившаяся к моменту подписания соглашения конфигурация не предполагала даже гипотетического (по

крайней мере в ближайшие годы) участия в проекте Китая. Перестройка региональных производственных цепочек происходила бы таким образом в основном за счет Пекина, в том числе медленно ослабляя и американо-китайскую экономическую связку. Отказываясь от ТТП Трамп тем самым отказывается от инструмента, необходимого для проведения в жизнь им же предлагаемой политики.

Немаловажно и то, что свертывание ТТП создает в АТР нормативный вакуум при высоком спросе на институты. Дефицит институтов по-прежнему считается в АТР одной из основных проблем, мешающих развитию и увеличивающих политические риски. В этой связи любые претензии на лидерство в регионе тесно связаны со способностью возглавлять и реализовывать институциональное строительство, формируя позитивную повестку для развития архитектуры экономических связей. Отказавшись от ТТП и не предлагая ничего взамен, Вашингтон в лице новой администрации не только нанес себе колоссальный репутационный урон, но подрубил одну из опорных конструкций своей азиатской политики последних лет, сделав ее заведомо неполноценной.

Пекин уже пытается воспользоваться ситуацией и заполнить образовавшийся вакуум своими проектами. В ходе саммита АТЭС в Перу КНР вновь энергично выступала с идеей создания общерегиональной ЗСТ на базе организации, минуя промежуточные «блоковые» форматы. Характерно, что на фоне общей неопределенности эти предложения были встречены прессой почти как сенсационные, хотя ничего нового в них нет – Китай последовательно продвигает эту инициативу с 2014 г., когда саммит АТЭС проходил в Пекине (она же в свою очередь является по сути зеркальным отражением американских предложений, выдвинутых еще в 2006 г.).

Гораздо больший потенциал в плане перехватывания лидерства в области институционального строительства имеет Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) – поддерживаемая Китаем альтернатива ТТП, созданная в 2013 г. вокруг АСЕАН. Несмотря на видимое

замедление переговорного процесса между участниками проекта, после свертывания ТТП ВРЭП останется единственным реально функционирующим многосторонним форматом переговоров в области выработки новых правил региональной торговли.

На руку США пока играет то, что Китай на данный момент ограничен в своих возможностях нормативной экспансии: низкое качество институтов самой китайской экономики, невысокая заинтересованность китайского бизнеса и государственных предприятий в повышении стандартов экономической деятельности и отсутствие опыта в области реализации больших международных институциональных проектов двигает Пекин к тому, чтобы в отношениях с соседями по региону по-прежнему делать упор на финансовых вливаниях. Сформированные КНР международные институты – прежде всего недавно созданный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций – выполняют роль институциональных зонтиков для наращивания инвестиций в нужном для Пекина направлении, а не генерируют новые правила. По большому счету на то же ориентирован и ВРЭП – переговоры в рамках этого проекта в малой степени затрагивают нетарифное регулирование, фокусируясь на снижении тарифных ограничений и обеспечении институциональной среды для больших инфраструктурных проектов в Юго-Восточной Азии. Китайские проекты, таким образом, могут ослабить американские позиции в АТР, усилив замкнутость азиатской экономики на китайскую, но заполнить нормативно-институциональный вакуум в регионе и тем более – на глобальном уровне они не способны.

В этих условиях у администрации Трампа остается пространство для маневра, позволяющее совместить новую внутриполитическую и экономическую повестку с региональными задачами. По большому счету новая конфигурация американской торговой политики в Азии Трампом уже была озвучена: объявляя об отказе от ТТП он упомянул возврат к практике двусторонних ЗСТ, где США могут иметь более сильную переговорную

позицию и успешнее продавливать свои экономические требования. ТТП в этом случае может выполнить полезную роль как готовая база для переговоров – между США и одиннадцатью государствами региона уже существуют согласованные позиции по правилам торговли, которые могут стать основой для «передоговаривания» на двустороннем треке. При этом избирательная трансформация многостороннего соглашения в отдельные двусторонние договорные форматы облегчается тем, что ТТП и так содержит чрезвычайно индивидуальные условия для большинства участников.

Обновление правил торговли на двустороннем уровне предпочтительно, прежде всего ввиду гибкости такого формата: республиканской администрации будет проще совмещать двусторонние торговые соглашения с заявленным дрейфом в сторону протекционизма и жесткой защитой национальных экономических интересов. По-видимому, администрация Трампа будет стремиться качественно смещать формат таких соглашений в сторону обновления стандартов регулирования торговли, в меньшей степени способствуя ее либерализации, по крайней мере, в сфере тарифных барьеров. Это существенно усложнит переговоры, особенно с Японией, соглашение с которой представляет для США наибольший экономический смысл – не исключено, что на предшествующей объявлению о свертывании ТТП встрече Трампа и японского премьер-министра Абэ в ноябре 2016 г. вопрос перехода от многостороннего формата к двустороннему был затронут. Вашингтон вероятно сможет воспользоваться и во многом им же и порожденной растерянностью своих азиатских союзников – угроза остаться один на один с КНР будет стимулировать их к уступкам, в том числе чисто экономическим.

В долгосрочной перспективе такой подход может расширить правовую инфраструктуру для перехода к более или менее унифицированной многосторонней сделке, которая «вберет» в себя двусторонние соглашения о ЗСТ (как это собиралось сделать и ТТП). Осуществление такого перехода будет тем более проще, если 11 оставшихся участников ТТП все же

сформируют многостороннюю зону свободной торговли без американского участия. Такой сценарий развития инициативы – в которой ведущая роль будет принадлежать уже Японии, которая опять же, вряд ли пустит туда Китай, – нельзя исключать.

Однако, главная проблема такого формата обновления правил региональной торговли заключается в том, что двусторонние ЗСТ, даже в случае успешного их заключения США со всеми одиннадцатью американскими партнерами по ТТП (что маловероятно) не создают унифицированных норм, предполагая индивидуальные условия для каждой пары партнеров. Таким образом, хотя расширение веера двусторонних ЗСТ (прежде всего – на Японию, вероятно – и на других близких американских союзников, не исключая не участвующих в проекте ТТП Филиппин) может выполнить роль экономического измерения сдерживания Китая, главная задача долгосрочного развития АТР – формирование унифицированной институциональной среды региональной экономики – останется нерешенной. Более того, провал политики расширения пакета двусторонних соглашений (вполне возможный, с учетом технической и политической сложности таких переговоров) и дальнейшее усиление регионального веса Китая, в том числе за счет развития и продвижения ВРЭП, может стимулировать Вашингтон смещать конкуренцию из экономико-институционального соревнования в военно-силовое, включая пересмотр отношений с Тайванем, о возможности которого Трамп уже успел заявить.

Список литературы

Источники

Официальные документы:

1. America as a Pacific Power: Challenges and Opportunities in Asia // US House Committee on Foreign Affairs. Hearing on 04.28.2016. [Official Website]. Режимдоступа: https://foreignaffairs.house.gov/hearing/hearing-america-as-a-pacific-power-challenges-and-opportunities-in-asia/
2. APEC Leader's Declaration 1994 // APEC Official Website. Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1994/1994_aelm.aspx
3. APEC Leader's Declaration 2006 // APEC Official Website. Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2006/2006_aelm.aspx
4. Clinton's Remarks on Regional Architecture in Asia, January 2010 // Council on Foreign Relations. January 12, 2010. Режим доступа: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/clintons-remarks-regional-architecture-asia-january-2010/p21218
5. Foreign Relations of the United States. 1951. Vol. VII: Korea and China . WashingtonDC, 1983, 2091 pp. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1951v07p2
6. Global Trends 2025 // Director of National Intelligence [Official Website]. Режим доступа; http://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf
7. *Haslach P.* Preview of US Priorities for APEC // United States Department of State. [Official Website]. Режимдоступа: http://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2008/11/111760.html
8. Hay – Pauncefote Treaty // Electronic Resource. Режим доступа: http://www.lexum.umontreal.ca/ca_us/en/cus.1901.147.en.html

9. Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. America's Pacific Century. Remarks. Honolulu, HI, November 10, 2011. // U.S. Department of State [Official website]. Режим доступа: http://www.state.gov/secretary/rm/2011/11/176999.html

10. Japan Friendship Commerce And Navigation Treaty (1953). // [Электронныйресурс]. Режим доступа: http://tcc.export.gov/Trade_Agreements/All_Trade_Agreements/exp_005539.asp

11. Korea Friendship, Commerce and Navigation Treaty (1956). Режим доступа: http://tcc.export.gov/Trade_Agreements/All_Trade_Agreements/exp_005679.asp

12. Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea; October 1, 1953 // Avalon Project. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp

13. National Military Strategy 1992. // Historical Office. Office of the Secretary of Defense. [Official Website]. Режимдоступа: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=2014-06-25-123420-723

14. National Security Strategy 1993 // National Security Strategy Archive. [Official Website]. Режимдоступа: http://nssarchive.us/national-security-strategy-1993/

15. National Security Strategy for A New Century 1997 // National Security Strategy Archive. [Official Website]. Режимдоступа: http://nssarchive.us/national-security-strategy-1997/

16. National Security Strategy of the United States of America 2002 // US Department of State. [Official Website]. Режимдоступа: http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf

17. National Security Strategy 2010 // White House [Official Website]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

18. Remarks by President Obama in Santury Hall // White House. November 14. 2009. [Official Website].Режимдоступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall

19. Second Release of Secret Trans-Pacific Partnership Agreement documents // WikiLeaks. December 9, 2013. [Electronic Resource]. Режимдоступа: https://wikileaks.org/Second-release-of-secret-Trans.html

20. Statement On Bilateral Meeting With President Hu Of China. April 1. 2009. White House Official Website. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/statement-bilateral-meeting-with-president-hu-china

21. Taiwan Relations Act // American Institute in Taiwan. Режим доступа: http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html

22. The Trans-Pacific Partnership // White House [Электронныйресурс]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/issues/economy/trade

23. Trans-pacific partnership Agreement. [Electronic Resource] // Office of the United States Trade Representative [Official Website]. Режим доступа: https://ustr.gov/tpp

24. Trans-Pacific Strategic and Economic Partnership. Text of the Agreement // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade [Official Website]. Режим доступа: https://www.mfat.govt.nz/downloads/trade-agreement/transpacific/main-agreement.pdf

25. Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan // Department of State. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.state.gov/documents/organization/163490.pdf

26. US Security Strategy for East Asia. 1998 // US Department of Defense. [Official Website]. Режимдоступа: http://www.dod.gov/pubs/easr98/easr98.pdf

27. United States – Singapore Free Trade Agreement // United States State Department [Official Website] Режимдоступа: http://www.state.gov/documents/organization/131497.pdf

Официальные сайты властных структур:

1. Администрация Президента РФ. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/
2. Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx
3. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru
4. Asia-Pacific Economic Cooperation Forum. Режим доступа: http://www.apec.org/
5. Government of Canada. Режимдоступа: http://www.international.gc.ca
6. United States Department of State. Режим доступа: http://www.state.gov
7. United States Department of Commerce. Режим доступа: http://www.commerce.gov
8. United States International Trade Commission. Режим доступа: https://www.usitc.gov
9. United States Federal Reserve. Режимдоступа: https://www.fed.gov
10. United States Trade Representative. Режимдоступа: https://ustr.gov
11. United States Government Accountability Office. Режим доступа: http://www.gao.gov/
12. WhiteHouse. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov

Мемуары и воспоминания государственных и политических деятелей:

1. *Гейтс Р.* Долг. Мемуары министра войны. М. 2014. С. 433
2. Bush G. Decision Points. Crown Publishers, New York. 2010.pp.529
3. *Clinton W.* Between Hope and History. NY , Random House.1996. P.178.
4. *Rice C.* No Higher Honor. Crown. 2011
5. *Rumsfeld D.* Known and Unknown. Sentinel. 2011.

Статистические материалы:

1. Observatory of Economic Statistics. Режимдоступа: http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/nzl/

2. Organization for Economic Cooperation and Development. Режим доступа: http://www.oecd.org/

3. SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. Режимдоступа: https://www.sipri.org/databases/milex

4. The Statistics Portal. Режимдоступа: https://www.statista.com/

5. The World Bank. Режимдоступа: http://data.worldbank.org/

6. United States Federal Reserve. Режимдоступа: https://www.fed.gov

7. United Nations Conference on Trade and Development. Режим доступа: http://unctad.org/

8. United States Trade Representative. Режимдоступа: https://ustr.gov

9. United States Census Bureau.Режимдоступа: http://www.census.gov

10. United States Foreign Assistance Data. Режим доступа: http://foreignassistance.gov/

11. World Trade Organization. Режимдоступа: https://www.wto.org

12. Quandl Statistics Collections. Режимдоступа: https://www.quandl.com/collections/economics/gdp-as-share-of-world-gdp-at-ppp-by-country

Информационные агентства и аналитические ресурсы:

1. Информационное Агентство РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru/

2. Информационное Агентство ТАСС. 16 июня, 2016 г. Режим доступа: http://tass.ru

3. Российская Газета. Режим доступа: https://rg.ru/

4. CNBC. Режим доступа: http://www.cnbc.com /

5. RussiaToday. Режим доступа: https://www.rt.com

6. The Guardian. Режимдоступа: https://www.theguardian.com
7. The New York Times. Режимдоступа:http://www.nytimes.com/
8. Washington Post. Режимдоступа: https://www.washingtonpost.com/

Литература:

Монографии и разделы в монографиях:

1. *Байков АА* .Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Восточной Азии. М.: НОФМО-Аспект Пресс, 2012;
2. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.:Междунар. Отношения, 2010. – 192С.
3. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане М.: Конверт - МОНФ, 1997. 353 с
4. *Братерский М. В., Суслов Д. В.* Возвращение США на Тихий океан // В кн.: Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Отв. ред.: М. В. Братерский; науч. ред.: М. В. Братерский. М. : ИНИОН РАН, 2014. Гл. 1. С. 8-45.
5. *Воскресенский А. Д.* Азиатско-Тихоокеанский регион // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. акад. А. В. Торкунова. М., 2004.
6. *Григорьев Л.М.* (ред.). Мировая экономика. М. 2014.
7. *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949-1991). М. 1991.
8. *Иванян Э.А.* (ред.) История США. Хрестоматия. М. Дрофа. 2005, С. 576.
9. *Ильинский М. М.* Индокитай: Пепел четырёх войн (1939—1979 гг.). М. Вече. 200, С. 512.
10. *Канаев Е.А.* ТТП и РВЭП в системе экономического регионализма АТР/ В сборнике: Ж.В. Петрунина, Е.А. Канаев, Д.В. Киба. Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС. Комсомольск-на-Амуре., 2013.

11. *Канаев Е. А.*Эволюция интеграционных процессов в АТР // В кн.: Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / Рук.: И. А. Макаров; отв. ред.: И. А. Макаров; под общ. ред.: И. А. Макаров; науч. ред.: Е. А. Макарова. М. : Международныеотношения, 2016. С. 57-75.

12. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М. 1997, С. 848.

13. *Киссинджер Г.* О Китае. М. АСТ. 2014, С. 635.

14. *Киреев А.П.*Международня макроэкономика. М., 2014. С 89.

15. *Ку Р.* Священный Грааль макроэкономики. Уроки великой рецесии в Японии. М. 2014.

16. *Курпянко, Л.Г. Арешидзе.* США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.2010. с. 53.

17. *Мальков В.Л.* Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М. 2004. С. 13.

18. Михеев В.В., Швыдко В.Г. (отв. ред). Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности. М. ИМЭМО РАН. 2016, С. 129.

19. *Молодякова Э.В.* Япония: полвека правления либерал-демократов. М. 2010. С. 77-78.

20. *Най Дж.* Будущее власти. М., 2013.

21. *Носков В.В.* Институты власти и внешняя политика США, 1901—1913. СПб., 1993, С. 478.

22. *Печатнов В.О., Маныкин А.С.* История внешней политики США. М. 2014, С. 688.

23. *Престовиц К.Страна-изгой.* СПб. 2005.

24. *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История международных отношений. М. 2008. С. 656.

25. *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI в. М. 2011.

26. *Улюкаев А.В.* Болезненная трансформация мировой экономики. М., 2014.

27. *Ширяев Б.А.* Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы& СПб. 2012.

28. Хуан Я. Капитализм по-китайски Государство и бизнес / Яшэн Хуан ; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишерз. 2012.

29. *Badar J.*Obama and China's Rise: An Insider's Account of America's Asia Strategy. Brookings Institution Press. 2013. – 171 p .

30. *Bawels P., Woods L.*Japan after the Economic Miracle: In Search of New Directions. Springer. 2000.

31. *Barfield C., Levy P.* Tales of the South Pacific: President Obama and the Trans-Pacific Partnership // American Enterprise Institute for Public Policy Research. International Economic Outlook, # 2. December 2009, pp. 1-2.

32. *Bergsten F.* APEC and World Trade: A Force for Worldwide Liberalization // Foreign AffairsVol. 73, No. 3 (May - Jun., 1994), pp. 20-26.

33. *Carr E.* The Twenty Years' Crisis 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations.NY. 2001.

34. *Carter S.* and others. Historical Statistics of the Unites States: From Colonial Times to 1970. Cambridge. 2006, pp 934.

35. *Clapp J.,Dauvergne P.*Paths to a Green World: The Political Economy of the Global Environment. Boston. MIT Press. 2011.

36. *Chan S.*China, the US and the Power-Transition Theory: A Critique. Routledge. 2007. – 287 p.

37. *Cohen W.* (ed.) Pacific Passage. The Study of American-East Asian Relations on the Eve of the Twenty-First Century. Columbia University Press. NY. 1996, pp. 407.

38. *Gilpin R., Gilpin J.* Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press. 2001, pp. 440.

39. *Green M., Gill B.*Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community. Columbia University Press. 2009.

40. *Hachigian N., Sutphen M.* The Next American Century: How the US Can Thrive as Other Powers Rise. NY. Simon and Schuster. 2008.

41. *Herring G.*From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations since 1776. Oxford University Press. 2011, pp. 1056.

42. *Ikenberry J. Mastanduno M.* International Relations Theory and the Asia-Pacific. NY. Columbia University Press. 2003., 450 P.

43. *Javis J.*System Effects: Complexity in Political and Social Life. Princeton. 1997.

44. *Keohane R.*After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press. 2005, pp. 320.

45. *Leonard M.* Connectivity Wars. London. 2016, pp. 220

46. *Manson T. Riedi. E.* The Twentieth Century., Cambridge. 2010 .

47. *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. W.W. Norton & Company. 2014, pp. 592.

48. *Miller P.*American Power and Liberal Order: A Conservative Internationalist Grand Strategy. Georgetown University Press. 2016.

49. *Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace, Fifth Edition, Revised, N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – 752 p.;

50. *Nye J.*The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press. 2003

51. Katzenstein P. Area studies, regional studies, and international relations // Journal of East Asian Studies. Vol. 2, No. 1 (February 2002), pp. 127-137

52. Katzenstein P. A World of Regions: America, Europe, and East Asia // Indiana Journal of Global Legal Studies Vol. 1, No. 1, Symposium: The Globalization of Law, Politics, and Markets: Implications for Domestic Law Reform (Fall, 1993), pp. 65-82

53. Nair D. Regionalism in the Asia Pacific/East Asia: A Frustrated Regionalism? // Contemporary Southeast Asia, Vol. 31, No. 1 (April 2009), pp. 110-142.

54. Nye J. International Regionalism; Readings. Little, Brown and Company. 1968, pp. 432.

55. *Nye J.* Soft Power: The Means To Success In World Politics. Public Affairs., 2005.

56. *Oatley T.*International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy. Longman. 2008.

57. *Roland H. Worth, Jr.* No Choice But War: the United States Embargo Against Japan and the Eruption of War in the Pacific. McFarland, 1995, pp. 248.

58. *Sutter R.*East Asia and the Pacific: Challenges for U.S. Policy. Westview Press Inc. 1992. – 160 p. ;

59. *Steinberg J., O'Hanlon M.* Strategic Reassurance and Resolve. Princeton University Press. 2014.

60. *Shambaugh D.*Tangled Titans: The United States and China. Rowman& Littlefield Publishers. 2012. – 454 p ;

61. *Schweller R.*Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security – 1994. – Vol. 19 (1). – 72–107;

62. *Shaxson N.* Treasure Islands: Tax Havens and the Men who Stole the World. Vintage Digital. 2011.

63. *Silverstone J., Paul H.* The Sailing Navy 1775-1854. Naval Institute Press. 1996, pp. 112.

64. *Stieglitz* J. Globalization and its Discontents. W.W. Norton & Company, Inc. New York.2002.

65. *Stam A.*The Diplomacy of the 'New Order': The Foreign Policy of Japan, Germany and Italy: 1931-1945. Aspekt. 2003, pp. 112.

66. *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. – 251 p

67. *Walt S.* The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 336 p.;

68. *Wortzel L.M.* The Dragon Extends Its Reach: Chinese Military Power Goes Global. Washington DC. Potomac Books. 2013.

69. *Wu Y., Kimura F., Shi X.* Energy Market Integration in East Asia:Deepening Understanding and Moving Forward. Routledge. 2013, pp. 14-16.

70. *Zarate J.*Treasury's War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare. Public Affairs. 2015.

Статьи в научных изданиях и аналитические материалы:

1. *Бордачев Т.В., Синь Ч., Лихачева А.Б.* Чего хочет Азия // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Chego-khochet-Aziya-17310

2. *Городняя Н.Д.*Политика США в Восточной Азии при президентстве У. Клинтона (1993-2001): интеграционный аспект // Universum: общественные науки. № 3 (4). 2014. С. 3.

3. *Кадочников П.А., Стапран Н.В.*Транстихоокеанское партнерство: основные обязательства участников и последствия для международной торговли // Российский Внешнеэкономический Вестник. 2016. Т. 2016. № 2. С. 21-31 ;

4. *Костюнина Г.М.*АТЭС: институциональная структура, направления деятельности и достижения // Российский внешнеэкономический вестник. № 10. 2012. С. 33-46.

5. *Караганов С.А.* Контуры перемен // Россия в глобальной политике. 6 марта, 2016.

6. *Костюнина Г.М., Баронов В.И.*Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная Жизнь. 2016. № 2. С. 90-112 ;

7. *Лихачева А.Б.* Вода и мир // Россия в глобальной политике. 12 июля 2016.

8. *Новиков Д.П.* США и дискуссия об институциональной архитектуре европейской безопасности (2008-2014) // Политика и общество. 2015. № 10. С. 1141-1149.

9. *Новиков Д.П.* Джингоизм как феномен внешнеполитической идеологии США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. С. 111-114.

10. *Новиков Д.П.,* Чернявская К.И. Роль и место Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства в европейской политике США // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 107-126.

11. *Новиков Д.П.* Эволюция внешнеполитического сознания США в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Дискуссия. 2014. № 10. С. 89-113.

12. *Перская В.В.*Транстихоокеанское партнерство: вызов для мировой экономики или эволюция интеграции в условиях перехода к многополярности? // Экономические Стратегии. 2015. Т. 17. № 8 (133). С. 26-39;

13. *Портяков В.А.* Большие гонки // Россия в глобальной политике. № 3. 2016.[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshie-gonki-18150

14. *Портяков В.А.* Возвышение Китая: что дальше? // Россия в глобальной политике. № 3. 2014.

15. *Портанский А.В.*Мегарегиональный вызов // Россия в глобальной политике. 14 января 2016.

16. Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений / Пер. с англ.А.Кириллова. СПб.: Амфора, 2005. С. 87.

17. *Радд К.* Азиатский парадокс // Россия в глобальной политике. №5, 2016

18. *Ремчукова В.К.*Транстихоокеанское партнерство - первые результаты, история создания, перспективы // Российский Внешнеэкономический Вестник. 2015. Т. 2015. № 11. С. 100-105;

19. *Сафронов Б.В.* Участие США в работе организации «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) // Europeansocialsciencejournal. № 8 (24). 2012. С. 519-526.

20. *Сидоров А.А.* АТЭС В Поисках Новой Парадигмы Развития. Вестник Московского Университета. Сер. 25. Международные Отношения И Мировая Политика. №2. 2009,С. 18-38.

21. *Сидоров А.А.* У истоков ТТП // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. №4.

22. *Стрельцов Д.В.* Япония между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. №3. 2012. С 72-95.

23. *Acharia A.* The Bush doctrine and Asian regional order: the perils and pitfalls of preemption // *Asian Perspective.* Vol. 27, No. 4, Special Issue on the Bush Doctrine and Asia (2003), pp. 217-247.

24. *Bader J., Pollack J.*Return to the Asia Rebalance and the U.S.-China Relationship. Brookings Institute: 2014. Режимдоступа: https://www.brookings.edu/research/return-to-the-asia-rebalance-and-the-u-s-china-relationship/

25. *Barfield C.*The United States and East Asian regionalism: Competing paths to integration // International Journal of Korean Studies, Vol. XVI, No. 2 in Fall/Winter 2012.

26. *Bergsten F.* What to Do about the U.S.-Japan Economic Conflict // Foreign Affairs. Vol. 60, No. 5 (Summer, 1982), pp. 1059-1075

27. *Bush R., Meltzer J.* Taiwan and the Trans-Pacific Partnership: Preparing the Way // Brookings Institute [Web Portal]. Режим доступа:http://www.brookings.edu/research/papers/2013/10/taiwan-transpacific-partnership-bush-meltzer

28. *Bishop A.* Standard Power: The New Geopolitical Battle // National Interest. October 7, 2015, [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://nationalinterest.org/feature/standard-power-the-new-geopolitical-battle-14017

29. *Blair D., Hornung J.* How to Prevent China form Changing the Status Quo // The Diplomat. September 31, 2016.

30. *Blumenthal D.* The Erosion of US Power in Asia // American Enterprise Institute for Public Research. [Official Website]. Режимдоступа: http://www.aei.org/publication/the-erosion-of-u-s-power-in-asia/

31. *Bowels P.* ASEAN, AFTA and the "New Regionalism" // Pacific Affairs. Vol. 70, No. 2 (Summer, 1997), pp. 219-233.

32. *Bremer J.* Obama is in Asia, but Where is His Foreign Policy? // Foreign Policy. November 11. 2010.

33. *Buzan B., Woever O.* Regions and Powers. Structure of International Security. Cambridge University Press. 2003.

34. *Calmes J.*Trump Scores Points on Trade in Debate, but Not So Much on Accuracy // The New York Times, September 27, 2016.

35. *Capanelli G.* Institutions for Economic and Financial Integration in Asia: Trends and Prospects // ADBI Working Paper Series. No. 308. 2011.

36. *Chen E.* U.S.-China Trade Relations and Economic Distrust // The Chinese Economy, 2014. No 47 (3), pp. 57-69.

37. China promotes ‘Asia-Pacific dream’ to counter U.S. ‘pivot’ // Washington Post, November 11, 2014.

38. *Chang G.* TPP vs. RCEP: America and China Battle for Control of Pacific Trade // The National Interest. October 6, 2015

39. *Christensen T.*The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. W. W. Norton & Company. 2016. – 400 p;

40. *Coclanis P., Doshi T.* Globalization in Southeast Asia // The Annals of the American Academy of Political and Social Science.Vol. 570, Dimensions of Globalization (Jul., 2000), pp. 49-64.

41. *Cohen M.* Communist China: To Recognize or Not to Recognize. International Journal. Vol. 8, No. 4 (Autumn, 1953), pp. 266-273

42. *Cohen R.* If the Trans-Pacific Partnership Crumbles, China Wins // New York Times. June 2. 2016..

43. *Cossa R.* (ed.). The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration // Center for Strategic and International Studies. February 2009. Режим доступа: http://csis.org/files/media/csis/pubs/issuesinsights_v09n01.pdf

44. DeConde A., Burns R. Encyclopedia Of American Foreign Policy. NY. Vol. 1, 2002, pp 1820.

45. *Davis B.*China, U.S. Parry Over Preferred Trade Pacts at APEC // The Wall Street Journal. November 9, 2014.

46. *Dent C.* Bilateral free trade agreements: boon or bane for regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? // *European Journal of East Asian Studies.* Vol. 4, No. 2 (2005), pp. 287-314.

47. *Devadason E.*The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese perspective // Journal of Contemporary China. No 23:87, pp. 462-479.

48. Doha's Demise // The Washington Post, July 30, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/07/29/AR2008072902110.html

49. *Dong W.* US-China Trade, 1971-2012: Insights into US-China Relationship // The Asia-Pacific Journal. June 16, 2013, Volume 11. Issue 24. Number 4.

50. *Fenenko A.* Obama`s Central Asian strategy // Russian Council on Foreign Affairs. 27 August, 2012. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=715#top-content

51. *Fergusson A., Cooper W.* The Trans-Pacific Partnership. Negotiations and Issues for Congress // Federation of American Scientists [Web portal]. Режим доступа: http://www.fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf?utm_source=The+Trans-Pacific+Partnership+Would+Destroy+our+National+Sovereignty&utm_campaign=Trans-Pacific+Partnership&utm_medium=email

52. *Fergusson I., McMinimy M., Williams B.* The Trans-Pacific Partnership (TPP) Negotiations and Issues for Congress // United States Department of State.

[Official Website]. Режимдоступа: http://photos.state.gov/libraries/vietnam/8621/pdf-forms/tpp-crsreport032015.pdf

53. *Fayhsal W.*The Geopolitics of the Trans-Pacific Partnership Agreement (TPPA), A US Imperial Strategy // Centre for Research on Globalization. [Electronic Resource]. January 15, 2016. Режимдоступа: http://www.globalresearch.ca/the-geopolitics-of-the-trans-pacific-partnership-agreement-tppa-a-us-imperial-strategy/5501558

54. *Friedberg A.*How Barack Obama Became a China Hawk // New Republic. November 10, 2010.

55. *Fifield A.* South Korea asks to join Pacific trade deal. Washington says not so fast // The Washington Post, April 15, 2015.

56. *Gilpin R., Gilpin J.* Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press., 2001.

57. *Green M.*Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community. Columbia University Press. NY. 2009.

58. *Geertz B.* Chinese See US Debt as Weapon in Taiwan Dispute // Washington Times. February 10, 2010.

59. *Godbole A.* China’s Asia Strategy under President Xi Jinping // Strategic Analysis, 2015 Vol. 39, No. 3, 298–302.

60. *Gordon B.*The Trans-Pacific Partnership and the Rise of China //Foreign Affairs. November 7, 2011.

61. *Gordon B.* Trading Up in Asia: Why the United States Needs the Trans-Pacific Partnership // *Foreign Affairs.* Vol. 91, No. 4 (July/August 2012), pp. 17-22.

62. *Hatoyama Y.* A New Path for Japan // The New York Times. August 26. 2009.

63. *Hart J., Aseem P.* Strategic Trade and Investment Policies: Implications for the Study of International Political Economy // *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. Boston: Bedford/St. Martin's. 2000 ;

64. Hu A. Embracing China’s New Normal // Foreign Affairs. 2015, №3 [Electronic Website]. Режимдоступа:https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-04-20/embracing-chinas-new-normal

65. *Hu R.* Building Asia-Pacific Regional Architecture: The Challenge of Hybrid Regionalism // Brooking Institute. July 29, 2014.

66. *Hoffa P., Gerard L., Williams D.* It’s Time to Take a Stand for Workers on TPP // Huffington Post, July 12, 2015.

67. *Hufbauer G., Cimino-Isaacs C.* How will TPP and TTIP Change the WTO System? // Journal of International Economic Law, 2015, 18, pp. 679–696.

68. *Hsu S.*China and the Trans-Pacific Partnership // The Diplomat. October 14, 2015.

69. *Hufbauer G.,* Schott J. Fitting Asia-Pacific Agreements into the WTO System // WTO Work Paper. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/con_sep07_e/hufbauer_scott_e.pdf

70. *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. № 21. 1995. P. 331–358.

71. *Ianchovichina E., Martin W.* Trade Liberalization in China's Accession to WTO // Journal of Economic Integration. Vol. 16, No. 4 (December 2001), pp. 421-445.

72. Indonesia will join Trans-Pacific Partnership, Jokowi tells Obama // The Guardian. October 27, 2015. Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2015/oct/27/indonesia-will-join-trans-pacific-partnership-jokowi-tells-obama

73. *Inoguchi T.* Japan in 2013: Abenomics and Abegeopolitics // Asian Survey. Vol. 54, No. 1, A Survey of Asia in 2013 (January/February 2014), pp. 101-112.

74. *Jeeyong K.*When Economic Interdependence Meets Power Politics: Predicting the Direction of East Asian Regionalism in Asia’s Paradox // The Korean Journal of Defense Analysis.Vol. 27, No. 3, September 2015, 293–312 ;

75. *Javis J.* Complexity and the Analysis of Political and Social Life // Political Science Quarterly . 1997. 112(4): 569–93;

76. Jones H. Crucible of Power. History of US Foreign Policy Since 1897. Oxford. 2001., pp. 527.

77. *Kanter J., Ewing J.*A Running Start for a U.S.-Europe Trade Pact // The New York Times. February 13, 2013.

78. *Kessler G.*China Is at the Heart of Clinton's First Trip // Washington Post. February 15. 2009.

79. *Kuo A.T.* President Ma reiterates hope to join TPP and RCEP // The China Post. June 27, 2013.

80. *Kuo M.* Assessing The US-China Strategic And Economic Dialogue // The Diplomat. July 20, 2016.

81. *Kwon Y.*South Korea's Eurasia Ambitions // The Diplomat. August 20, 2014.

82. *Lee B.*THAAD and the Sino-South Korean Strategic Dilemma // The Diplomat. October 7, 2016.

83. *Lee J., Park S-H.* APEC At A Crossroads: Challenges And Opportunities // Asian Perspective, Vol. 33, No. 2 (2009), pp. 97-124.

84. *Leigh D.*Monetary Policy and the Lost Decade: Lessons from Japan // *Journal of Money, Credit and Banking.* Vol. 42, No. 5 (August 2010), pp. 833-857.

85. *Lloyd E.* Who Lost China? Chiang Kai-shek Testifies. *The China Quarterly.* No. 88 (Dec., 1981), pp. 658-668.

86. *Luo J., Kesselheim A.S.* The Trans-Pacific Partnership Agreement and Implications for Access to Essential Medicines // Journal of American Medical Association October 20, 2015. Volume 314, Number 15, pp. 1563-1564.

87. *McKay J.* APEC: Successes, Weaknesses, and Future Prospects // Southeast Asian Affairs. 2002., pp. 42-53.

88. *Mauldin W.*U.S. Reaches Trans-Pacific Partnership Trade Deal With 11 Pacific Nations // Wall Street Journal. October 5, 2015.

89. *Manning R. Feigenbaum E.* The United States in the New Asia // Council for Foreign Relations. Council Special Report. Режимдоступа:

http://www.cfr.org/asia-and-pacific/united-states-new-asia/p20446;

90. *Mearsheimer J.* Can China Rise Peacefully? // National Interest. October 25, 2014.

91. *Meltzer J.* Japan to Join Trans-Pacific Partnership – Finally // Brookings Institute. March 18, 2013. [Electronic Resource]. Режимдоступа: https://www.brookings.edu/blog/up-front/2013/03/18/japan-to-join-the-trans-pacific-partnership-finally/

92. Min Y. China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road //Asian Security, vol. 11, no. 3, 2015, pp. 206–224;

93. *Mltzer J.* Why China Should Join TPP // Brookings Institute. September 21, 2015. Режим доступа: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/09/21/why-china-should-join-the-trans-pacific-partnership/

94. *Morgan P., Plummer M., Wignaraja G.* Regional Transport Infrastructure: Mapping Projects to Bridge South Asia and Southeast Asia // ADB Briefs. No 43. September 2015.

95. *Moore T.* In Pursuit of Open Markets: U.S. Economic Strategy in the Asia-Pacific // Asian Affairs, Vol. 28, No. 3 (Fall, 2001), pp. 170-179

96. *Nanto D.* Economics and National Security: Issues and Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service Report. January 4, 2011. Режим доступа: https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf .

97. *Naughton B., Kroeber A., Jonquieres G., Webster G.*What Will the TPP Mean for China? // Foreign Policy. October 7, 2015;

98. *Negroponte J.* Speech at U.S.-Asia Pacific Council. April 11. 2008. // Department of State. [Official Website]. Режим доступа: https://2001-2009.state.gov/s/d/2008/103464.htm

99. *Nollen S.D., Quinn D.* Free Trade, Fair Trade, Strategic Trade, and Protectionism in the U.S. Congress, 1987-88 // International Organization. Vol. 48, No. 3 (Summer, 1994), pp. 491-525.

100. *Obama B.*The TPP would let America, not China, lead the way on global trade // Washington Post. May 2. 2016.

101. *Ovendale R.* Britain, the United States, and the Cold War in South-East Asia, 1949-1950 // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-).* Vol. 58, No. 3 (Summer, 1982), pp. 447-464.

102. *Packard G.* The Coming U.S.-Japan Crisis // Foreign Affairs. Vol. 66, No. 2 (Winter, 1987), pp. 348-367.

103. *Parameswaran P.* Explaining US Strategic Partnerships in the Asia-Pacific Regions: Origins, Developments and Prospects // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, Volume 36, Number 2, August 2014, pp. 262-289.

104. *Parker J.*China and the TPP: The Trojan Horse Option // The Diplomat. September 24. 2013. Режим доступа: http://thediplomat.com/2013/09/china-and-the-tpp-the-trojan-horse-option/

105. President Tsai urges U.S. support for Taiwan's TPP bid // Focus Taiwan. May 22. 2016. [Electronic Resource]. Режимдоступа: http://focustaiwan.tw/news/aipl/201605220010.aspx

106. *Palmer D.* Some secrecy needed in trade talks: Ron Kirk // Reuters. May 13, 2012.

107. *Palmer D.* How Trump or Clinton could kill Pacific trade deal // Politico, August 30, 2016.

108. *Petri P., Plummer M., Zhai F.*The Trans-Pacific Partnership And Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment. Washington. 2012.

109. Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership // World Bank Global Economic Propsects, January 2016, pp. 227-228.

110. *Petri P., Plummer M.*The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates // Peterson Institute of International Economics. Working Paper. January 2016.

111. *Prus M.* Hegemony, Domination, Detachment: Differences in Regional Powerhood // International Studies Review. Vol. 12, No. 4 (December 2010), pp. 479-504.

112. *Quandt W.* The Electoral Cycle and the Conduct of Foreign Policy // Political Science Quaterly. Vol. 101, No. 5, (1986), pp. 825-837

113. *Ravenhill J.*Multilateralising regionalism: what role for the Trans-Pacific Partnership Agreement? // The Pacific Review, Vol. 24 No. 5 December 2011: 553–575.

114. *Rodhan M.*Obama: China Could Join Asia-Pacific Trade Deal // Time. June 3. 2015. URL:http://time.com/3908381/barack-obama-china-trans-pacific-partnership/

115. *Rose G.* Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics – 1998. – Vol. 51 (1). – P. 144-172;

116. *Ruland J.* East Asian Regionalism: From Stagnation To Re-Invention? // European Journal of East Asian Studies, Vol. 4, No. 2 (2005), pp. 149-176 ;

117. *Rude J., An H.* Trans-Pacific Partnership: Implications for the Canadian Industrial Dairy Sector // Canadian Public Policy. Vol. 39, No. 3 (September 2013), pp. 393-410

118. *Rosli F., Yong H.K., Mohamed J. et al.* National Interest Analysis Of Malaysia's Participation In The Trans-Pacific Partnership // Institute Of Strategic And International Studies (ISIS) Malaysia. [Electronic Resource]. URL: http://fta.miti.gov.my/miti-fta/resources/ISIS_The_Grand_Finale.pdf

119. *Relly J.*China's Unilateral Sanctions // Washington Quarterly. Fall, 2012. pp. 121-133.

120. *Rosnik D.* Gains from Trade? The Net Effect of the trans-Pacific Partnership on Agreement on US Wages // Center for Economic Policy Research [Web portal]. URL: http://www.cepr.net/documents/publications/TPP-2013-09.pdf

121. *Rhodan M.* Obama: China Could Join Asia-Pacific Trade Deal // Time. June 3, 2015.

122. *Rhodes B.*Why President Obama's Trade Deal Matters to U.S. National Security // DipNote. U.S. Department of State Official Blog. May 4, 2016.. URL: https://blogs.state.gov/stories/2016/05/04/why-president-obama-s-trade-deal-matters-us-national-security

123. *Rosenfeld E.* Trans-Pacific Partnership: GOP candidates split on deal // CNBC. October 21, 2015. URL: http://www.cnbc.com/2015/10/21/trans-pacific-partnership-gop-candidates-split-on-deal.html

124. *Ryo S., Gannon J. (eds).*Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan. Brookings Institution Press. Washington. 2015, pp. 159-178.

125. *Schweller R.*Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security – 1994. – Vol. 19 (1). – 72–107 ;

126. *Schmitt G.*A Road Map for Asian-Pacific Security // American Enterprise Institute for Public Research. [Official Website]. Режимдоступа:http://www.aei.org/wp-content/uploads/2011/10/A%20Road%20Map%20for%20Asia%20Pacificpdf.pdf

127. *Smith A.* Transcontinental Railroad // Thirty Turning Points in the Making of American Cuisine. Columbia University Press. 2009., pp. 83-93.

128. Stamoulis A. Trading Away the Future: An Analysis of the Trans-Pacific Partnership // New Labor Forum. 2014, 22(3), pp. 30–37;

129. *Steinberg J.* Counterterrorism: A New Organizing Principle for American National Security? // *The Brookings Review*, Vol. 20, No. 3 (Summer, 2002), pp. 4-7.

130. *Seib J.*Obama Presses Case for Asia Trade Deal, Warns Failure Would Benefit China // The New York Times, April 27, 2015.

131. *Solis M.* The Geopolitical Importance of the Trans-Pacific Partnership: At Stake a Liberal Economic Order // The Brookings Institute. March 13, 2016. Режим доступа: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/03/13/the-geopolitical-importance-of-the-trans-pacific-partnership-at-stake-a-liberal-economic-order/

132. *Stamoulis A.* Trading Away the Future: An Analysis of the Trans-Pacific Partnership // New Labor Forum. 2014, 22(3), pp. 30–37.

133. *Stiglitz J.* In 2016, let's hope for better trade agreements - and the death of TPP // The Guardian. January 10, 2016.

134. *Stubbs R.* War and Economic Development: Export-Oriented Industrialization in East and Southeast Asia // Comparative Politics. Vol. 31, No. 3 (Apr., 1999), pp. 337-355.

135. *Sutter R.* China's Rise: Implication for US Leadership in Asia // East-West Center Washington. PolicyStudies 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/PS021.pdf?file=1&type=node&id=32113

136. *Sutter R.* The United States and Asia in 2006: Crisis Management, Holding Patterns, and Secondary Initiatives // *Asian Survey.* Vol. 47, No. 1 (January/February 2007), pp. 10-21

137. *Suoqiao Q.* Representing China: Lin Yutang vs. American "China Hands" in the 1940s // The Journal of American-East Asian Relations.Vol. 17, No. 2 (2010), pp. 99-117.

138. *Sung-Hoon P., Lee J.* APEC at Crossroads: Challenges and Opportunities // Asian Perspective. 2009. Vol. 33. N 2.

139. *Thacker-Kumar L. Campbell R.* US Foreign Policy in Asia Since 9/11: Temporary Aliances or Permanent Changes? International Social Science Review. Vol. 81, No. 3/4 (2006), pp. 99-110.

140. *Thackara J.*How to Thrive in the Next Economy: Designing Tomorrow's World Today. NY. Thames & Hudson. 2015; *Rifkin J.* The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. St. Martin's Griffin. 2013.

141. *Tiezzi S.*As TPP Leaders Celebrate, China Urges Creation of Asia-Pacific Free Trade Area // The Diplomat. November 19, 2015.

142. Trends in U.S. and Chinese Economic Engagement //. Report to Congressional Requesters. August 2015. [Electronic Resource]. Режим доступа: assets/680/671988.pdf

143. *Tyler P.*U.S. Strategy Plan Calls for Insuring No Rivals Develop A One-Superpower World // New York Times. March 8, 1992.

144. *Yoshimatsu H.* Critical junctures and institution-building: regional

cooperation on free trade and food security in East Asia // The Pacific Review, 2015.

145. *Vaughn B.*U.S. Strategic and Defense Relationships in the Asia-Pacific Region // Congressional Research Service Report. January 9, 2007. Режим доступа: http://fas.org/sgp/crs/row/RL33821.pdf

146. *Walker D.* Trends in US Military Spending // Council on Foreign Policy. [Official Website}. Режим доступа: http://www.cfr.org/defense-budget/trends-us-military-spending/p28855

147. *Wesley M.* Trade agreements and strategic rivalry in Asia // Australian Journal of International Affairs, 2015 Vol. 69, No. 5, 479–495.

148. *Wilson J.* Mega-Regional Trade Deals in the Asia-Pacific: Choosing Between the TPP and RCEP? // Journal of Contemporary Asia, 2015 Vol. 45, No. 2, 345–353.

149. *Williams B.R.* (ed) The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications // Congressional Research Service Report. February 3. 2016. [Electronic Resource]. Режимдоступа: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf

150. *Wilson J.* Mega-Regional Trade Deals in the Asia-Pacific: Choosing Between the TPP and RCEP? // Journal of Contemporary Asia, 2015 Vol. 45, No. 2, 345–353.

151. *Zeng J., Breslin S.* China's 'new type of Great Power relations': a G2 with Chinese characteristics? // The Royal Institute of International Affairs. July 2016. Vol. 92. No 4.

152. *Zimmerman W.* Hierarchical Regional Systems and the Politics of System Boundaries // International Organization. 26(1)) 1978. PP. 18–36.